

A monochromatic illustration in shades of brown and gold. A woman with long, flowing hair, wearing a laurel wreath and a draped garment, is shown in profile, playing a lyre. The lyre is ornate with a decorative base. The background is filled with delicate, stylized leaves and butterflies. The entire scene is framed by a thin white line with leaf-like flourishes at the corners.

ЛИРИКА
РУССКИХ
ПОЭТОВ

„Он встретил
Вас...“

„*Встретил
Вас*“..

ЛИРИКА
РУССКИХ
ПОЭТОВ

ИРКУТСК
ВОСТОЧНО-
СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1980

P2
C23

C23 *Я встретил Вас. Стихи.* — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1980 (I кв.).

448 с.

В сборник включены стихи известных русских поэтов о любви.

C $\frac{70401 - 10}{M 141 (03) - 80}$ 41 — 80 4702010100 P2

© Восточно-Сибирское книжное издательство, 1980 г.

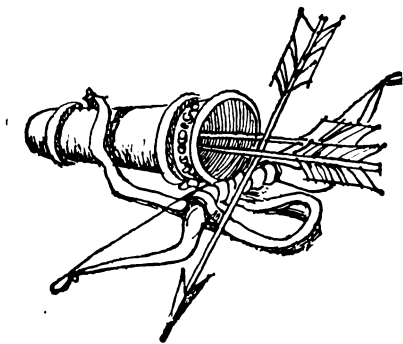
САМОЕ УМНОЕ, ЧТО ДОСТИГ ЧЕЛОВЕК, — ЭТО
УМЕНИЕ ЛЮБИТЬ ЖЕНЩИНУ, ПОКЛОНЯТЬСЯ ЕЕ
КРАСОТЕ: ОТ ЛЮБВИ К ЖЕНЩИНЕ РОДИЛОСЬ ВСЕ
ПРЕКРАСНОЕ НА ЗЕМЛЕ.

Л. Толстой

Я встретил Вас...

ПРИНОШЕНИЕ КРАСАВИЦАМ

Вам, красавицы молодые,
И супруге в дар моей
Песни Леля золотые
Подношу я в книжке сей.
Нравиться уж я бессилен
И копьем и сайдаком,
Дурен, стар и не умилен:
Бью стихами вам челом.
Бью челом; и по морозам
Коль вы ездите в санях,
Летом ходите по розам,
По лугам и муравам,
То и праха не лобзаю
Я прелестных ваших ног;
Чувствы те лишь посвящаю,
Что любви всесильный бог
С жизнью самой в кровь мне пламень,
В душу силу влил огня;
Сыплют искры, снег и камень
Под стопами у меня.

ГАВРИЛА
ДЕРЖАВИН

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зрел ли ты, певец Тииский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груды нежные дышат?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН

* * *

Мы желали — и свершилось!..
Лиза! Небо любит нас.
Постоянство наградилось:
Ты моя! — Блаженный час!

Быть счастливейшим супругом,
Быть любимым и любить.
Быть любовником и другом...
Ах, я рад на свете жить!

Рад терпеть, чего не можно
В здешней жизни избежать;
Рад и плакать, если должно
Смертным слезы проливать,

Нежность горе улаживает;
Дружба милою рукой
Слез потоки отирает
И вселяет в грудь покой.

Будь единственным предметом
Страсти сердца моего!
Я навек простился с светом,
Мне наскучил шум его.

Пусть Прелесты там сияют
Блеском хитростей своих;
Пусть они других прельщают;
Пусть другие любят их!

Было время заблуждений;
Я как бабочка летал
Вкруг блестящих привидений —
Сердца в мраморе искал!

Сон исчез, и я увидел,
Что игрушкой хитрой был;
Всех Прелест возненавидел
И невинность полюбил.

Ты одна любви достойна;
Я нашел, чего искал,
И душа моя спокойна.
Все сбылось, чего желал!

Свет забудет нас с тобою —
Что нам нужды, Лиза, в нем?
Мы с любовью одною
Век без скуки проживем.

ПЕСНЯ

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой лстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

Любил я резвую Плениру,
Любил веселую Темиру,
Любил и сердцем и душой.
Они шутили, улыбались.
Моею страстью забавлялись;
А я — я слезы лил рекой!

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой лстить

И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

Мне горы золота сулили;
Надейся! — взором говорили.
Пришло к развязке наконец...
И что ж? Мне двери указали!
Учись знать шутку, друг! — сказали.
Они смеются!.. Я глупец!

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой лстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет, что прибыли любить?

Тот век несчастлив будет с вами,
Кто любит прямо, не словами.
Вам мило головы кружить,
Играть невинными сердцами,
Дарить нас рабством и цепями
И только для тщеславья жить.

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой лстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет, что прибыли любить?

Ах, лучше по лесам скитаться,
С лапландцами в снегу валяться
И плавать в лодке по морям,
Чем быть пласивым Селадоном,
Твердить «увы» печальным тоном
И ввек служить потехой вам!

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой лстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

АЛЕКСЕЙ
МЕРЗЛЯКОВ

* * *

Среди долины ровные,
На гладкой высоте
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко:
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка:
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него;
Ни кустики зеленые
Не вьются вокруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!

Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота.
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей.
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми:
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими:
Поклон — да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До черного лишь дня!
Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!
 Ни роду нет, ни племени
 В чужой мне стороне;
 Не ластится любезная
 Подруженька ко мне!
Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не выются вокруг малюточки,
Тихохонько резвясь!
 Возьмите же все золото,
 Все почести назад;
 Мне родину, мне милую,
 Мне милой дайте взгляд!

ИВАН
КОЗЛОВ

* * *

Княгине З. А. Волконской

Мне говорят: «Она поет —
И радость тихо в душу льется,
Раздумье томное найдет,
В мечтанье сладком сердце бьется.

И то, что мило на земли,
Когда поет она — милее,
И пламенной огонь любви,
И все прекрасное святее!»

А я, я слез не проливал,
Волшебным голосом плененный;
Я только помню, что видал
Певицы образ несравненный.

О, помню я, каким огнем
Сияли очи голубые,
Как на челе ее младом
Вилися кудри золотые!

И помню звук ее речей,
Как помнят чувство дорогое.
Он слышится в душе моей,
В нем было что-то неземное.

Она, она передо мной,
Когда таинственная лира

Звучит о Пери молодой
Долины светлой Кашемира*.

Звезда любви над ней горит,
И — стан обхвачен пеленою —
Она, эфирная, летит,
Чуть озаренная луною;

Из лилий с розами венок
Небрежно волосы венчает,
И локоны ее взвевает
Душистой ночи ветерок.

НОВЫЕ СТАНСЫ

Прости! уж полночь; над луною,
Ты видишь, облако летит;
Оно туманной пеленою
Сиянье нежное мрачит.

Я мчуся в даль, мой парус веет,
Шумит разлучница волна, —
Едва ли прежде прояснеет
На своде пасмурном луна.

И я, как облако густое,
Тебя, луна моя, затмил;
Я горем сердце молодое
И взор веселый омрачил.

Твой цвет, и радостный, и нежный,
Моей любовью опален;
Свободна ты, — мой жар мятежный
Забудь скорей, как страшный сон!

* Кашемир (Кашмир) — княжество на юге Азии, сокращенное название штата Индии (Джому и Кашмира).

Не увлекись молвою шумной!
Убило светлые мечты
Не то, что я любил безумно,
Но что не так любила ты.

Прости — не плачь! уже редет
Туман пред ясною луной,
Взыграло море, парус веет —
И я в челнок бросаюсь мой.

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

ПЕСНЯ

Когда я был любим — в восторгах, в наслажденье,
Как сон пленительный, вся жизнь моя текла.
Но я тобой забыт, — где счастья привиденье!
Ах! счастьем моим любовь твоя была!

Когда я был любим — тобою вдохновенный
Я пел, моя душа хвалой твоей жила;
Но я тобой забыт — погиб мой дар мгновенный!
Ах! гением моим любовь твоя была!

Когда я был любим — дары благоденья
В обитель нищеты рука моя несла;
Но я тобой забыт — нет в сердце состраданья!
Ах! благостью моей любовь твоя была!

К НЕЙ

Имя где для тебя?
Не сильно смертных искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нет для тебя!
Что песни? Отзвев неверный
Поздней молвы об тебе!

Если бы сердце могло быть
Им слышно, каждое чувство
Было бы гимном тебе!

Прелесть жизни твоей,
Сей образ чистый, священный, —
В сердце — как тайну ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, как ты любима,
Может лишь вечность одна!

НОВАЯ ЛЮБОВЬ — НОВАЯ ЖИЗНЬ

Что с тобой вдруг, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипело, запылало?
Как тебя растолковать?
Все исчезло, чем ты жило,
Чем так сладостно грустило!
Где беспечность? где покой?..
Ах! что случилось с тобой?

Расцветающая ль младость,
Речи ль, полные душой,
Взора ль пламенная сладость
Овладели так тобой?
Захочу ли ободриться,
Оторваться, удалиться —
Бросит томный, томный взгляд...
Ах! я к ней лечу назад!

Я неволен, очарован!
Я к неволе золотой,
Обессиленный, прикован
Шелковинкою одной!
И бежать очарованья
Нет ни силы, ни желанья!
Рад тоске, хочу любить!..
Видно, сердце, так и быть!

ДЕНИС ДАВЫДОВ

ГУСАР

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусар, питомец славы,
Любил лишь только бой кровавый
И был отступником любви.
Амур не вечно пастушком
В свирель без умолка играет:
Он часто, скучив посошком,
С гусарской саблею гуляет;
Он часто храбрости огонь
Любовным пламенем питает —
И тем милей бывает он!
Он часто с грозным барабаном
Мешает звук любовных слов;
Он так и нам под доломаном
Вселяет зверство и любовь.
В нас сердце не всегда желает
Услышать стон, увидеть бой...
Ах, часто и гусар вздыхает,
И в кивере его весной
Голубка гнездышко свивает...

ЭЛЕГИЯ VIII

О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов,
Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокой,
Зачем скользит небрежно покров

С плеч белых и с груди высокой?
О, пощади! Я гибну без того,
Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего;
Я, звуку слов твоих внимая, цепенею;
Но ты вошла... и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бешенство желанья
Бегут по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!
С тобой летят, летят часы,
Язык безмолвствует... одни мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы...
И взор впился в твои красы,
Как жадная пчела в листок весенней розы.

РОМАНС

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.

* * *

Я вас люблю так, как любить вас должно:
Наперекор судьбы и сплетней городских,
Наперекор, быть может, вас самих,
Томящих жизнь мою жестоко и безбожно.

Я вас люблю не оттого, что вы
Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит,
Уста роскошествуют и взор Востоком пышет,
Что вы — поэзия от ног до головы!

Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы, —
Я мог бы вас любить глухим, лишенным зренья...

Я вас люблю затем, что это — вы!
На право вас любить не прибегу к пашпóрту
Иссохших завистью жеманниц отставных:
Давно с почтением я умоляю их
Не заниматься мной и убираться к черту!

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА

Что она? — Порыв, смятенье,
И холодность, и восторг,
И отпор, и увлечение,
Смех и слезы, черт и бог,
Пыл полуденного лета,
Урагана красота,
Исступленного поэта
Беспокойная мечта!
С нею дружба — упоенье...
Но спаси, создатель, с ней
От любовного сношенья
И таинственных связей!
Огненна, славолюбива,
Я ручаюсь, что она
Неотвязчива, ревнива,
Как законная жена!

НА ГОЛОС РУССКОЙ ПЕСНИ

Я люблю тебя, без ума люблю!
О тебе одной думы думаю,
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка.

Ты взгляни, молю, на тоску мою
И улыбкою, взглядом ласковым
Успокой меня, беспокойного,
Осчастливь меня, несчастливого.

Если жребий мой умереть тоской —
Я умру, любовь проклиная,
Но и в смертный час воздыхая
О тебе, мой друг, моя душечка!

КОНСТАНТИН БАТЮШКОВ

РАЗЛУКА

Напрасно покидал страну моих отцов,
Друзей души, блестящие искусства,
И в шуме грозных битв, под тению шатров
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!
Напрасно я скитался
Из края в край, и грозный океан
Кругом меня роптал и волновался;
Напрасно, от берегов пленительных Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посещал развалины Москвы,
Москвы, где я дышал свободой прямою!
Напрасно я спешил от северных степей,
Холодным солнцем освещенных,
В страну, где Тирас бьет излучистой струей,
Сверкая между гор, Церерой позлащенных,
И древние поит народов племена.
Напрасно: всюду мысль преследует одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мне священно,
Которой взор один лазоревых очей
Все неба на земле блаженства отверзает,
И слово, звук один, прелестный звук речей
Меня мертвит и оживляет.

МОЙ ГЕНИЙ

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся влася.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль — приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

К ПОДУШКЕ ФИЛЛИДЫ (С французского) ¹

Поведай тайны мне свои,
Подушка, смятая Филлидой,
Пух с горлиц, вскормленных Кипридой,
Иль с легких крылиев любви!

Не сказывай, что взор встречает.
Когда покров с себя ночной
Откинёт легкою ногой,
Или зефир его сдувает!

Не сказывай ты мне равнь,
Как уст прелестных осязаньем
И сладостным она дыханьем
Твое согрела полотно!

И сам Амур красноречивый
Всего бы мне не рассказал
Того, что прежде угадал
Мечтою я нетерпеливой!

Нет, нет! поведай мне сперва,
Как часто с робостию скромной
Любви восторгов шепчет томно
Она волшебные слова?

Скажи мне, сколько слез укоры,
И ревности упало слез

В тебя, когда я веткой роз
Украсил грудь Элеоноры?

На днях украдкою в тени
Она меня поцеловала.
«Ты видишь — ты любим, — сказала, —
Но от самой меня храни».

Я тут с Филлидою расстался.
Скажи, могла ль она заснуть?
Скажи, как трепетала грудь,
Как вздох за вздохом вырывался?

Девица в поздние часы
Под завесом не столь таится:
Душа ее нагая зрится,
Как и открытые красы.

Другим бы, может быть, скорее
Пристало тайны знать твои,
Но из поклонников любви
Достойней тот, кто всех нежнее.

Когда ущедренный судьбою,
Я при тебе к груди своей
Прижму ее и робость в ней
Я поцелуем успокою?

Вечер мне руку подала,
Затрепетала и вздохнула:
«Ты завтра приходи», — шепнула
И, покрасневшись, отошла.

О боги! можно ли мне льститься?
Прелестной верить ли судьбе?
Подушка! вечером к тебе
Приду ответа допроситься.

ВЕСЕННЕЕ УТРО

По зыбким, белым облакам
Горят пылающие розы;
Денницы утренние слезы
Блестят, как жемчуг, по лугам.
И с пышной липы и березы
Душистый вест фимиам!

Разлитое струями злато
Волнуется на теме гор;
Садов богини верный двор,
Зефиров легких рой крылатый
Летит на сотканный ковер
Рукою Флоры тароватой!

Настал любви условный час,
Час упоений, час желаний;
Спи, Аргус, под крылом мечтаний!
Не открывай, ревнивец, глаз!
Красавицы! звезда свиданий,
Звезда Венеры будит вас!

Оставь ты одр уединенный,
Услышь, о Дафна, друга зов,
Накинь свой утренний покров,
И матери непробужденной
Оставь неблагосклонный кров,
Восторгами не освященный!

Приди ко мне! Нас в рощах ждет
Под сень таинственного свода
Теперь и нега, и свобода!
Птиц ожил хор и шепот вод,
И для любви сама природа
От сна, о Дафна, восстает!

ПЕТР
ПЛЕТНЕВ

С. М. САЛТЫКОВОЙ

Была пора, ты в безмятежной сени
Как лилия душистая цвела,
И твоего веселого чела
Не омрачал задумчивости гений.

Пора надежд и новых наслаждений
Невидимо под сень твою пришла
И в новый край невольно увлекла
Тебя ст игр и снов невинной лени.

Но ясный взор, и голос твой, и вид —
Все первых лет хранит очарованье,
Как светлое о прошлом вспоминанье,
Когда с душой оно заговорит
И в нас опять внезапно пробудит
Минувших благ уснувшее желанье.

РАССУДОК И СТРАСТЬ

В минуты светлые спокойных размышлений
Навек прощаюсь я с Каменою моею
И в дар от неба жду безвестных, тихих дней.
Но вмиг я чувствую: неизбежимый гений
Стесняет грудь мою и распяляет кровь:
Мне лики видятся и раздаются звуки:
Я полон счастья, желанья и муки,
И вдохновение меня объемлет вновь.

КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ

К N. N.

Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой,
Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой.

Твой милый взор, твой взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебной
В взволнованную душу влить.

Твое отрадное участие,
Твое вниманье, милый друг,
Мне снова возвращают счастье
И исцеляют мой недуг.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить;
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.

Полна душа твоя всегда •
Одних прекрасных ощущений,
Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений.

Прощаешь ты врагам своим.
Я не знаком с сим чувством нежным

И оскорбителям моим
Плачу отмищеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движеньями души владею;
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Мне не любовь твоя нужна,
Заняты ждут меня иные,
Отраднa мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет,
Душа в волненье тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ

РОМАНС

Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не сведала тоски, томлений нежных?
Еще не знает про любовь?

Ах, точно ли никто, счастливец, не сыскался,
Ей друг? по сердцу ей? который бы сгорал
В объятиях ее? в них негой упивался,
Роскошествовал и обмирал?..

Нет! Нет! Куда влекусь неробкими мечтами?
Тот друг, тот избранный: он где-нибудь, он есть,
Любви волшебство! рай! восторги! трепет! —
Ваши,

Нет! — не моей душе процвеств.

ИВАН
МЯТЛЕВ

РОЗЫ

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали м .
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!

Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцвела радость,
Казалось мне, любовь дышала в них.

Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты,
Венка из роз искала молодая,
И я сорвал заветные цветы.

И мне в венке цветы еще казались
На радостном челе красивее, свежей,
Как хорошо, как мило соплетались
С душистою волной каштановых кудрей!

И заодно они цвели с девицей!
Среди подруг, средь плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг нее вились и радость и любовь.

В ее очах веселье, жизни пламень;
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок.
И где ж она?.. В погосте белый камень
На камне — роз моих завянувший веноч!

АНТОН
ДЕЛЬВИГ

РОМАНС

Прекрасный день, счастливый день:

И солнце и любовь!

С нагих полей сбежала тень,

Светлеет сердце вновь.

Проснитесь, рощи и поля;

Пусть жизнью все кипит:

Она моя, она моя!

Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,

Что, вольная, поешь?

Иль ты щебечешь про весну

И с ней любовь зовешь?

Но не ко мне, и без тебя

В певце любовь горит:

Она моя, она моя!

Мне сердце говорит.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

К ...

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты.
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

В АЛЬБОМ Кн. А. Д. АБАМЕЛЕК

Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели, с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.

ТЫ И ВЫ

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты —
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

КРАСАВИЦЕ

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,

Какое б в сердце не питал
 Ты сокровенное мечтанье, —
 Но, встретясь с ней, смущенный, ты
 Вдруг остановишься невольно,
 Благоговей богомольно
 Перед святыней красоты.

* * *

В крови горит огонь желанья,
 Душа тобой уязвлена,
 Лобзай меня: твои лобзанья
 Мне слаще мирра и вина.
 Склонись ко мне главою нежной,
 И да почию безмятежный,
 Пока дохнет веселый день
 И двинется ночная тень.

* * *

Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,
 Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
 Стенаньем, криками вакханки молодой,
 Когда, вясь в моих объятиях змеей,
 Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
 Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
 О, как мучительно тобою счастлив я,
 Когда, склоняясь на долгие моления,
 Ты предаешься мне нежна без упоенья,
 Стыдливо-холодна, восторгу моему
 Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
 И оживляешься потом все боле, боле —
 И делишь наконец мой пламень поневоле!

К * * *

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги,
Все — даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

* * *

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна, зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая

Двусмысленный со мною разговор —
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю.
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

* * *

В твою светлицу, друг мой нежный,
Я прихожу в последний раз.
Любви счастливой, безмятежной
Делю с тобой последний час.
Вперед одна в надежде томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первых утренних лучей
Не жги свечей.

КОКЕТКЕ

И вы поверить мне могли,
Как простодушная Аньеса?
В каком романе вы нашли,

Чтоб умер от любви повеса?
Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет — не многим боле.
Мне за двадцать; я видел свет,
Кружился долго в нем на воле;
Уж клятвы, слезы мне смешны;
Проказы утомить успели;
Вам также с вашей стороны
Измены, верно, надоели;
Остепенясь, мы охладели,
Некстати нам учиться вновь.
Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели.
Сначала были мы друзья,
Но скука, случай, муж ревнивый...
Безумным притворился я,
И притворились вы стыдливой,
Мы поклялись... потом... увы!
Потом забыли клятву нашу;
Клеона полюбили вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись; до этих пор
Все хорошо, благопристойно,
Могли б мы жить без дальних ссор
Опять и дружно и спокойно;
Но нет! сегодня поутру
Вы вдруг в трагическом жару
Седую воскресили древность —
Вы проповедуете вновь
Покойных рыцарей любовь,
Учтивый жар, и грусть, и ревность.
Помилуйте — нет, право нет.
Я не дитя, хоть и поэт.
Когда мы клонимся к закату,
Оставим юный пыл страстей —
Вы старшей дочери своей,
Я своему меньшому брату:
Им можно с жизнью шалить
И слезы впредь себе готовить;
Еще пристало им любить,
А нам уже пора злословить.

ПРИЗНАНИЕ

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Еез вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь — мне отрада;
Вы отвернетесь — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиление, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечером?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд

Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!..

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви. ..
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают — легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

К * * *

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на все подъямлю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон;

Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю *милой* —
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;

Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

* * *

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

* * *

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

ЕВГЕНИЙ
БАРАТЫНСКИЙ

РОПОТ

Он близок, близок день свиданья,
Тебя, мой друг, увижу я!
Скажи: восторгом ожиданья
Что ж не трепещет грудь моя?
Не мне роптать; но дни печали,
Быть может, поздно миновали:
С тоской на радость я гляжу, —
Не для меня ее сиянье,
И я напрасно упованье
В больной душе моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне:
Все мнится, счастлив я ошибкой,
И не к лицу веселье мне.

ПОЦЕЛУЙ

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье:
И в шуме дня и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой —
Мне снишься ты, мне снится наслажденье!
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

В АЛЬБОМ

Когда б вы менее прекрасной
Случайно слыли у молвы;
Когда бы прелестью опасной
Не столь опасны были вы...
Когда б еще сей голос нежный
И томный пламень сих очей
Любовью менее мятежной
Могли грозить душе моей;
Когда бы больше мне на долю
Даров послал цитерский бог,
Тогда я дал бы сердцу волю,
Тогда любить я вас бы мог.
Предаться нежному участию
Мне тайный голос не велит...
И удивление, по счастью,
От стрел любви меня хранит.

К...О

Приманкой ласковых речей
Вам не лишить меня рассудка!
Конечно, многих вы милей,
Но вас любить — плохая шутка!

Вам не нужна любовь моя,
Не слишком заняты вы мною,
Не нежность — прихоть вашу я
Признаюем страстным успокою.

Вам дорог я, твердите вы,
Но лишний пленник вам дороже;
Вам очень мил я, но, увы!
Вам и другие милы тоже.

С толпой соперников моих
Я состязаться не дерзаю
И превосходной силе их
Без битвы поле уступаю.

УВЕРЕНИЕ

Нет, обманула вас молва,
По-прежнему дышу я вами.
И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.
Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святые сердца
Молился новым образам,
Но с беспокойством старовеца.

ОПРАВДАНИЕ

Решительно печальных строк моих
Не хочешь ты ответом удостоить;
Не тронулась ты нежным чувством их
И презрела мне сердце успокоить!
Не оживу я в памяти твоей,
Не вымолю прощенья у жестокой!
Виновен я: я был неверен ей;
Нет жалости к тоске моей глубокой!
Виновен я: я славил жен других...
Так! но когда их слух предубежденный
Я обольщал игрою струн моих,
К тебе летел я думой умиленной,
Тебя я пел под именами их.
Виновен я: на балах городских,
Среди толпы, весельем оживленной,
При гуле струн, в безумном вальсе мча
То Делию, то Дафну, то Лилету
И всем троим готовый сгоряча
Произнести по страстному обету;
Касаясь душистых их кудрей
Лицом моим; объемля жадной дланью
Их стройный стан; — так! в памяти моей
Уж не было подруги прежних дней,
И предан был я новому мечтанью!
Но к ним ли я любовь пылал?

Нет, милая! когда в уединенье
Себя потом я тихо поверял,
Их находя в моем воображенье,
Тебя одну я в сердце обретал!
Приветливых послушных без ужимок,
Улыбчивых для шалости младой,
Из-за угла пафосских пилигримок
Я сторожил вечернею порой;
На миг один их своевольный пленник,
Я только был шалун, а не изменник.
Нет! более надменна, чем нежна,
Ты все еще обид своих полна...
Прости ж навек! но знай, что двух виновных,
Не одного, найдутся имена
В стихах моих, в преданиях любовных.

РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

ПРИЗНАНИЕ

Притворной нежности не требуй от меня;
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли.
Но в бурях жизненных развлекся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.

Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной;
Кто знает? мнением солюсь я с толпой;
Подругу, без любви — кто знает? — изберу я.
На брак обдуманый я руку ей подам
И в храме стану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим сном,
И назову ее моею;
И весть к тебе придет, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевым прихотям мы воли не дадим,
Мы не сердца под брачными венцами —
Мы жребии свои соединим.
Прощай! Мы долго шли дорогою одною:
Путь новый я избрал, путь новый избери;

Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступаи, молю, в напрасный суд со мною.
Невластны мы в самих себе
И, в молодые наши лета,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

ПРОЩАНИЕ

Простите, милые досуги
Разгульной юности моей,
Любви и радости подруги,
Простите! вяну в утро дней!
Не мне стезею потаенной,
В ночь молчаливою, тишком,
Младую деву под плащом
Вести в альков уединенный.
Бежит изменница-любовь!
Светильник дней моих бледнеет,
Ее дыханье не согреет
Мою хладеющую кровь.
Следы печалей, изнуренья
Приметит в страждущем она.
Не смейтесь, девы наслажденья,
И ваша скроется весна,
И вам пленять недолго взоры
Младую пышной красотой;
За что ж в болезни роковой
Я слышу горькие укоры?
Я прежде бодр и весел был,
Зачем печального бежите?
Подруги милые! вздохните:
Он сколько мог любви служил.

ФЕДОР
ТЮТЧЕВ

К N.N.

Ты любишь, ты притворствовать умеешь, —
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей —
Ты мне ответ даешь — и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный
Он улетел с твоих младых ланит —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

* * *

Я очи знал, — о, эти очи!
Как я любил их, — знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

* * *

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

И все еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела,

И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

* * *

Не раз ты слышала признание:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она создание —
Но как я беден перед ней...

Перед любовью твою
Мне больно вспомнить о себе —
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...

Когда порой так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колени
Пред колыбелью дорогой,

Где спит она — твоё рожденье —
Твой безмянный херувим,
Пойми ж и ты мое смирение
Пред сердцем любящим твоим.

* * *

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

* * *

Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилось над ней,
Но этих глаз чистосердечье —
Оно всех демонов сильней.

Все в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.

К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел, — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески-живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сбережь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

К. Б.

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, —
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

* * *

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край,
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит.

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ 4 АВГУСТА 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Все темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись. очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ

ЭЛЕГИЯ

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай —
Минувших дней воспоминанье.

Прошел, прошел их милый сон,
Но все душа за ним стремится
И ждет: быть может, снова он
Хотя однажды ей приснится...

Так путник в ранние часы,
Застигнут ужасами бури,
С надеждой смотрит на красы
Где-где светлеющей лазури.

АЛЕКСАНДР ПОЛЕЖАЕВ

ЗВЕЗДА

Она взошла, моя звезда,
Моя Венера золотая;
Она блестит как молодая
В уборе брачном красота!
Пустынник мира безотрадный,
С ее таинственных лучей
Я не свожу моих очей
В тоске мучительной и холодной.
Моей бездейственной души
Не оживляя вдохновеньем,
Она небесным утешеньем
Ее дарит в ночной тиши.
Какой-то силою волшебной
Она влечет меня к себе,
И, перекорствуя судьбе,
Врачует грусть мечтой целебной.
Предавшись ей, я вижу вновь
Мои потерянные годы,
Дни счастья, дружбы и свободы,
И помню первую любовь.

ГРУСТЬ

На пиру у жизни шумной,
В царстве юной красоты
Рвал я с жадностью безумной
Благовонные цветы.

Много чувства, много жизни
Я роскошно потерял,
И душевной укоризны,
Может быть, не избежал.
Отчего ж не с сожаленьем,
Отчего — скажите мне, —
Но с невольным восхищеньем
Вспомнил я о старине?
Отчего же локон черный,
Этот локон смоляной,
День и ночь, как дух упорный,
Все мелькает предо мной?
Отчего, как в полдень ясный
Голубые небеса,
Мне таинственно прекрасны
Эти черные глаза?
Почему же голос сладкой,
Этот голос неземной,
Льется в душу мне украдкой
Гармонической волной?
Что тревожит дух унылый,
Манит к счастью меня?
Ах, не вспыхнет над могилой
Искра прежнего огня!
Отлетели заблуждений
Невозвратные рои —
И я мертв для наслаждений,
И угас я для любви!
Сердце ищет, сердце просит
После бури уголка;
Но мольбы его разносит
Безотрадная тоска!

ДМИТРИЙ ВЕНЕВИТИНОВ

ЭЛЕГИЯ

(Кн. З. Волконской)

Волшебница! Как сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Как я любил твои воспоминанья,
Как жадно я внимал словам твоим
И как мечтал о крае неизвестном!
Ты упиалась сим воздухом чудесным,
И речь твоя так страстно дышит им!
На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам привезла.
Душа твоя так ясно разгорелась
И новый огонь в груди моей зажгла.
Но этот огонь томительный, мятежной,
Он не горит любовью мирной, нежной, —
Нет! Он и жжет, и мучит, и мертвит,
Волнуется изменчивым желаньем,
То стихнет вдруг, то бурно закипит,
И сердце вновь пробудится страданьем.
Зачем, зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты и страсти безотрадной?

К МОЕЙ БОГПНЕ

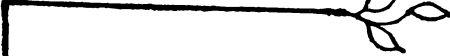
Не думы гордые вздымают
Страстей исполненную грудь,
Не волны невские мешают
Душе усталой отдохнуть, —
Когда я вдоль реки широкой
Считаюсь мрачный, одиноко
И взор блуждает по брегам,
Язык невнятное лепечет,
И тихо плещущим волнам
Слова порывистые мечет.
Тогда от мыслей далека
И гордая надежда славы,
И тихоструйная река,
И невский берег величавый;
Тогда не робкая тоска
Бессильным сердцем обладает
И тайный ропот мне внушает..
Тебе понятен ропот сей,
О божество души моей!
Холодной жизнью бесстрастья
Ты знаешь, мне ль дышать и жить?
Ты знаешь, мне ль боготворить
Душой, не созданной для счастья,
Толпы привычные мечты
И дани раболепной службы
Носить кумиру суеты?
Нет! нет! и теплые дни дружбы
И дни горячие любви
К другому сердце приучили:
Другой огонь они в крови,
Другие чувства поселили.
Зачем мне счастье? Что оно?
Не ты ль твердила, что судьбою
Оно лишь робким здесь дано,
Что счастья с пламенной душою
Нельзя в сем мире сочетать,
Что для него мне не дышать...
О будь благословенна мною!
Оно священо для меня,

Сие пророчество несчастья,
И, как завет, его храня,
С каким восторгом сладострастья
Я жду губительного дня
И торжества судьбы коварной!
И, если б ум неблагодарный
На небо возроптал в бедах,
Твое явленье б, ангел милой,
Как дар небес, остановило
Проклятье на моих устах.
Мою бы грудь наполнил снова
Благоговения святого
Целебный взгляд твоих очей,
И снова бы в душе моей
Воскресло силы наслажденье,
И счастья гордое презренье,
И сладостная тишина.
Вот, вот, что грудь мою вздымает
И тайный ропот мне внушает!
Вот чем душа моя полна,
Когда я вдоль Невы широкой
Скитаюсь мрачный, одинокой.

КИНЖАЛ

Оставь меня, забудь меня!
Тебя одну любил я в мире,
Но я любил тебя как друг,
Как любят звездочку в эфире,
Как любят светлый идеал
Иль ясный сон воображенья.
Я много в жизни распознал,
В одной любви не знал мученья,
И я хочу сойти во гроб,
Как очарованный невежда.
Оставь меня, забудь меня!
Взгляни — вот где моя надежда;
Взгляни — но что вздрогнула ты?
Нет, не дрожи: смерть не ужасна,

Ах, не шепчи ты мне про ад:
Верь, ад на свете, друг прекрасной!
Где жизни нет, там муки нет.
Дай поцелуй в залог прощанья...
Зачем дрожат твои лобзанья?
Зачем в слезах горит твой взор?
Оставь меня, люби другого!
Забудь меня, я скоро сам
Забуду скорбь житья земного.

АНДРЕЙ ПОДОЛИНСКИЙ

ПОРТРЕТ

Когда стройна и светлоока
Передо мной стоит она,
Я мыслю: гурия пророка
С небес на землю сведена!
Коса и кудри темно-русы,
Наряд небрежный и простой,
И на груди роскошной бусы
Роскошно зыблются порой.
Весны и лета сочетанье
В живом огне ее очей,
И тихий звук ее речей
Рождает негу и желанья
В груди тоскующей моей.

СОNET

Не потому томительным виденьем
Во снах твоих блуждает образ мой,
Что, может быть, с тоскою и волненьем
Ты обо мне подумашь порой,

Но оттого, что часто с напряженьем,
В ночи без сна, к тебе стремлюсь мечтой
И увлечен я весь воображеньем
И с сном твоим сливаюсь душой.

Я встретил Вас...

Прости меня! Невольной, неизбежной,
Я предаюсь мечте моей вполне,
Я бы хотел, чтоб призрак мой мятежный

Не говорил о милой старине, —
Но ты простишь: не ты ль сама так нежно
Об этих снах рассказывала мне!..

ВЛАДИМИР БЕНЕДИКТОВ

КУДРИ

Кудри девы-чародейки,
Кудри — блеск и аромат,
Кудри — кольца, струйки, змейки,
Кудри — шелковый каскад!
Вейтесь, лейтесь, сыпьте дружно,
Пышно, искристо, жемчужно!
Вам не надобен алмаз:
Ваш извив неуловимый
Блещет краше без прикрас,
Без перловой диадимы;
Пусть лишь роза — цвет любви, —
Роза — нежности эмблема, —
Красит прелестью эдема
Ваши мягкие струи!
Помню: в сфере бальной ночи,
Убаюканные, вы,
Задремав, чрез ясные очи
Ниспадали с головы;
Сотня глаз вас окружала,
И при трепетных свечах
Чудно тень от вас дрожала
На груди и на плечах:
Ручка нежная бросала
Вас небрежно за ушко;
Сердце юношей пылало
И металось высоко.
Жадным взором мы ловили
Этих локонов разброс,
Слов уста не находили,

Но в глазах горел вопрос:
«Кто ж владелец будет полный
Этой россыпи златой?
Кто-то будет эти волны
Черпать жадною рукой?
Кто из вас, друзья-страдальцы,
Будет амбру их глотать,
Навивать их шелк на пальцы,
Поцелуем прижигать,
Лутать негой, мять любовью
И во тьме по изголовью
Беззаветно рассыпать?
Кудри, кудри золотые,
Кудри пышные, густые,
Девы царственный венец!
Вами юноши прельщались,
К вам мольбы их выражались
Стуком пламенных сердец;
Но, снедаемые взглядом
И доступны лишь ему,
Вы земным, бесценным кладом
Не вручили никому:
Появились, порезвились, —
И, как в море вод хрусталь,
Ваши волны укатились
В неизведанную даль.

АЛЕКСЕЙ КОЛЬЦОВ

ПРЕКРАСНОЙ ПОСЕЛЯНКЕ

Ах, чья ты, дева-красота?
Твои уста, твои ланиты
Такою прелестью покрыты!
И в ком чудесная мечта
Груди б молодой не взволновала,
Когда б ты на скале крутой,
Одна, над бездною морской,
Как дева Пушкина, стояла —
Под белой дымкой покрывала?..
И вокруг тебя одеждой снежной
Зефир приветливо б играл;
По сгибу плеч, по шее нежной
Свитые кудри развивал?..
Когда б, качаяся, дремало
Перо на шляпке голубой;
И грудь лебяжая вздыхала
Любовью девственной, святой?..
Тогда б, в сердечном упоеньи,
Склонив колена пред тобой,
В избытке чувства, в исступленьи,
Сгорел бы весь, как огонь степной!..

Я БЫЛ У НЕЙ

Я был у ней, она сказала:
Люблю тебя, мой милый друг!
Но эту тайну от подруг
Хранить мне строго завещала.

Я был у ней; на прелесть злата
Клялась меня не променять;
Ко мне лишь страстию пылать,
Меня любить, любить как брата.

Я был у ней; я с уст прелестной
Счастливое забвенья пил
И все земное позабыл
У девичьей груди прелестной.

Я был у ней; я вечно буду
С ее душой душою жить;
Пускай она мне изменит —
Но я изменником не буду.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Что душу в юности пленило,
Что сердце в первый раз
Так пламенно, так нежно полюбило —
И полюбило не на час,
То все я силюся предать забвенью
И сердцу пылкому и страстному томленью
Хочу другую цель найти,
Хочу другое также полюбить!
Напрасно все: тень прежней милой
Нельзя забыть!
Уснешь — непостижимой силой
Она тихонько к ложу льнет,
Печально руку мне дает,
И сладкою мечтой вновь сердце очарует,
И очи томные к моим очам прикует!..
И вновь любви приветный глас
Я внемлю страждующей душою...
Когда ж ударит час
Забвенья о тебе или вечности с тобою?..

ПЕСНЯ

Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-девицы...
Прощебечь нежно ей
Про мою тоску;

Ты скажи, как без ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен;
Среди дня, без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь, отдохнуть,
Склоню голову?

Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чья мне песнь, чей привет
Будет по сердцу?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе-девице!

ГЛАЗА

(Русская песня)

Погубили меня
Твои черны глаза,
В них огонь неземной
Жарче солнца горит!

Омрачитесь, глаза,
Охладейте ко мне!
Ваша радость, глаза,
Не моя, не моя!..

Не глядите же так!
О, не мучьте меня!
В вас, страшнее грозы,
Блещут искры любви.

Нет, прогляньте, глаза,
Загоритесь, глаза!
И огнем неземным
Сердце жгите мое!

Мучьте жаждой любви!
Я горю и в жару
Бесконечно хочу
Оживать, умирать, —

Чтобы, черны глаза,
Вас с любовью встречать,
И опять и опять
Горевать и страдать.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай.
Еще раз, поскорей,

Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня.
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет.
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу;
Поклонюся родной;
И согласие возьму
Обвенчаться с тобой.
Мучит душу мою
Твой' печальный убор,
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись, уберись
В свой наряд голубой;
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной;
Пусть пылает лицо,
Как поутру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя!
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна — хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз — поскорей,
Поцелуй горячей!

К * * *

Ты в путь иной отправилась одна
И для преступных наслаждений,
Для сладострастья без любви,
Других любимцев избрала...
Ну, что ж — далеко ль этот путь пройден?
Какие впечатленья
В твоей душе оставил он?
Из всей толпы избранников твоих
С тобой остался ль хоть один
И для спасенья твоего
Готов ли жертвовать собой?
Где ж он? Дай мне его обнять,
Обоих вас благословить
На бесконечный жизни путь!
Но ты одна; над страшной бездной
Одна, несчастная, стоишь!
В безумном исступленьи
Врагов на помощь ты зовешь
И с безнадежною тоскою
На гибель верную идешь.
Дай руку мне: еще есть время
Тебя от гибели спасти...
Как холодна твоя рука!
Как тяжело нам проходить
Перед язвительной толпой!
Но я решился, я пойду
И до конца тебя не брошу,
И вновь я выведу тебя
Из бездны страшного греха...
И вновь ты будешь у меня
На прежнем небе ликовать
И трудный путь судьбы моей
Звездю светлой озарять!..

НЕСТОР КУКОЛЬНИК

ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ФАНТАЗИИ
«ИОАНН АНТОН ЛЕЙЗЕВИЦ»

Пора любви, пора стихов
Не одновременно приходят...
Зажжется стих — молчит любовь,
Придет любовь — стихи уходят.
Зачем, когда моя мечта
Любимый образ представляла,
Молчали мертвые уста
И память рифм не открывала?
Нет! Я любил ее без слов,
Я говорил об ней слезами...
Поверьте, звучными стихами
Не выражается любовь...
Как память сладкого страданья,
Стихи вослед любви идут
И, как могилы, берегут
Одни воспоминанья!

АНГЛИЙСКИЙ РОМАНС

Уймись, волнения страсти!
Засни, безнадежное сердце!
Я плачу, я страдаю, —
Душа истомилась в разлуке.
Я плачу, я страдаю!
Не выплакать горя в слезах...

Напрасно надежда
Мне счастье гадает, —
Не верю, не верю
Обетам коварным:
Разлука уносит любовь...

Как сон, неотступный и грозный,
Соперник мне снится счастливый,
И тайно и злобно
Кипящая ревность пылает...
И тайно и злобно
Оружия ищет рука...

Минует печальное время,
Мы снова обнимем друг друга,
И страстно и жарко
Забьется воскресшее сердце,
И страстно и жарко
С устами сольются уста.

Напрасно измену
Мне ревность гадает, —
Не верю, не верю
Коварным наветам!
Я счастлив! Ты снова моя!

И все улыбнулось в природе;
Как солнце, душа просияла;
Блаженство, восторги
Воскресли в измученном сердце!
Я счастлив: ты снова моя.

ЕВГЕНИЙ
ГРЕБЕНКА

ЧЕРНЫЕ ОЧИ

Очи черные, очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час.

Ох, недаром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.

Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Все, что лучшего в жизни бог дал нам,
В жертву отдал я огненным глазам.

НИКОЛАЙ
ОГАРЕВ

SERENADE

Песнь моя летит с мольбою
Тихо в час ночной.
В рощу легкою стою
Ты приди, друг мой.
При луне шумят уныло
Листья в поздний час,
И никто, о друг мой милый,
Не услышит нас.
Слышишь, в роще зазвучали
Песни соловья,
Звуки их полны печали,
Молят за меня.
В них понятно все томленье,
Вся тоска любви,
И наводят умиление
На душу они.
Дай же доступ их призыванью
Ты душе своей
И на тайное свиданье
Ты приди скорей!

* * *

Тебе я счастья не давал довольно,
Во многом я тебя не понимал,
И мучил я тебя и сам страдал...
Теперь я еду, друг мой! сердцу больно:

И я с слезой скажу тебе — прощай!
Никто тебя так не любил глубоко...
И я молю тебя: ты вспоминай
Меня, мой друг, без желчи, без упрека,
Минутам скорбным ты забвенья дай
И помни лишь, что я любил глубоко
И с грустью сказал тебе — прощай!
Теперь блуждать в стране я стану дальней!..
Мне тяжело. Еще лета мои
Так молоды; но в жизни я печальной
Растратил много веры и любви.
Живу я большей частью одиноко,
Все сам в себе. Но ты не забывай,
Что я, мой друг, тебя любил глубоко
И с грустью сказал тебе — прощай!..

К Н. А. ТУЧКОВОЙ

На наш союз святой и вольный —
Я знаю — с злобою тупой
Взирает свет самодовольный,
Бродя обычной колеей.

Грозой нам веет с небосклона!
Уже не раз терпела ты
И кару дряхлого закона
И кару пошлой клеветы.

С улыбкой грустного презренья
Мы вступим в долгую борьбу,
И твердо вытерпим гоненья,
И отстоим свою судьбу.

Еще не раз весну мы встретим
Под говор дружных нам лесов
И жадно в жизни вновь отметим
Счастливых несколько часов.

И день придет: морские волны
Опять привет заплещут нам,
И мы умчимся, волей полны,
Туда — к свободным берегам.

МИХАИЛ
ЛЕРМОНТОВ

* * *

Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилом южных стран;
Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная иль стройный, гибкий стан,
Или большие очи? — но порой
Все это не зовем мы красотой:
Уста без слов — любить никто не мог;
Взор без огня — без запаха цветов!

О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и все,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых все блаженство — яд!

К Л. —

(Подражание Байрону)

1

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;

Так память, демон-властелин,
Все будит старину,
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!

2

Принадлежишь другому ты,
Забит певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
В неизвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!

3

И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Все сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!

* * *

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:

Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

* * *

Измученный тоскою и недугом
И угасая в полном цвете лет,
Проститься я с тобой желал как с другом,
Но хладен был прощальный твой привет;
Но ты не веришь мне, ты притворилась,
Что в шутку приняла слова мои;
Моим слезам смеяться ты решилась,
Чтоб с сожаленьем не явить любви;
Скажи мне, для чего такое мщенье?
Я виноват, другую мог хвалить,
Но разве я не требовал прощенья
У ног твоих? но разве я любить
Тебя переставал, когда толпою
Безумцев молодых окружена,
Горда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры их одна?
Я издали смотрел, почти желая,
Чтоб для других очей твой блеск исчез;
Ты для меня была, как счастье рая
Для демона, изгнанника небес.

К Н. И...

Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила

Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто; но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет.
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!

К * * *

О, не скрывай! ты плакала об нем —
И я его люблю; он заслужил
Твою слезу, и если б был врагом
Моим, то я б с тех пор его любил.
И я бы мог быть счастлив; но зачем
Искать условий счастья в былом!
Нет! я доволен должен быть и тем,
Что зрел, как ты жалела о другом!

К * * *

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.

Как в море широком следы челнока,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, легка,
А горе не стоит мгновенья.

Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь суждено,
Расстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь пред тобой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.

Нет, нет! милый голос и пламенный взор
Тогда своей власти лишаться;
Вослед за тобой побежит мой укор
И в душу он будет впиваться.

И мщенье, напомнив, что я перенес,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих слез
Гораздо мучительней будет.

К * * *

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;

И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней,
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильнее.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд!.. прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам под небо юга
Я удалюсь, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил;
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!
Не звав коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!

РОМАНС К И...

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокую кручину,
Мои обманчивые сны,
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой,
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

О, будь!.. о, вспомни, нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! чтоб вовсе радость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнания:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страдания,
Где мир их очернить не мог.

* * *

Она не гордой красотой
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее — не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святости,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Нис голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

ДОГОВОР

Пускай толпа клеймит презрением
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубеждением
Ты лишена семейных уз.

Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.

Земного счастья мы не ценим;
Людей привыкли мы ценить:
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.

В толпе друг друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радости любовь,
Разлука будет без печали.

ОТЧЕГО

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

ВЛАДИМИР
СОЛЛОГУБ

СЕРЕНАДА

Накинув плащ, с гитарой под полюю,
К ее окну пойдем в тиши ночной,
Не возмутим мы песней удалою
Роскошный сон красавицы младой.
О, не страшись ты нас, младая дева!
Не возмутим твоих мы ясных снов
Неистовством бурсацкого напева
Иль повестью студенческих грехов.

Мы здесь поем и тихо и смиренно,
Лишь для того, чтоб слышала нас ты,
И наша песнь — как фимиам священный
Пред алтарем богини красоты.
Звезда любви — Эмилия младая,
В тебе мила неправильность речей,
И уст твоих улыбка неземная,
И стройный стан, и темный шелк кудрей.

Мы здесь поем в тиши весенней ночи,
И, пробудясь от шума голосов,
Сомкнешь ты вновь мечтательные очи
И не поймешь ты песен бурсаков;
Но, может быть, услышав серенаду,
Невольно ты хоть что-нибудь поймешь
И, может быть, ночным певцам в награду,
Их имена вприсонках назовешь.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

* * *

Милый друг, тебе не спится,
Душен комнат жар,
Неотвязчивый кружится
Над тобой комар.

Подойди сюда, к окошку,
Все кругом молчит,
За оградой дорожку
Месяц серебрит.

Не скрипят в сенях ступени,
И в саду темно,
Чуть заметно в полутени
Дальнее гумно.

Встань, приют тебя со мною
Там спокойный ждет;
Сторож там, звеня доскою,
Мимо не пройдет.

* * *

Как здесь хорошо и приятно,
Как запах дерев я люблю!
Орешника лист ароматный
Тебе я в тени настелю.

Я там, у подножья аула,
Тебе шелковицы нарву,
А лошадь и бурого мула
Мы пустим в густую траву.

Ты здесь у фонтана приляжешь,
Пока не минуется зной,
Ты мне улыбнешься и скажешь,
Что ты не устала со мной.

* * *

Не верь мне, друг, когда в избытке горя
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

* * *

Не брани меня, мой друг,
Гнев твой выразится худо,
Он мне только нежит слух,
Я слова ловить лишь буду,
Как они польются вдруг,
Так посыпятся, что чудо, —
Точно падает жемчуг
На серебряное блюдо!

ИВАН ТУРГЕНЕВ

* * *

Дай мне руку — и пойдем мы в поле,
Друг души задумчивой моей...
Наша жизнь сегодня в нашей воле —
Дорожишь ты жизнью своей?
Если нет, мы этот день погубим,
Этот день мы вычеркнем шутя.
Все, о чем томились мы, что любим —
Позабудем до другого дня...
Пусть над жизнью пестрой и тревожной
Этот день, не возвращаясь вновь,
Пролетит, как над толпой безбожной
Детская, смиренная любовь...
Светлый пар клубится над рекою,
И заря торжественно зажглась.
Ах, сойтись котел бы я с тобою,
Как сошлись с тобой мы в первый раз.
«Но к чему, не снова ли былое
Повторять?» — мне отвечаешь ты.
Позабудь все тяжкое, все злое,
Позабудь, что расставались мы.
Верь: смущен и тронут я глубоко,
И к тебе стремится вся душа
Жадно так, как никогда потока
В озеро не просится волна...
Посмотри... как небо дивно блещет,
Наглядись, а там кругом взгляни.
Ничего напрасно не трепещет,
Благодать покоя и любви...
Я в себе присутствие святости

Признаю, хоть недостойн ей.
Нет стыда, ни страха, ни гордыни,
Даже грусти нет в душе моей...
О, пойдем — и будем ли безмолвны,
Говорить ли станем мы с тобой,
Зашумят ли страсти, словно волны,
Иль уснут, как тучи под луной —
Знаю я, великие мгновенья,
Вечные с тобой мы проживем.
Этот день, быть может, день спасенья,
Может быть, друг друга мы пойдем.

К А. С.

Я вас знавал... тому давно,
Мне, право, стыдно и грешно,
Что я тогда вас не заметил...
Вы только что вступили в свет —
Вам было восемнадцать лет...
На бале где-то я вас встретил.

И кто-то к вам меня подвел —
Я с вами нехотя пошел,
Я полон был тревоги страстной...
Тогда — тогда я был влюблен;
Но та любовь прошла, как сон
И безотрадный и напрасный.

Другую женщину я ждал,
Я даже вам не отвечал;
Но я заметил ваши руки...
Заметил милый ваш наряд,
И ваш прекрасный, умный взгляд,
И речи девственные звуки.

Но все, что в сердце молодом
Дремало легким, чутким сном
Перед внезапным пробужденье, —
Осталось тайной для меня...

Хоть помню, вас покинул я
С каким-то смутным сожаленьем.

А случай вновь не сблизил нас...
И вдруг теперь я встретил вас.
Вы изменились, как Татьяна;
Я не слышал таких речей,
Я не видал таких плечей,
Такого царственного стана...

На ваших мраморных чертах,
На несмеющихся губах
Печать могучего созданья...
Сияя страшной красотой,
Вы предстоите предо мной
Богиней гордого страданья.

И я молю вас в тишине:
Всю вашу жизнь раскройте мне...
Но взгляда вашего я трушу...
Нет, нет! я стар — нет, я вам чужд,
Давно в борьбе страстей и нужд
Я истощил и жизнь и душу.

* * *

К чему твержу я стих унылый,
Зачем в полночной тишине
Тот голос страстный, голос милый,
Летит и просится ко мне, —

Зачем? огонь немых страданий
В ее душе зажег не я...
В ее груди, в тоске рыданий
Тот стон звучал не для меня.

Так для чего же так безумно
Душа бежит к ее ногам,
Как волны моря мчатся шумно
К недостижимым берегам?

В ДОРОГЕ

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые!

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ

ВСТРЕЧА

Вчера мы встретились; — она остановилась —
Я также — мы в глаза друг другу посмотрели.
О боже, как она с тех пор переменилась;
В глазах потух огонь, и щеки побледнели.
И долго на нее глядел я молча строго —
Мне руку протянув, бедняжка улыбнулась;
Я говорить хотел, она же ради бога
Велела мне молчать, и тут же отвернулась,
И брови сдвинула, и выдернула руку,
И молвила: «Прощайте, до свиданья».
А я хотел сказать: «На вечную разлуку
Прощай, погибшее, но милое создание».

* * *

Когда в наш темный сад вошла ты привиденьем,
Бледна, взволнованна, и жалобой звучал
Твой голос трепетный, — с невольным сокрушеньем
Внимал я твоему признанью, трепетал
За молодость, за честь, за рок, тебе грозящий:
Я верил искренно душе твоей скорбящей.

Теперь, когда, в цветах, с протянутой рукой
Стоишь ты светлая, как светлый призрак мая,
И улыбаешься, и смотришь, выжидая...
И взор твой светится лукавою мечтой, —
Прости, не верю я душе твоей — не верю —
Хочу сказать — молчу, смеюсь и — лицемерю...

* * *

Любви не боялась ты, сердцем созревшая рано:
 Поверила ей, отдалась — и грустишь одиноко...
 О бедная жертва неволи, страстей и обмана,
 Порви ты их грязную сеть и не бойся упрека!

Людские упреки — фальшивая совесть людская...
 Не плачь, не горюй, проясни отуманенный взор твой!
 Ведь я не судья, не палач, — хоть и знаю, что злая
 Молва подписала — заочно, смеясь — приговор твой.

Но каждый из нас разве не был страстями обманут?
 Но разве враги твои могут смеяться до гроба?
 И разве друзья твою душу терзать не устанут?..
 Без повода к злу у людей выдыхается злоба...

И все, что в тебе было дорого, чисто и свято,
 Для любящих будет таким же священным казаться;
 И щедрое сердце твое будет так же богато —
 И так же ты будешь любить и, любя, улыбаться.

ПОЦЕЛУИ

И рассудок, и сердце, и память губя,
 Я недаром так жарко целую тебя —
 Я целую тебя и за ту, перед кем
 Я таил мои страсти — был робок и нем,
 И за ту, что меня обожгла без огня
 И смеялась, и долго терзала меня,
 И за ту, чья любовь мне была бы щитом,
 Да, убитая, спит под могильным крестом.
 Все, что в сердце моем загоралось для них,
 Догорая, пусть гаснет в объятьях твоих.

* * *

Заплетя свои темные косы венцом,
Ты напомнила мне полудетским лицом
Все то счастье, которым мы грезим во сне,
Грезы детской любви ты напомнила мне.

Ты напомнила мне зноем темных очей
Лучезарные тени восточных ночей —
Мрак цветущих садов — бледный лик при луне, —
Бури первых страстей ты напомнила мне.

Ты напомнила мне много милых теней
Простотой, темным цветом одежды твоей.
И могилу, и слезы, и бред в тишине
Одиноких ночей ты напомнила мне.

Все, что в жизни с улыбкой навстречу мне шло,
Все, что время навек от меня унесло,
Все, что гибло, и все, что стремилось любить, —
Ты напомнила мне. — Помоги позабыть!

АФАНАСИЙ ФЕТ

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

* * *

Какое счастье: и ночь, и мы одни!
Река — как зеркало и вся блестит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!

О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!

Я болен, я влюблен; но, мучась и любя —
О слушай! о пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

* * *

О, долго буду я, в молчанье ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

* * *

Не нужно, не нужно мне проблесков счастья,
Не нужно мне слова и зора участия,
Оставь и дозвошь мне рыдать!
К горячему снова прильнув изголовью,
Позволь мне моей нераздельной любовью,
Забыв все на свете, дышать!

Когда бы ты знала, каким сиротливым,
Томительно-сладким, безумно-счастливым
Я горем в душе опьянен, —
Безмолвно прошла б ты воздушной стопою,
Чтоб даже своей благовонной стезею
Больной не смутила мой сон.

Не так ли, чуть роща одеться готова,
В весенние ночи, — светила дневного
Бойтся крылатый певец? —
И только что сумрак разгонит денница,
Смолкает зарей отрезвленная птица, —
И счастью и песне конец.

* * *

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

НА КАЧЕЛЯХ

И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.

И чем ближе к вершине лесной,
Чем страшнее стоять и держаться,
Тем отрадней взлетать над землей
И одним к небесам приближаться.

Правда, это игра, и притом
Может выйти игра роковая,
Но и жизнью играть нам вдвоем —
Это счастье, моя дорогая!

* * *

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
Еще горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, —
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот, тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновенье,
И, содрогаясь, я пою.

АПОЛЛОН МАЙКОВ

* * *

О чем в тиши ночей таинственно мечтаю,
О чем при свете дня всечасно помышляю,
То будет тайной всем, и даже ты, мой стих,
Ты, друг мой ветреный, услада дней моих,
Тебе не передам души своей мечтанья,
А то расскажешь ты, чей глас в ночном молчанье
Мне слышится, чей лик я всюду нахожу,
Чьи очи светят мне, чье имя я твержу.

ГОЛОС В ЛЕСУ

Давно какой-то девы пень
В лесу преследует меня,
То замирая в отдаленье,
То гулко по лесу звеня.

И возмущен мечтой лукавой,
Смотрю я в чащу, где среди мглы
Блестят на солнце листья, травы
И сосен красные стволы.

Идти ль за девой молодою?
Иль сохранить, в душе тая,
Тот милый образ, что мечтою
Под чудный голос создал я?..

РОЗЫ

Вся в розах — на груди, на легком платье белом,
На черных волосах, обвитых жемчугами, —
Она покоилась, назад движеньем смелым
Откинув голову с открытыми устами.
Сияло чудное лицо живым румянцем...
Остановился бал, и музыка молчала,
И — соблазнительным ошеломленный танцем,
Я на другом конце блистательного зала
С красавицею вдруг очами повстречался...
И — как и отчего, не знаю! — мне в мгновенье
Сорренто голубой залив нарисовался,
Пестумский красный храм в туманном отдаленье,
И вилла, сад и пир времен гораццианских...
И по заливу вдруг, на золотой галере,
Плывет среди толпы невольниц африканских,
Вся в розах — Лидия, подобная Венере...
И что ж? обманутый блистательной мечтою,
Почти с признанием очнулся я от грезы
У ног красавицы... Ах, вы всему виною,
О розы Пестума, классические розы!..

ПОД ДОЖДЕМ

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко от дома;
Мы спешили скрыться под мохнатой елью...
Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью мшистой
Мы стояли точно в клетке золотистой;
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с игол,
Пали, блистая, на твою головку,
Или с плеч катились прямо под снуровку...
Помнишь — как все тише смех наш становился...
Вдруг над нами прямо гром перекатился —
Ты ко мне прижалась, в страхе очи жмуря...
Благодатный дождик! золотая буря!

НИКОЛАЙ ЩЕРБИНА

КУПАНЬЕ

Вечером ясным она у потока стояла,
Моя прозрачные ножки во влаге жемчужной;
Струйка воды их с любовью собой обвивала,
Тихо шипела и брызгала пеной воздушной...
Кто б любовался красавицей этой порою,
Как над потоком она, будто лотос, склонилась,
Змейкою стан изогнула, и белой ногою
Стала на черный обрывистый камень, и мылась,
Грудь наклонивши над зыбью зеркальной потока;
Кто б посмотрел на нее, облитую лучами,
Или увидел, как страстно, привольно, широко
Прядали волны на грудь ей толпами
И, как о мрамор кристалл, разбиваясь, бледнея, —
Тот пожелал бы, клянусь я, чтоб в это мгновенье
В мрамор она превратилась, как мать — Ниобея,
Вечно б здесь мылась грядущим векам в наслажденье,

СКРЫВАЕМАЯ СТРАСТЬ

Ты недоступна была, как богиня Диана,
Робкий мой взор ты встречала и гордо, и строго.
Я трепетал за себя, и любви я боялся...
Больно мне стало за чувство, высокое чувство,
Что ты сердечным приветом почтить не хотела.
Думы мои и мечтания страсти бесплодной,
Эти цветы, что взрастил я в бессонные ночи,
Ты, не заметив, прошла невниманьем жестоким.

Пальцы твои тетрахорда случайно коснулись —
Пламенем страстные звуки меня охватили
И разлились ароматом любви благовонной...
Звуки тебе изменили, и ты изменилась:
Взоры горели твои, и роскошные кудри
Падали мне на плечо, и уста дорогие
Слиться хотели, я видел, с моими устами.
Силился я отомстить тебе взглядом холодным,
Взглядом презрительно-гордым, как следует мужу...
Но пред тобою невольно я пал в обожанье,
Страстно целуя, моля о любви униженно.

* * *

Когда любовь моя смущает ваше счастье,
Забудьте про нее... Зачем меня любить!
Я благодарен вам за прошлое участие, —
Я вашим счастьем буду жить.

Пора мне в путь... Скажите мне, не вы ли
И кров любви простерли надо мной,
И, странника, меня у сердца приютили,
Где я гостил и отдохнул душой?..

Невольны вы в любви и в охлажденье:
Я вас не упрекну изменой никогда...
Нет! Чувство, как и мысль, всегда горит в движенье,
И чувству есть свой возраст и чреда...

Но как боялся я, чтоб вы не помutilи
Слезою обо мне своих небесных глаз...
Я счастлив тем, что мы меня забыли,
Я счастлив тем, что не забуду вас!

НИКОЛАЙ
НЕКРАСОВ

* * *

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она не далека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

* * *

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревог, полна утрат,
Расстаться было неизбежно —
И за тебя теперь я рад!
Но с той поры как все кругом меня пустынно!
Отдаться не могу с любовью ничему,

И жизнь скучна, и время длинно,
И холоден я к делу своему.
Не знал бы я, зачем встаю с постели,
Когда б не мысль: авось и прилетели
Сегодня, наконец, заветные листы,
В которых мне расскажешь ты:
Здорова ли? что думаешь? легко ли
Под дальним небом дышится тебе,
Грустишь ли ты, желая прежней доли,
Охотно ль повинешься судьбе?
Желал бы я, чтоб сонное забвеньё
На долгий срок мне на душу сошло,
Когда б мое воображеньё
Блуждать в прошедшем не могло...
Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Так бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу с самим собою,
И не убитую борьбою,
Но с каждым днем сильней кипевшую любовь.
Как долго ты была сурова:
Как ты хотела верить мне,
И как и верила, и колебалась снова,
И как поверила вполне!
(Счастливый день! Его я отличаю
В семье обыкновенных дней;
С него я жизнь мою считаю,
Я праздную его в душе моей!)
Я вспомнил все... одним воспоминаньем,
Одним прошедшим я живу —
И то, что в нем казалось нам страданьем,
И то теперь я счастьем зову...
А ты?.. ты так же ли печали предана?..
И так же ли в одни воспоминанья
Средь добровольного изгнанья
Твоя душа погружена?
Иль новая роскошная природа
И жизнь кипящая, и полная свобода
Тебя навеки увлекли,
И разлюбила ты вдали

Все, чем мучительно и сладко так порою
 Мы были счастливы с тобою?
 Скажи! я должен знать... Как странно я люблю!
 Я счастья тебе желаю и молю,
 Но мысль, что и тебя гнетет тоска разлуки,
 Души моей смягчает муки...

* * *

— Так это шутка? Милая моя,
 Как боязлив, как недогадлив я!
 Я плакал над твоим рассчитанно-суровым,
 Коротким и сухим письмом;
 Ни лаской дружеской, ни откровенным словом
 Ты сердце не порадовала в нем.
 Я спрашивал: не демон ли раздора
 Твоей рукой насмешливо водил?
 Я говорил: «когда б нас разлучила ссора —
 Но так тяжел, так горек, так уныл,
 Так нежен был последний час разлуки...
 Еще твой друг забыть его не мог,
 И вновь ему ты посылаешь муки
 Сомнения, догадок и тревог —
 Скажи, зачем?.. Не ложью ли пустою,
 Рассеянной досужей клеветою
 Возмущена душа твоя была?
 И, мучима томительным недугом,
 Ты над своим отсутствующим другом
 Без оправданья суд произнесла?
 Или то был один каприз случайный,
 Иль давний гнев?..» Неразрешимой тайной
 Я мучился: я плакал и страдал,
 В догадках ум испуганный блуждал,
 Я жалок был в отчаянье суровом...
 Всему конец! своим единым словом
 Душе моей ты возвратила вновь;
 И прежний мир, и прежнюю любовь;
 И сердце шлет тебе благословенья,

Как вестнице нежданного спасенья...
Так няня в лес ребенка заведет
И спрячется сама за куст высокий;
Встревоженный, он ищет и зовет,
И мечется в тоске жестокой,
И падает, бессильный, на траву...

А няня вдруг: ау! ау!
В нем радостью внезапной сердце бьется,
Он все забыл: он плачет, и смеется,
И прыгает, и весело бежит,
И падает — и няню не бранит,
Но к сердцу жмет виновницу испуга,
Как от беды избавившего друга...

* * *

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово, —

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

* * *

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понутив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и глядят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу,
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

* * *

Тяжелый год — сломил меня недуг,
Беда застигла, — счастье изменило, —
И не щадит меня ни враг, ни друг,
И даже ты не пощадила!
Истерзана, озлоблена борьбой
С своими кровными врагами,
Страдалица! стоишь ты предо мной
Прекрасным призраком с безумными глазами!
Упали волосы до плеч,
Уста горят, румянцем рдеют щеки,
И необузданная речь
Сливается в ужасные упреки,
Жестокие, неправые... Постой!
Не я обрек твои молодые годы
На жизнь без счастья и свободы,
Я друг, я не губитель твой!
Но ты не слушаешь . . .

АЛЕКСЕЙ ЖЕМЧУЖНИКОВ

* * *

Странно! Мы почти что незнакомы —
Слова два при встречах и поклон...
А ты знаешь ли? К тебе влекомый
Сердцем, полным сладостной истомы, —
Странно думать! — я в тебя влюблен!

Чем спасусь от этой я напасти?..
Так своей покорна ты судьбе,
Так в тебе над сердцем много власти...
Я ж, безумный, думать о тебе
Не могу без боли и без страсти...

АПОЛЛОН
ГРИГОРЬЕВ

Е. С. Р.

Да, я знаю, что с тобою
Связан я душой;
Между вечностью и мною
Встанет образ твой.

И на небе очарован
Вновь я буду им,
Все к чертам одним прикован,
Все к очам одним.

Ослепленный их лучами,
С грустью на челе,
Снова бранными очами
Я склонюсь к земле.

Связан буду я с землею
Страстию земной, —
Между вечностью и мною
Встанет образ твой.

* * *

Вы рождены меня терзать —
И речью ласково-холодной,
И принужденностью свободной,
И тем, что трудно вас понять,
И тем, что жребий проклинать

Я поневоле должен с вами,
Затем, что глупо мне молчать
И тяжело играть словами.
Вы рождены меня терзать,
Зане друг другу мы чужие.
И ничего, чего другие
Не скажут вам, мне не сказать.

* * *

Я вас люблю... что делать — виноват!
Я в тридцать лет так глупо сердцем молод,
Что каждый ваш случайный, беглый взгляд
Меня порой кидает в жар и холод...
И в этом вы должны меня простить,
Тем более что запретить любить
Не может власть на свете никакая;
Тем более что, мучась и пылая,
Ни слова я не смею вам сказать
И принужден молчать, молчать, молчать!..

Я знаю сам, что были бы преступны
Признанья или смысла лишены:
Затем, что для меня вы недоступны,
Как недоступен рай для сатаны.
Цепями неразрывными окован,
Не смею я, когда порой, взволнован,
Измучен весь, к вам робко подхожу
И подаю вам руку на прощанье,
Сказать простое слово: до свиданья!
Иль, говоря, — на вас я не гляжу.

К чему они, к чему свиданья эти?
Бессоницы — расплата мне за них!
А между тем, как зверь, попавший в сети,
Я тщетно злюсь на крепость уз своих.
Я к ним привык, к мучительным свиданьям...
Я опиум готов, как турок, пить,
Чтоб муку их в душе своей продлить,

Чтоб дольше жить живым воспоминаньем...
 Чтоб грезить ночь и целый день бродить
 В чаду мечты, под сладким обаяньем
 Задумчиво опущенных очей!
 Мне жизнь темна без света их лучей.

Да... я люблю вас... так глубоко, страстно,
 Давно... И страсть безумную свою
 От всех, от вас особенно, таю.
 От вас, ребенок чистый и прекрасный!
 Не дай вам бог, дитя мое, узнать,
 Как тяжело любить такой любовью,
 Рыдать без слов, метаться, ощущать,
 Что кровь свинцом расплавленным, не кровью,
 Бежит по жилам, рваться, проклинать,
 Терзаться ночи, дни считать тревожно,
 Бояться встреч и ждать их, жадно ждать,
 Беречься каждой мелочи ничтожной,
 Дрожать за каждый шаг неосторожный,
 Над пропастью бездонною стоять .
 И чувствовать, что надо погибать,
 И знать, что бегство больше невозможно.

ЦЫГАНСКАЯ ВЕНГЕРКА

Две гитары, зазвенев,
 Жалобно заныли...
 С детства памятный напев,
 Старый друг мой — ты ли?

Как тебя мне не узнать?
 На тебе лежит печать
 Буйного похмелья,
 Горького веселья!

Это ты, загул лихой,
 Ты — сиянье грусти злой
 С сладострастьем баядерки —
 Ты, мотив венгерки!

Квинты резко дребезжат,
Сыплот дробью звуки...
Звуки ноют и визжат,
Словно стоны муки.

Что за горе? Плюнь да пей!
Ты завей его, завей
Веровочкой горе!
Топи тоску в море!

Вот проходка по баскам
С удалью небрежной,
А за нею — звон и гам
Буйный и мятежный.
Перебор... и квинта вновь
Поет-завывает;
Приливает к сердцу кровь,
Голова пылает.

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
С голубыми ты глазами, моя душечка!

Замолчи, не занывай,
Лопни, квинта злая!
Ты про них не поминай...
Без тебя их знаю!
В них хоть раз бы поглядеть
Прямо, ясно, смело...
А потом и умереть —
Плевое уж дело.
Как и вправду не любить?
Это не годится!
Но, что сил хватает жить,
Надо подивиться!
Соберись и умирать,
Не придет проститься!
Станут люди толковать:
Это не годится!
Отчего б не годилось,
Говоря примерно?

Значит, просто все хоть брось...
Очень уж скверно!
Доля ж, доля ты моя,
Ты лихая доля!
Уж тебя сломил бы я,
Кабы только воля!
Уж была б она моя,
Крепко бы любила...
Да лютая та змея,
Доля-жизнь сгубила.
По рукам и по ногам
Спутала-связала,
По бессонным ночам
Сердце иссосала!
Как болит, то ли болит,
Болит, сердце — ноет...
Вот что квинта говорит,
Что басок так воет.

.

Шумно скачут сверху вниз
Звуки врассыпную,
Зазвенели, заплелись
В пляску круговую.
Словно табор целый здесь,
С визгом, свистом, криком
Заходил с восторгом весь
В упоенье диком.
Звуки шепотом журчат
Сладострастной речи...
Обнаженные дрожат
Груды, руки, плечи.
Звуки все напоены
Негою лобзаний.
Звуки воплями полны
Страстных содроганий...
Бáсан, бáсан, басанá,
Басанáта, басанáта,
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата...
Что за дело? ты моя!

Разве любит он, как я?
Нет — уж это дудки!
Доля злая ты моя,
Глупы эти шутки!
Нам с тобой, моя душа,
Жизнью жить одною,
Жизнь вдвоем так хороша,
Порознь — горе злое!
Эх ты, жизнь, моя жизнь...
К сердцу сердцем прижмись!
На тебе греха не будет,
А меня пусть люди судят,
Меня бог простит...

Что же ноешь ты, мое
Ретиво сердечко?
Я увидел у нее
На руке колечко!..
Бáсан, бáсан, басанá,
Басанáта, басанáта!
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата!
Эх-ма, ты завей
Веревочкой горе...
Загуляй да запей,
Топи тоску в море!
Вновь унылый перебор,
Звуки плачут снова...
Для чего немой укор?
Вымолви хоть слово!
Я у ног твоих — смотри —
С смертною тоскою,
Говори же, говори,
Сжался надо мною!
Неужель я виноват
Тем, что из-за взгляда
Твоего я был бы рад
Вынесть муки ада?
Что тебя сгубил бы я,
И себя с тобою...
Лишь бы ты была моя,

Навсегда со мною.
Лишь не знать бы только нам
Никогда, ни здесь, ни там,
Расставанья муки...
Слышишь... вновь бесовский гам,
Вновь стремятся звуки...
В безобразнейший хаос
Вопля и стенанья
Все мучительно слилось.
Это — миг прощанья.
Уходи же, уходи,
Светлое виденье!..
У меня огонь в груди
И в крови волнение.
Милый друг, прости-прощай,
Прощай — будь здорова!
Занывай же, занывай,
Злая квинта, снова!
Как от муки завизжи,
Как дитя от боли,
Всею скорбью дребезжи
Распроклятой доли!
Пусть большее и больней
Занывают звуки,
Чтобы сердце поскорей
Лопнуло от муки!

ЛЕВ МЕЙ

* * *

Когда ты, склонясь над роялью,
До клавишей звонких небрежно
Дотронешься ручкою нежной,
И взор твой нальется печалью,

И тихие, тихие звуки
Мне на душу канут, что слезы,
Волшебны, как девичьи грезы,
Печальны, как слово разлуки, —

Не жаль мне бывает печали
И грусти твоей мимолетной;
Теперь ты грустишь безотчетно —
Всегда ли так будет, всегда ли?

Когда ж пламя юности жарко
По щечкам твоим разольется,
И грудь, как волна, всколыхнется,
И глазки засветятся ярко,

И быстро, забегают руки,
И звуков веселые волны
Польются, мелодии полны, —
Мне жаль, что так веселы звуки,

Мне жаль, что ты так предаешься
Веселью, забыв о печали:
Мне кажется все, что едва ли
Ты так еще раз улыбнешься.

ЗАЧЕМ

Зачем ты мне приснилася,
Красавица далекая, —
И вспыхнула, что в полуме,
Подушка одинокая?

Ох, сгинь ты, полуночица!
Глаза твои ленивые,
И пепел кос рассыпчатый,
И губы горделивые —

Все наяву мне снилося,
И все, что греза вешняя,
Умчалося, — и на сердце
Легла потьма кромешная...

Зачем же ты приснилася,
Красавица далекая,
Коль стынет вместе с грезю
Подушка одинокая?..

ТЫ ПЕЧАЛЬНА

Кому-то

Ты печальна, ты тоскуешь,
Ты в слезах, моя краса!
А слыхала ль в старой песне:
«Слезы девичьи — роса»?

Поутру на поле пала,
А к полудню нет следа...

Так и слезы молодые
Улетают навсегда,
Словно росы полевые, —
Знает бог один — куда.

Развевает их и сушит
Жарким пламенем в крови
Вихорь юности мятежной,
Солнце красное любви.

* * *

Я не обманывал тебя,
Когда, как бешеный, любя,
Я рвал себе на части душу
И не сказал, что пытки трушу.

Я и теперь не обману,
Когда скажу, что клонит к сну
Меня борьба, что за борьбою
Мне шаг до вечного покою.

Но ты полюбишь ли меня
Хотя в гробу и, не кляня
Мой тленный труп, любовно взглянешь
На крышу гроба?.. Да? Обманешь!

ИВАН
НИКИТИН

В АЛЬБОМ А. Н. О-ВОЙ

Послушный вашему желанью,
Беру перо, сажусь писать:
Грешно прекрасному созданью
В невинной просьбе отказать.

Конечно, жаль! Я вас не знаю;
Увы! скорбит моя душа!
Молве я с жадностью внимаю,
Что вы, как ангел, хороша.

Но все равно. Идите с богом,
Мои стихи! Счастливый путь!
Отрадной встречи мне залогом
Послужите когда-нибудь.

Как угадать! Седой и хилый,
Когда весь сморщусь и согнусь,
Авось с красавицею милой
Лет через десять я сойдусь.

В тот миг — его воображаю, —
Добра, прекрасна, молода,
Она мне скажет: «Я вас знаю!»
И буду счастлив я тогда.

«Я с вами уж давно знакома...»
И этих строк напомнит ряд,
Покажет мне листок альбома,
И я отвечу: «Виноват!

Позвольте... эта встреча с вами...
И волю дам карандашу,
И вдохновенными стихами
Ее портрет я напишу.

Н. А. МАТВЕЕВОЙ

Я вас не смею раздражать
И повинюсь молчаливо,
И, хоть совсем не рад молчать,
Молчать я буду терпеливо.

«Но ради самого Христа,
К чему вся эта пестрота,
Вся эта смесь стихов и прозы,
Все это шутки или слезы?»
Меня вы спросите. «Увы!
Отчасти плод тяжелой скуки,
Отчасти плод душевной муки
И нездоровой головы».

Притом, скажу чистосердечно,
На вас мне трудно угодить:
Едва шутить начну беспечно —
Сейчас упрек: «Зачем шутить!»

Невесел я — опять укоры,
Опять нахмуренные взоры;
Но как же быть мне, мой творец!
Assez! ¹Довольно наконец.
За то, что врал напропалую,
За то, что мучил этим вас,
Склонив колени, в этот час
Прах вашей ножки я целую.

А ручку можно ли пожать?
Нельзя? Так что и толковать!

¹ Довольно! (франц.).

К чему излишняя награда?
Такая милая отрада.

Меня с ума б теперь свела,
А вы... вы не творите зла,
Мне остается перед вами,
Приняв вид скромности святой,

Стоять с поникшей головой
И с потупленными глазами
Или забыть весь свет — и вдруг
Воскликнуть

* * *

День и ночь с тобой жду встречи,
Встречусь — голову теряю;
Речь веду, но эти речи
Всей душой я проклинаяю.

Рвется чувство на свободу,
На любовь хочу ответа, —
Говорю я про погоду,
Говорю, как ты одета.

Не сердись, не слушай боле:
Этой лжи я сам не верю.
Я не рад своей неволе,
Я не рад, что лицемерю.

Такова моя отрада,
Так свой век я коротаю:
Тяжело ль — молчать мне надо,
Полюблю ль — любовь скрываю.

* * *

Как мне легко, как счастлив я в тот миг,
Когда, мой друг, речам твоим внимаю
И кроткую любовь в очах твоих,
Задумчивый, внимательно читаю!
Тогда молчит тоска в моей груди
И нет в уме холодной укоризны.
Не правда ли, мгновения любви
Есть лучшие мгновенья нашей жизни!
Зато, когда один я остаюсь
И о судьбе грядущей размышляю,
Как глубоко я грусти предаюсь,
Как много слез безмолвно проливаю!

* * *

Не повторяй холодной укоризны:
Не суждено тебе меня любить.
Беспечный мир твоей невинной жизни
Я не хочу безжалостно сгубить.
Тебе ль, с младенчества не знавшей огорчений,
Со мною об руку идти одним путем,
Глядеть на зло и грязь и гаснуть за трудом,
И плакать, может быть, под бременем лишений,
Страдать не день, не два — всю жизнь свою страдать!..
Но где ж на это сил, где воли нужно взять?
И что тебе в тот час скажу я в оправданье,
Когда, убитая и горем и тоской,
Упреком мне и горькою слезой
Ответишь ты на ласки и лобзанье?
Слезы твоей себе не мог бы я простить...
Но кто ж меня бесчувствию научит
И, наконец, заставит позабыть
Все, что меня и радует и мучит,
Что для меня, под холодом забот,
Под гнетом нужд, печали и сомнений, —
Единая отрада и оплот,
Источник дум, надежд и песнопений?..

АЛЕКСЕЙ
ПЛЕЩЕЕВ

* * *

Когда твой кроткий, ясный взор
Ты остановишь вдруг на мне,
Иль задушевный разговор
С тобой веду я в тишине;

Когда подашь мне руку ты,
Прощаясь ласково со мной,
И дышат женские черты
Неизъяснимой добротой, —

О, верь! не зависть, не вражда
К тому, с кем ты на путь земной
Соединила жребий свой,
Грудь наполняет мне тогда.

Я лишь молю, чтоб над тобой
Была господня благодать;
Чтоб свет тщеславный и пустой
Тебя не мог пересоздать;

Чтоб сердце свято сберегло
Свои заветные мечты;
Чтобы спокойно и светло
На божий мир глядела ты;

Чтоб клеветы и злобы яд
Не отравил весны твоей;
Чтоб ты не ведала утрат
И омраченных скорбью дней.

Еще молю я, чтобы нас
Не разлучал враждебный рок,
Чтоб кротким светом этих глаз
Я дольше любоваться мог.

* * *

Тобой лишь ясны дни мои,
Ты их любовью озарила,
И духа дремлющая сила
На зов откликнулась любви!

О, если б я, от дней тревог
Переходя к надежде новой,
Страницу мрачного былого
Из книги жизни вырвать мог!

О, если б мог я заглушить
Укор, что часто шепчет совесть!
Но нет! бесплодной жизни повесть
Слезами горькими не смыть.

Молю того, кто весь любовь —
Он примет скорбное мольенье
И, ниспослав мне искупленье,
К добру меня направит вновь,

Чтобы душа моя была
Твоей души достойна ясной.
Чтоб сердца преданности страстной
Ты постыдиться не могла!

УПРЕК

Романс

Томимый горем и тоскою,
Изнемогающий в борьбе,
Послать хотел бы я порою
Упрек язвительный тебе

За то, что жизнь мне отравила,
Что веру в счастье и людей
Ты, беспощадная, убила
В душе измученной моей;

За то, что сгибли дорогие,
Восторга полные, мечты
И все надежды молодые,
Как бурей смятые цветы.

Но нет! Хоть горько мне и больно,
Лишь вспомню я твой светлый взор —
И на устах замрет невольно
Готовый вырваться укор!

* * *

Тебе обязан я спасеньем
Души, измученной борьбой,
Твоя любовь — мне утешеньем,
Твои слова — закон святой!
Ты безотрадную темницу
Преобразила в рай земной,
Меня ты к жизни пробудила
И возвратила мне покой.
Теперь я снова оживился,
Гляжу вперед теперь смелей,
Мне в жизни новый путь открылся,
Идти по нем спешу скорей!

МИХАИЛ
МИХАЙЛОВ

* * *

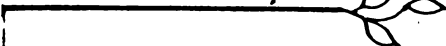
Ведь только строчка лишь одна:
Узнать, что ты жива,
Что ты здорова и ясна:
Всего лишь слова два, —

И все вокруг меня светло,
И счастлив я опять,
И все, что бременем легло,
Могу я презирать.

* * *

Если б я вас снова встретил,
Что бы было между нами?
Я бы вам одно заметил:
Что умнеем мы с годами;
Что во мгле туманно-бледный
Лик луны и листьев шепот,
И ландшафт полночный бедный,
И пруда немолчный ропот
Много детской нашей страстью
Управляли в стары годы;
Что любовь теперь, к несчастью,
Не зависит от погоды,
Ни от бледного мерцанья
Звезд небесных, молчаливых,

Я встретил Вас...

Ни от глупого мечтанья
И стишков пустых, слезливых...
Я сказал бы вам при встрече,
Если вы умнее стали:
«Переменим эти речи,
Чтобы нас не осмеяли!»

КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ

* * *

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А все как будто, бедная, тоскует,
И от нее не все, не все схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему они? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь — то там, тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

* * *

Будто месяц с шатра голубого,
Ты мне в душу глядишь, как в ручей...
Он струится, журча бестолково
В чистом золоте горних лучей.

Искры блещут, что риза живая!..
Как был темен и мрачен родник —
Как зажегся ручей, отражая
Твой живой, твой трепещущий лик!..

* * *

Мне ее подарили во сне;
Я проснулся — и нет ее! Взяти!..
Слышу: ходят часы на стене, —
Встал и я, потому что все встали.

И брожу я весь день, как шальной,
И где вижу, что люди смеются, —
Мнится мне: это смех надо мной,
Потому что нельзя мне проснуться!

АЛЕКСЕЙ
АПУХТИН

* * *

Я ждал тебя... Часы ползли уныло,
Как старые, докучные враги...
Всю ночь меня будил твой голос милый
И что-то слышались шаги...

Я ждал тебя... Прозрачен, свеж и светел,
Осенний день повеял над землей...
В немой тоске я день прекрасный встретил
Одною жгучею слезой...

Пойми хоть раз, что в этой жизни шумной,
Чтоб быть с тобой, — я каждый миг ловлю.
Что я люблю, люблю тебя безумно...
Как жизнь, как счастье люблю!..

* * *

Ни отзыва, ни слова, ни привета,
Пустынею меж нами мир лежит,
И мысль моя с вопросом без ответа
Испуганно над сердцем тяготит:

Ужель среди часов тоски и гнева
Прошедшее исчезнет без следа,
Как легкий звук забытого напева,
Как в мрак ночной упавшая звезда?

* * *

Прости меня, прости! Когда в душе мятежной
 Угас безумный пыл,
 С укором образ твой, чарующий и нежный,
 Передо мною всплыл.

О, я тогда хотел, тому укору вторя,
 Убить слепую страсть,
 Хотел в слезах любви, раскаянья и горя
 К ногам твоим упасть!

Хотел все помыслы, желанья, наслажденья —
 Все в жертву принести;
 Я жертвы не принес, не стою я прощенья...
 Прости меня, прости!

РАЗБИТАЯ ВАЗА

(подражание Сюлли-Прюдому)

Ту вазу, где цветок ты сберегала нежный,
 Ударом веера толкнула ты небрежно,
 И трещина, едва заметная, на ней
 Осталась... Но с тех пор прошло не много дней,

Небрежность детская твоя давно забыта,
 А вазе уж грозит неожиданная беда!
 Увял ее цветок; ушла ее вода...
 Не тронь ее: она разбита.

Так сердца моего коснулась ты рукой —
 Рукою нежной и любимой, —
 И с той поры на нем, как от обиды злой,
 Остался след неизгладимый.
 Оно как прежде бьется и живет,
 От всех его страданье скрыто,
 Но рана глубока и каждый день растет...
 Не тронь его: оно разбито.

АРСЕНИЙ ГОЛЕНИЦЕВ-КУТУЗОВ

* * *

День кончен, ночь идет; страшусь я этой
ночи!
Я знаю: тихий сон в приют мой не слетит,
И будет мрак ее смотреть мне прямо в очи,
И тишина ее со мной заговорит.

О чем заговорит? Какой коснется раны
В заветном тайнике души моей больной?
Какие озарит в ней бездны и туманы?
Какие призраки поставит предо мной?

Что вновь она создаст? Что прежнее разрушит?
В какую глубину свой бросит взор немой?
Все — тайна в ней! Но страх томит меня
и душит!
Пред этой шепчущей и зрячей темнотой.

О, сон, покрой меня ревнивыми крылами!
О бред, зажги вокруг победные лучи!
Явись, желанный лик, и стань перед очами,
Чтоб тьмы мне не видать... О, ночь, молчи,
молчи!

* * *

В сонме поздних теней ты желанной звездой
Мне блеснула на миг — и пропала.
Эта ласка мечты, эта радость тобой
Словно песня в душе прозвучала.

Прозвучала и смолкла... и звук ее слов
Замер в далях ночных сновидений —
И опять надо мной лишь немых облаков
Пролетают тревожные тени.

В них луча твоего уж глазам не найти;
Краткой песни потеряны звуки;
Умирая, слились и привет, и «прости»
В призрак встречи, любви и разлуки.

Но не властен я сердца мятеж превозмочь.
Жгучий пламень под пеплом тaitся —
И тоска по тебе, как заря во всю ночь,
Не дает ни забыть, ни забыться!

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

* * *

Бедный друг! истомил тебя путь,
Темен взор, и венки твой измят,
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

* * *

Зачем слова? В безбрежности лазурной
Эфирных волн созвучные струи
Несут к тебе желаний пламень бурный
И тайный вздох немеющей любви.

И трепещет у милого порога,
Забывших грез к тебе стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Один лишь миг, — и я перед тобой.

И в этот миг незримого свиданья
Нездешний свет вновь озарит тебя,
И тяжкий сон житейского сознания
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

* * *

Я добился свободы желанной,
Что манила вдали словно клад, —
Отчего же с тоскою нежданной,
Отчего я свободе не рад?

Ноет сердце и падают руки,
Все так тускло и глухо вокруг
С рокового мгновенья разлуки,
Мой жестокий, мой сладостный друг.

* * *

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чувствуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

ОСЕННИЙ РОМАНС

Гляжу на тебя равнодушно,
А в сердце тоски не уйму...
Сегодня томительно душно,
Но солнце таится в дыму.

Я знаю, что сон я лелею,
Но верен хоть снам я, — а ты?..
Ненужною жертвой в аллею
Падут, умирая, листья...

Судьба нас сводила слепая:
Бог знает, мы свидимся ль там..
Но знаешь... Не смейся, ступая
Весною по мертвым листьям!

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

ПЕТР
ЯКУБОВИЧ

РАССТАВАНИЕ

Никогда я не забуду,
Как навеки мы прощались!

Кони борзые, продрогнув,
У ворот меня заждались.
В час беды неотвратимой
Я был весел и отважен;
Взор твой грустный, безнадежный
Чудно-нежен был и влажен.
Ах! впервые видел слезы
У тебя я на реснице
И в душе благоговейно
Схоронил их, как в гробнице...
На глазах твоих, поспешно
Кузнецы меня сковали...
Снег копытами взбивая,
В нетерпенье кони ржали.
Величаво расстилалась
Неба звёздная картина;
В даль безвестную тянулась
Снегом крытая равнина.
Руки милые сжимая,
Содрогаясь и бледнея,
Говорил с улыбкой ясной
Речи бодрые тебе я.
А от муки у обоих
Грудь на части разрывалась,
И в последнем поцелуе
Вся любовь твоя сказалась!

Миг — и бешеная тройка
Понеслась не удержи́мо...
Я еще раз что-то крикнул —
Ты стояла недвижима.

* * *

Да! в мире живых нам свидания нет...
Любя, негодуя, скорбя, проклиная,
Стремлюсь я к тебе, о моя дорогая,
Как узник на вольный и радостный свет!
Напрасны проклятья, напрасны моления:
Отчаянья ль голос, судьбы ли самой —
«Проститесь, — гремит, точно звон
погребенья, —
Со всякой надеждой, со всякой мечтой!»

Но, друг мой! Страданье — стезя идеала:
Блажен, кто с нее до конца не сойдет!
Судьба нас невидимой цепью сковала,
Которой ничто никогда не порвет.
И если года не обвеют молчаньем
Хоть доли терзавших нам душу обид,
То рядом с моим забытым названьем
Стократной хвалою твое прозвучит!
Грядущих времен обездоленным братьям
Любовь наша будет примером сиять,
А память о наших печалях — проклятьем
На тех, кто терзал и губил нас, лежать!

* * *

Здесь наконец ты, родная, — со мной!..

Горы да горы... Под снегом поляны...
Море холмов под волшебной луной...
Друг мой! не волны ли то великаны,

Волн заколдованных сонм ледяной?
Мы среди них затерялись, родная,
Будто челнок в бесконечности вод.
В мире душа не узнает живая,
Если волна этот челн захлестнет!
Месяц, исполненный грусти и лени,
Тихо дорогой лазурной плывет...
Где эти краски природа берет,
Эти воздушные тоны и тени?
Как прихотливо по синим горам
Сумрак змеится! Как гребни блистают!
Что же дрожишь ты? Зачем улетают
Думы больные к далеким полям?

Небо глядит, величаво, бесстрастно,
Дикой сияет земля красотой...
Прелести нет в ней знакомой, родной, —
Смотришь, дивишься — а сердце безгласно!
Тихо, так тихо, что робость берет:
С родины дальней ни вздоха, ни звука...
Вырвись и наша сердечная мука
Криком иль стоном, — он здесь и умрет!

СЕМЕН НАДСОН

В. П. Г-ВОЙ

Итак, я должен вас приветствовать стихами...
Пред кем-нибудь другим в тупик бы я не стал:
Нетрудно расцветить красивыми словами
Бездушный и пустой салонный мадригал.

Не отличит жолпа порывов вдохновенья
От мертвой беглости ремесленной руки
И все простит певцу за гладкое течение,
За звон и пестроту рифмованной строки.

Но вам — что вам сказать? Нет, вас не отуманит
Ни лести сладкий чад, ни плавность звучных строф;
Искусственный цветок лукаво не обманет
Того, кто раз дышал прохладю садов.

Простой лесной жасмин — но свежий и росистый —
Он предпочтет всегда сработанным нуждой
Гирляндам пышных роз из кисей душистой,
Сплетенным в сумрачной и пыльной мастерской.

Вот почему твердить обычных пожеланий
Я не хочу... Зачем? Невластен мой привет
Спасти от тяжких бурь, невзгод и испытаний
Ваш полный юных сил и радостный расцвет.

Но для себя зато теперь я пожелаю,
Чтоб на моем пути, на поприще певца,
Тем песням, что, любя, я родине слагаю,
Такие ж чуткие внимали бы сердца!

* * *

Вас...
Я встретил

Ты разбила мне сердце, как куклу ребенок,
И права, и горда, и довольна собой!
Резвый смех твой, как прежде, задорен

и звонок,

И как ясное небо — твой взгляд голубой.
Но постой, — этот праздник любви и свободы
Скоро тучи душевной грозы омрачат:
За меня отомстят беспощадные годы, —
Беспощадные годы так быстро летят!
Как змея, подползет к тебе старость

с клюкою,

Чернь волос серебром перевьет седина,
И проснешься ты вдруг с безысходной тоскою
От минувшего счастья, как будто от сна.
Что вернешь ты тогда из блаженных свиданий,
Из душистых ночей, из чарующих грез?
Кто поможет забыть тебе в неге лобзаний
Горечь старческих дум и мучительных слез?
Чем наполнишь ты дни?.. Как дерзнешь,

не бледнея,

Наступающей смерти в глаза заглянуть?
Он угас — обольстительный взгляд твой,

Цирцея,

И поблекла твоя сладострастная грудь!
Я же все сберегу, ничего не растрочу
Из сокровищ любви, схороненных во мне:
Пусть сегодня в тоске, как ребенок, я плачу, —
Завтра я запою сладкозвучной вдвойне.
Из отрады и горя разбитого чувства,
Сколько в нем ни сияло лучей красоты,
Все смиренно внесу я в обитель искусства,
Все в созвучья стихов я вплету, как цветы.
И когда о тебе навсегда позабудут, —
Может быть, над твоею могильной плитой
Люди петь мои песни по-прежнему будут,
И любя, и страдая, и плача со мной!

КОНСТАНТИН ФОФАНОВ

* * *

Не правда ль, все дышало прозой,
Когда сходились мы с тобой?
Нам соловьи, пленившись розой,
Не пели гимны в тьме ночной.

И друг влюбленных — месяц ясный —
Нам не светил в вечерний час,
И ночь дремотой сладострастной
Не убаюкивала нас.

А посмотри — в какие речи,
В какие краски я облек
И наши будничные встречи,
И наш укромный уголок!..

В них белопенные каскады
Шумят, свергаясь с холма;
В них гроты, полные прохлады,
И золотые терема.

В них ты — блистательная фея;
В них я — восторженный боец —
Тебя спасаю от злодея
И торжествую наконец.

ФЕДОР
СОЛОГУБ

* * *

Ты печально мерцала
Между ярких подруг
И одна не вступала
В их пленительный круг.

Незаметная людям,
Ты открылась лишь мне,
И встречаться мы будем
В голубой тишине,

И, молчание ночи
Навсегда полюбя,
Я бессонные очи
Устремлю на тебя.

Ты без слов мне расскажешь,
Чем и как ты живешь,
И тоску мою свяжешь,
И печали сожжешь.

ИРИНА

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок.

И тяжелым коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки тащила воду,
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод:гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрёка
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты
Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упрёки
И смолчал бы пред тобой,
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты.

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня,—
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жадой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний
Угрожающих невзгод.

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

* * *

Ты незаметно проходила,
Ты не сияла и не жгла.
Как незажженное кадило,
Благоухать ты не могла.

Твои глаза не выражали
Ни вдохновенья, ни печали,
Молчали бледные уста,
И от людей ты хоронилась,
И от речей людских таилась
Твоя безгрешная мечта.

Конец пришел земным скитаньям,
На смертный путь вступила ты
И засияла предвещаньем
Иной, нездешней красоты.

Глаза восторгом загорелись,
Уста безмолвные зарделись,
Как ясный светоч, ты зажглась.
И, как восходит ладан синий,
Твоя молитва над пустыней,
Благоухая, вознеслась.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

КАК НОЧЬ

Она пришла ко мне, молчащая, как ночь,
Глядящая, как ночь, фиалками-очами,
Где росы кроткие звездилися лучами,
Она пришла ко мне — такая же точь-в-точь,
Как тиховейная, как вкрадчивая ночь.

Ее единый взгляд проник до глуби тайной,
Где в зеркале немом — мое другое я,
И я — как лик ея, она — как тень моя,
Мы молча смотримся в затон необычайный,
Горящий звездностью, бездонностью и тайной.

* * *

Она отдалась без упрека,
Она целовала без слов.
— Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков!

Она не твердила: «Не надо»,
Обетов она не ждала.
— Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
— Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Быть может, когда ты уйдешь от меня,
Ты будешь ко мне холодной.
Но целую жизнь, до последнего дня,
О друг мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новые страсти придут,
С другим ты забудешься вновь.
Но в памяти прежние образы ждут,
И старая тлеет любовь.

И будет мучительно-сладостный миг:
В лучах отлетевшего дня,
С другим заглянувши в бессмертный родник,
Ты вздрогнешь — и вспомнишь меня.

ПОЗДНО

Было поздно в наших думах.
Пела полночь с дальних башен.
Темный сон домов угрюмых
Был таинствен и страшен.

Было тягостно-обидно.
Даль небес была беззвездна.
Было слишком очевидно,
Что любить, любить нам — поздно.

Мы не поняли сначала
Наших снов и песнопений.
И созвучье отзывало
Без блаженных исступлений.

И на улицах угрюмых
Было скучно и морозно.
Било полночь в наших думах.
Было поздно, поздно, поздно.

ИВАН БУНИН

* * *

Счастлив я, когда ты голубые
Очи поднимаешь на меня:
Светят в них надежды молодые —
Небеса безоблачного дня.

Горько мне, когда ты, опуская
Темные ресницы, замолчишь:
Любишь ты, сама того не зная,
И любовь застенчиво таишь.

Но всегда, везде и неизменно
Близ тебя светла душа моя...
Милый друг! О, будь благословенна
Красота и молодость твоя!

* * *

Я к ней вошел в полночный час.
Она спала — луна сияла
В ее окно, и одеяла
Светился спущенный атлас

Она лежала на спине,
Нагие раздвоивши груди,
И тихо, как вода в сосуде,
Стояла жизнь ее во сне.

* * *

Снова сон, пленительный и сладкий
Снится мне и радостью пьянит, —
Милый взор зовет меня украдкой,
Ласковой улыбкою манит.

Знаю я — опять меня обманет
Этот сон при первом блеске дня,
Но пока печальный день настанет,
Улыбнись мне — обмани меня!

ЧУЖАЯ

Ты чужая, но любишь,
Любишь только меня.
Ты меня не забудешь
До последнего дня.

Ты покорно и скромно
Шла за ним от венца.
Но лицо ты склонила —
Он не видел лица.

Ты с ним женщиной стала,
Но не девушка ль ты?
Сколько в каждом движении
Простоты, красоты!

Будут снова измены...
Но один только раз
Так застенчиво светит
Нежность любящих глаз.

Ты и скрыть не умеешь,
Что ему ты чужда...
Ты меня не забудешь
Никогда, никогда!

* * *

Мы встретились случайно, на углу.
Я быстро шел — и вдруг как свет зарницы
Вечернюю прорезал полумглу
Сквозь черные лучистые ресницы.

На ней был креп,— прозрачный легкий газ
Весенний ветер взвеял на мгновенье,
Но на лице и в ярком свете глаз
Я уловил бывшее оживленье.

И ласково кивнула мне она,
Слегка лицо от ветра наклонила
И скрылась за углом... Была весна...
Она меня простила — и забыла.

* * *

Мы рядом шли, но на меня
Уже взглянуть ты не решалась,
И в ветре мартовского дня
Пустая наша речь терялась.

Белели стужей облака
Сквозь сад, где падали капли,
Бледна была твоя щека,
И, как цветы, глаза синели.

Уже полураскрытых уст
Я избегал касаться взглядом,
Но был еще блаженно пуст
Тот дивный мир, где шли мы рядом.

ВАЛЕРИЙ
БРЮСОВ

ВСЕ КОНЧЕНО

Все кончено, меж нами связи нет...

А. Пушкин

Эта светлая ночь, эта тихая ночь,
Эти улицы, узкие, длинные!
Я спешу, я бегу, убегая я прочь,
Прохожу тротуары пустынные.
Я не в силах восторга мечты превозмочь.
Повторяю напевы старинные,
И спешу, и бегу,— а прозрачная ночь
Стелет тени, манящие, длинные.

Мы с тобой разошлись навсегда, навсегда!
Что за мысль, несказанная, странная!
Без тебя и наступят и минут года,
Вереница неясно туманная.
Не сойдемся мы вновь никогда, никогда,
О, любимая, вечно желанная!
Мы расстались с тобой навсегда, навсегда...
Навсегда? Что за мысль несказанная!

Сколько сладости есть в тайной муке мечты.
Этой мукой я сердце баюкаю,
В этой муке нашел я родник красоты,
Упиваюсь изысканной мукою.
«Никогда мы не будем вдвоем,— я и ты...»
И на грани пред вечной разлукою
Я восторгов ищу в тайной муке мечты,
Я восторгами сердце баюкаю.

* * *

Итак, это — сон, моя маленькая,
Итак, это — сон, моя милая,
Двоим нам приснившийся сон!
Полоска засветится аленькая,
И греза вспорхнет среброкрылая,
Чтоб кануть в дневной небосклон.

Но сладостны лики ласкательные,
В предутреннем свете дрожащие,
С улыбкой склоненные к нам,
И звезды, колдуньи мечтательные,
В окно потаенно глядящие,
Приветствия шепчут мечтам.
Так где ж твои губы медлительные?
Дай сжать твои плечики детские!

Будь близко, ресницы смежив!
Пусть вспыхнут лучи ослепительные,
Пусть дымно растаю в их блеске я,
Но память о сне сохранив!

МАКСИМИЛИАН
ВОЛОШИН

ОНА

В напрасных поисках за ней
Я исследил земные тропы
От Гималайских ступеней
До древних пристаней Европы.
Она зыбытый сон веков,
В ней несвершенные надежды.
Я шорох знал ее шагов
И шелест чувствовал одежды.

Тревожа древний сон могил,
Я поднимал киркою плиты...
Ее искал, ее любил
В чертах Микенской Афродиты.
Пред нею падал я во прах,
Целуя пламенные ризы
Царевны Солнца — Таиах
И покрывало Монны Лизы.
Под шум молитв и дальний звон
Склонялся в сладостном бессилье
Пред ликом восковых Мадонн
На знойных улицах Севильи.
И я читал ее судьбу
В улыбке внутренней зачатья,
В улыбке девушек в гробу,
В улыбке женщин в миг объятья.
Порой в чертах случайных лиц
Ее улыбки пламя тлело,
И кто-то звал со дна темниц.
Из бездны призрачного тела.

Но неизменная не та
Она скользит за тканью зыбкой,
И тихо светятся уста
Неотвратимую улыбкой.

* * *

Не успокоена в покое,
Ты вся ночная в нимбе дня...
В тебе есть темное и злое,
Как в древнем пламени огня.

Твои негибкие уборы,
Твоих запястий бирюза,
И строгих девушек Гоморры
Любовь познавшие глаза,

Глухой и травный запах мирры —
В свой душистый замыкают круг...
И емлют пальцы тонких рук
Клинок невидимой секиры.

Тебя коснуться и вдохнуть...
Узнать по запаху ладоней,
Что смуглая натерта грудь
Тоскою древних благовоний.

ПЕТР
ДРАВЕРТ

ИЗ ЯКУТСКИХ МОТИВОВ

От моей юрты до твоей юрты
Горностая следы на снегу.
Обещала вчера навестить меня ты,
Я дожидаться тебя не могу.

От юрты твоей до юрты моей
Потянул сероватый дымок:
Ты варишь карасей для вечерних гостей,
Я в раздумье сижу, одинок...

От моей юрты до твоей юрты
Горностая следы на снегу.
Ты, пожалуй, придешь под крылом темноты,
Но уйду я с собакой в тайгу.

От юрты твоей до юрты моей
Голубой разостлался дымок.
Тень собаки черна, а на сердце черней,
И на двери железный замок.

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОЛЬВЕЙГ

Сольвейг прибегает на лыжах.

Ибсен «Пер Гюнт»

Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне!

Жил я в бедной и темной избушке моей
Много дней, меж камней, без огней.

Но веселый, зеленый твой глаз мне блеснул —
Я топор широко размахнул!

Я смеюсь и крушу вековую сосну,
Я встречаю невесту — весну!

Пусть над новой избой
Будет свод голубой —
Полно соснам скрывать синеву!

Это небо — твое!
Это небо — мое!
Пусть недаром я гордым сльву!

Жил в лесу, как во сне,
Пел молитвы сосне,
Надо мной распростершей красу.

Ты пришла — и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу!

Слышишь звонкий топор? Видишь
радостный взор,
На тебя устремленный в упор?

Слышишь песню мою? Я крушу и пою
Про весеннюю Сольвейг мою!

Под моим топором, распевая хвалы,
Раскачнулись в лазури стволы!

Голос твой — он звончей песен старой сосны!
Сольвейг! Песня зеленой весны!

НЕЗНАКОМКА

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas»!¹ кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

¹ Истина в вине! (лат.)

* * *

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года.
Тютчев

Прошли года, но ты — все та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.

А я — склонен над грудой книжной,
Высокий, сгорбленный старик, —
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.

Да. Нас года не изменили.
Живем и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те баснословные года...

Их светлый пепел — в длинной урне.
Наш светлый дух — в лазурной мгле,
И все чудесней, все лазурней —
Дышать прошедшим на земле.

* * *

Она, как прежде, захотела
Вдохнуть дыхание свое
В мое измученное тело,
В мое холодное жилье.

Как небо, встала надо мною,
А я не мог навстречу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковал о ней...

Смотрел я тусклыми глазами,
Как надо мной она грустит,
И больше не было меж нами
Ни слов, ни счастья, ни обид...

Земное сердце уставало
Так много лет, так много дней...
Земное счастье запоздало
На тройке бешеной своей!

Я, наконец, смертельно болен,
Дышу иным, иным томлюсь,
Закатом солнечным доволен
И вечной ночи не боюсь...

Мне вечность заглянула в очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костер волненья залила...

* * *

Превратила все в шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.
И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно все позабыв.
Вдруг припомнила все — зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.
Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась,
И, должно быть, навеки ушла...
Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое.—
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

* * *

Благословляю все, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!

Пускай и счастье и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой скуке —
Я не утратил прежний свет.

И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть — вдвоем.
Все то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоём.

Глядят внимательные очи,
И сердце бьёт, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.

* * *

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от краю до краю,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

* * *

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...

Что было любимо — все мимо, мимо...
Впереди — неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратно... прости!

* * *

Пусть я и жил, не любя,
Пусть я и клятвы нарушу,—
Все ты волнуешь мне душу,
Где бы ни встретил тебя!

О, эти дальние руки!
В тусклое это житье
Очарованье свое
Вносишь ты, даже в разлуке!

И в одиноком моем
Доме, пустом и холодном
В сне, никогда не свободном,
Снится мне брошенный дом.

Старые снятся минуты,
Старые снятся года...
Видно, уж так навсегда
Думы тобою замкнуты!

Кто бы ни звал — не хочу
На суетливую нежность
Я променять безнадежность —
И, замыкаясь, молчу.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

ЛЮБОВЬ

Был тихий час. У ног шумел прибор.
Ты улыбнулась, молвив на прощанье:
«Мы встретимся... До нового свиданья...»
То был обман. И знали мы с тобой,

что навсегда в тот вечер мы прощались.
Пунцовым пламенем зарделись небеса.
На корабле надулись паруса.
Над морем крики чаек раздавались.

Я вдаль смотрел, щемящей грусти полн.
Мелькал корабль, с зарею уплывавший
среди нежных, изумрудно-пенных волн,
как лебедь белый, крылья распластавший.

И вот его в безбрежность унесло.
На фоне неба бледно-золотистом
вдруг облако туманное взошло
и запылало ярким аметистом.

АСЕ

Те же — приречные мрежи,
Серые сосны и пни;
Те же песчаники; те же —
Сирые, тихие дни;

Те же немеют с отвеса
Крыши поникнувших хат;
Синие линии леса
Немо темнеют в закат.

А над немым перелеском,
Где разрежились кусты,
Там проясняешься блеском
Неугасимым — Ты!

Струями ярких рубинов
Жарко бежишь по крови:
Кроет крыло серафимов
Пламенно очи мои.

Бегом развернутых крылий
Стала крылатая кровь.
Давние, давние были
Приоткрываются вновь.

В давнем грядущие встречи;
В будущем — давность мечты;
Неизреченные речи,
Неизъяснимая — ты!

ТЫ — ТЕНЬ ТЕНЕЙ

Ты — тень теней...
Тебя не назову.
Твое лицо —
Холодное и злое...

Плыву туда — за дымку дней — зову,
За дымкой дней, — нет, не Тебя! былое, —
Которое я рву
(в который раз),
Которое, — в который
Раз восходит, —

Которое,— в который раз алмаз —
Алмаз звезды, звезды любви, низводит.

Так в листья лип,
Провиснувшие,— Свет
Дрожит, дробясь,
Как брызнувший стеклярус;

Так,— в звуколивные проливы лет
Бежит серебряным воспоминаньем: парус...

Так в молодой,
Весенний ветерок
Надуется белеющий
Барашек;
Так над водой пустилась в ветерок
Летенница растерянных букашек...

Душа, Ты — свет.
Другие — (нет и нет!) —
В стихиях лет:
Поминовенья света...
Другие — нет... Потерянный поэт,
Найди Ее, потерянную где-то.

За призраками лет —
Непризрачна межа;
На ней — душа,
Потерянная где-то...

Тебя, себя я обниму, дрожа,
В дрожаниях растерянного света.

САША
ЧЕРНЫЙ

ЗИРЭ

Чья походка, как шелест дремотной травы на заре?
Зирэ.
Кто скрывает смущенье и смех в пестротканой чадре?
Зирэ.
Кто сверкает глазами, как хитрая змейка в норе?
Зирэ.
Кто тихонько поет, проносясь вдоль перил во дворе?
Зирэ.
Кто нежнее вечернего шума в вишневом шатре?
Зирэ.
Кто свежее снегов на далекой лиловой горе?
Зирэ.
Кто стройнее фелуки в дрожащем ночном серебре?
Зирэ.

ЛУКАВАЯ СЕРЕНАДА

О Розина!

Какая причина,
Что сегодня весь день на окошке твоём жалози?
Дело было совсем на мази —
Ты конфеты мои принимала,
Ты в ресницы меня целовала,—
А теперь под стеною, в грязи,
Безнадежно влюбленный,
Я стою, словно мул истомленный,
С мандолиной в руках,
Ах!

О Розина!

Ты чище жасмина...

Это знает весь дом как вполне установленный факт.

Но, забывши и клятвы и такт,

Почему ты с художником русским

В ресторане кутила французском?!

Пусть пошлет ему бог катаракт!

Задушу в переулке повесу...

Закажу похоронную мессу

И залью шерри-бренди свой грех...

Эх!

О Розина!

Умираю от сплина...

Я сегодня по почте, мой друг, получив гонорар...

Нарядись в свое платье веселого цвета «омар»,—

Поплывем мы к лазурному гроту,

Дам гребцам тридцать лир за работу,

В сердце алый зардеет пожар —

В складках нежного платья

Буду пальцы твои целовать я,

Заглушая мучительный вздох...

Ох!

О Розина!

Дрожит парусина...

Быстрый глаз твой с балкона лукаво стрельнул

и пропал,

В небе — вечера нежный опал.

Ах, на лестнице тихо запели ступени,

Подгибаются сладко колени,—

О, единственный в мире овал!

Если б мог свое сердце к порогу,

Как ковер, под прекрасную ногу

Я б швырнул впопыхах...

Ах!

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ

ЗАКОЛДОВАННАЯ ЛЮБОВЬ

1

Только раз мне обернешься,
Только раз мне скажешь: «Милый»
И подумаешь: «Люблю», —
Сердце вспыхнет и взвьется
В сине небо алокрылой
Жаром-птицею Люблю.

Только уст моих коснешься,
Только голос легкокрылый
Тихо вымолвит: «Люблю», —
Сердце станет и несется
В недра темные могилы
Углем-птицею Люблю.

2

Помнишь вьюга налетела,
Помнишь, стужа леденила,
Рукавом ты запахнулась,
Темным сердцем замирала,
Мысли милые таила,
Смутным смехом улыбнулась.

Лунный иней, белый иней,
Сединою лес повитый,
Сонных веток колыханье...
Я под лаской ткани синей,
Рукавом твоим закрытый,
Целовал твое дыханье.

3

Заледенелая и снежно-белая —
И все же серые глаза,
И все же тонкая рука.
Такая тихая и вся несмелая —
Оцепенелая гроза,
Закаменелая река.

Что под глубинами и под сединами
Заполоненная весна?
Зеленотопкая тайга?
И под сияющими льдинами
Душа ли белая ясна?
И сердце ль вковано в снега?

4

Замети меня метелями,
Белой вьюгой закрути,
Вьюжной песней утоми,
Чтоб за елями, под елями
В белоснежный сон уйти —
Только сон не отыми.

Все взяла, на ветер кинула:
На, пляши, гуди, мети,
Замети, убей, уйми!
Косы белые раскинула,
Пляшешь, душишь — отпусти!
Руки-вихри разойми!

5

Такая милая, такая милая,
Как первый лучик вешних дней,
Как детский глаз, выдавший рай.
В снегу забытая, во льду застылая,

Чуть слышен звук: «Огней, огней,
Хочу играть!» — «Так на, играй!

Вот видишь: красенький, зеленый, аленький,
И все горят, дрожат, живут».
— «А где же солнце? Дай его!»
— «И солнце дам, и месяц маленький:
Они мои. Неволи ждут.
Вон смотрят с неба своего».

6

Чтобы больше, больше, больше
Падал, падал белый снег,
Лился, вился снежный сон;
Чтоб слышнее, глубже, дольше
Задыхался тихий бег,
Колыхался белый звон.

Чтоб под этой сетью снежной,
Опускаемой с небес,
Долетевший до земли,
Белизною безмятежной
Заволакивался лес,
Горы белые росли.

7

Прощай, прости, как я прощаю.
Весна зовет меня в поля,
Где тают рыхлые снега,
Одной сырой земле вещаю:
«Я твой, я твой, и ты моя,
Прольюсь дождем в твои луга».

Прощай. Зачем ты не с землею,
Зачем не слышишь звона льдин,
Не дышишь смолю чернозема?
И я в веселье ледолома
Такой весной зачем один,
А не с тобой, а не с тобою!

8

Так и останется, так и останется
В глухую топь сырой земли
Тобой зарытое Люблю.
И все останется. Опять обманется
Весенним запахом земли
Другое, вешнее Люблю.

Несется водами и веет воздухом,
Смуглеет кров сырой земли
И дышит силою Люблю.
И вздыхает тяжким воздыхом
Под гнетом тающей земли
Тобой зарытое Люблю.

ВИХРЬ

Ты опять ко мне приникла,
Ты опять меня взяла.
Вихрем огненным возникла,
Миг замедлила, утихла,
Острым пальцем поманила,
Серым глазом ослепила,
Меч лучей своих вонзила,
Сердце вольное зажгла.
И взлетела вихрем, вихрем.
Вьешься, вьешься в вышине;
Манишь в высь слепящим вихрем,
В золотом летишь огне;
Стрелы, сыплемые вихрем,
В небе светятся — не мне;
Листья, сорванные вихрем,
Вихрем падают ко мне.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

ЯНТАРНАЯ ЭЛЕГИЯ

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок.

А. Пушкин

Вы помните прелестный уголок —
Осенний парк в цвету янтарно-алом?
И мрамор урн, поставленных бокалом
На перекрестке палевых дорог?

Вы помните студеное стекло
Зеленых струй форелевой речонки?
Вы помните комичные опенки
Под кедрами, склонившими чело?

Вы помните над речкою шале,
Как я назвал трехкомнатную дачу,
Где плакал я от счастья, и заплачу
Еще не раз о ласке и тепле?

Вы помните... О да! забыть нельзя
Того, что даже нечего и помнить...
Мне хочется Вас грезами исполнить
И попроситься робко к Вам в друзья...

ЭТО ВСЕ ДЛЯ РЕБЕНКА...

О, моя дорогая! Ведь теперь еще осень,
ведь теперь еще осень...
А увидеться с вами я мечтаю весною,
бирюзовой весною...
Что ответить мне сердцу, безутешному сердцу,
если сердце вдруг спросит,
Если сердце простонет: «Грезишь мраком зеленым?
Грезишь глушью лесною?»
До весны мы в разлуке. Повидаться не можем.
Повидаться нельзя нам.
Разве только случайно. Разве только в театре.
Разве только в концерте.
Да и то бессловесно. Да и то беспоклонно.
Но зато — осиянным
И брильянтовым взором обменяться успеем.
Как и словом в конверте...
Вы всегда под охраной. Вы всегда под надзором.
Вы всегда под опекой.
Это все для ребенка... Это все для ребенка...
Это все для ребенка...
Я в вас вижу подругу. Я в вас женщину вижу.
Видю в вас человека.
И мне дорог ваш крестик — как и ваша слезинка,
как и ваша гребенка...

НИКОЛАЙ
КЛЮЕВ

* * *

Любви начало было летом,
Конец — осенним сентябрем.
Ты подошла ко мне с приветом
В наряде девичьем простом.

Вручила красное яичко
Как символ крови и любви:
Не торопись на север, птичка,
Весну на юге обожди!

Синеют дымно перелески,
Настороженны и немые,
За узорочьем занавески
Не видно тающей зимы.

Но сердце чует: есть туманы,
Движенье смутное лесов,
Неотвратимые обманы
Лилово-сизых вечеров.

О, не лети в туманы пташкой!
Года уйдут в седую мглу —
Ты будешь нищею монашкой
Стоять на паперти в углу.

И, может быть, пройду я мимо,
Такой же нищий и худой...
О, дай мне крылья херувима
Лететь незримо за тобой!

— Не обойти тебя приветом
И не раскаяться потом...
Любви начало было летом,
Конец — осенним сентябрем.

* * *

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь, лучезарно светла,
Правишь горным, неведомым градом.

Я нездешним забыться готов,
Ты всегда баснословной казалась
И багрянцем осенних листов
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, что не стало тебя,
Но любви иссякаемы ль струи:
Разве зори — не ласка твоя,
И лучи — не твои поцелуи? ,

САМУИЛ
МАРШАК

«СЧАСТЬЕ»

Как празднично сад расцвела сирень
Лилового, белого цвета.
Сегодня особый — сиреневый — день,
Начало цветущего лета.

За несколько дней разоделись кусты,
Недавно раскрывшие листья,
В большие и пышные гроздья-цветы,
В густые и влажные кисти.

И мы вспоминаем, с какой простотой,
С какою надеждой и страстью
Искали меж звездочек в грозди густой
Пятилепестковое «счастье».

С тех пор столько раз перед нами цвели
Кусты этой щедрой сирени.
И если мы счастья еще не нашли,
То, может быть, только от лени.

* * *

Бремя любви тяжело, если даже несут его двое.
Нашу с тобою любовь нынче несу я один.
Долю мою и твою берегу я ревниво и свято,
Но для кого и зачем — сам я сказать не могу.

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

* * *

Не за силу, не за качество
золотых твоих волос
сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.

Я тебя запомнил докрепка,
ту, что много лет назад
без упрека и без окрика
загляделась мне в глаза.

Я люблю тебя, ту самую, —
все нежней и все тесней, —
что, назвавшись мне Оксаною,
шла ветрами по весне.

Ту, что шла со мной и мучилась,
шла и радовалась дням
в те года, как вьюга вьючила
груз снегов на плечи нам.

В том краю, где сизой заметью
песня с губ летит, скользя,
где нельзя любить без памяти
и запеть о том нельзя.

Где весна, схватившись за ворот,
от тоски такой устав,
хочет в землю лечь у явора,
у ракитова куста.

Нет, не сила и не качество
молодых твоих волос,
ты — всему была заказчица,
что в строке отозвалось.

* * *

Летят недели кувырком,
и дни порожняком.
Встречаемся по сумеркам
украдкой да тайком.
Встречаемся — не ссоримся,
расстанемся — не ждем
по дальним нашим горницам,
под сереньким дождем.
Не видимся по месяцам:
ни дружбы, ни родни.
Столетия поместятся
в пустые эти дни.
А встретимся — все сызнава:
с чего опять начать?
Скорее, дождик, сбрызгивай
пустых ночей печаль.
Все тихонько да простенько:
влеченье двух полов
да разговоры родственников,
высмеивающих зло.
Как звери когти стачивают
о сучьев пустыки, —
последних сил остаю
скребу тебе стихи.
В пустой денек холоденький,
зажившись свежо,
ты, может, скажешь: «Родненький», —
оставшись мне чужой.
И это странно весело
и страшно хорошо —
касаться только песнею
твоих плечей и щек.

И ты мне сердце выстели
одним словцом простым,
чтоб билось только издали
на складках злых простынь;
чтоб день, как в винограднике,
был полон и тяжёл;
чтоб ты была мне навеки
далекой и чужой!

* * *

Слушай, Анни,
твое дыханье,
трепет рук,
и изгибы губ,
и волос твоих
колыханье
я, как давний сон,
берегу.
Эти лица,
и те,
и те,—
им
хоть сто,
хоть тысячу лет скости,—
не сравнивать с твоим
в простоте,
в прямоте
и в суровой детскости.
Можно
астрой в глазах пестреться,
можно
ветром в росе свистеть,
но в каких
человеческих средствах
быть собой
всегда и везде?!
Ты проходишь
горя и беды,

БОРИС ПАСТЕРНАК

* * *

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой,
Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега,— никого.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной,

И опять кольнут донья
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.

Но неожиданно по портъере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами меря,
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Как летом роем мошкара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале.
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

ОСЕНЬ

Я дал разъехаться домашним,
Все близкие давно в разброде,
И одиночеством всегдашним
Полно все в сердце и природе.

И вот я здесь с тобой в сторожке.
В лесу безлюдно и пустынно.
Как в песне, стежки и дорожки
Позаросли наполовину.

Теперь на нас одних с печалью
Глядят бревенчатые стены.
Мы братья преград не обещали,
Мы будем гибнуть откровенно.

Мы сядем в час и встанем в третьем,
Я с книгою, ты с вышиваньем,
И на рассвете не заметим,
Как целоваться перестанем.

Еще пышней и бесшабашней
Шумите, осыпайтесь, листья,
И чашу горечи вчерашней
Сегодняшней тоской превысьте.

Привязанность, влечение, прелесть!
Рассеемся в сентябрьском шуме!
Заройся вся в осенний шелест!
Замри или ополоумей!

Ты так же сбрасываешь платье,
Как роща сбрасывает листья,
Когда ты падаешь в объятье
В халате с шелковой кистью.

Ты — благо гибельного шага,
Когда житье тошней недуга,
А корень красоты — отвага,
И это тянет нас друг к другу.

* * *

Не плачь, не морщи опухших губ.
Не собирай их в складки.
Разбередишь присохший струп
Весенней лихорадки.

Сними ладонь с моей груди,
Мы провода под током.
Друг к другу вновь, того гляди,
Нас бросит ненароком.

Пройдут года, ты вступишь в брак,
Забудешь неустройства.
Быть женщиной — великий шаг,
Сводить с ума — геройство.

А я пред чудом женских рук,
Спины, и плеч, и шеи
И так с привязанностью слуг
Весь век благоговею.

Но как ни сковывает ночь
Меня кольцом тоскливым,
Сильней на свете тяга, прочь
И манит страсть к разрывам.

СВИДАНИЕ

Засыплет снег дороги,
Завалит скаты крыш.
Пойду размять я ноги, —
За дверью ты стоишь.

Одна, в пальто осеннем,
Без шляпы, без калош.
Ты борешься с волненьем
И мокрый снег жуешь.

Деревья и ограды
Уходят вдаль, во мглу.
Одна средь снегопада
Стоишь ты на углу.

Течет вода с косынки
По рукаву в обшлаг,
И каплями росинки
Сверкают в волосах.

И прядью белокурой
Озарены: лицо,
Косынка, и фигура,
И это пальтецо.

Снег на ресницах влажен,
В твоих глазах тоска,
И весь твой облик слажен
Из одного куска.

Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему,

И в нем навек засело
Смиренье этих черт,
И оттого нет дела,
Что свет жестокосерд.

И оттого двоится
Вся эта ночь в снегу,
И провести границы
Меж нас я не могу.

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?

* * *

Я тоже любил, и дыханье
Бессонницы раннею ранью
Из парка спускалось в овраг, и впотьмах
Выпархивало за архипелаг
Полян, утопавших в лохматом тумане,
В полыни и мяте и перепелах.
И тут тяжелел обожанья размах,
Хмелел, как крыло, обожженное дробью,
И бухался в воздух, и падал в ознобе,
И располагался росой на полях.

А там и рассвет занимался. До двух
Несметного неба мигали богатства,
Но вот петухи начинали пугаться
Потемок и силились скрыть перепуг,
Но в глотках рвались холостые фугасы,
И страх фистулой голосил от потуг,
И гасли стожары, и как по заказу
С лицом пучеглазого свечегаса
Показывался на опушке пастух.

Я тоже любил, и она пока еще
Жива, может статься. Время пройдет,
И что-то большое, как осень, однажды
(Не завтра, быть может, так позже когда-нибудь)
Зажжется над жизнью, как зарево, сжалившись
Над чащей. Над глупостью луж, изнывающих
По-жабьи от жажды. Над заячьей дрожью
Лужаек, с ушами ушитых в рогожу
Листвы прошлогодней. Над шумом, похожим
На ложный прибор прожитого. Я тоже
Любил, и я знаю: как мокрые пожни
От века положены году в подножье,
Так каждому сердцу кладется любовью
Знобящая новость миров в изголовье.

Я тоже любил, и она жива еще.
Все так же, катясь в ту начальную рань,

Стоят времена, исчезая за краешком
Мгновенья. Все так же тонка эта грань.
По-прежнему давнее кажется давешним.
По-прежнему, схлынувши с лиц очевидцев,
Безумствует быль, притворяясь незнающей,
Что больше она уж у нас не жилица,
И мыслимо это? Так, значит, и впрямь
Всю жизнь удаляется, а не длится
Любовь, удивленья мгновенная дань?

* * *

Любить иных тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносилен.

Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впрядь.
Все это — не большая хитрость.

РЮРИК
ИВНЕВ

МОЛОДОСТЬ ТВОЯ

«Не глаза, а пропасть голубая», —
Как сквозь сон услышал где-то я.
И, склонясь, я тихо повторяю:
«Не глаза, а пропасть голубая».
Я к душе неведомой зываю:
Да святится молодость твоя!
Ах, ничто не ново под луною,
Ни огонь, ни искры от огня,
И слова, открытые не мною,
Стали вдруг родными для меня.
«Не глаза, а пропасть голубая», —
С верой в счастье повторяю я:
Да святится молодость твоя.

* * *

Явись ко мне сквозь тысячи миров,
Сквозь вихри звезд и лунные покровы,
Сквозь гущу огнедышащих костров,
Сквозь тьму веков и плит многопудовых.
Явись ко мне, бредущему без крова,
Сквозь пустыри обледенелых строф,
Средь горьких снов, что создал Саваоф,
Явись во имя самого святого.
Я жду тебя в душевном озаренье,
Как первый взлет младенческой весны,
Как музыку, как счастье, как спасенье,
Как весточку неведомой страны.
И все печали, боли, наважденья
Твоей улыбкой будут сметены.

СЕКУНДЫ ЛЮБВИ

Я шел по дорогам, изрытым годами,
Дышал, задыхался и падал в крови,
И с тою же силою, как при Адаме,
Летели секунды, секунды любви.
Мы к древу познания пришли не случайно.
Мы знаем так много, нам всё не в нови,
Но с той же слепой, неразгаданной тайной
Несутся секунды, секунды любви.
Как будто все просто и так объяснимо,
Как голуби теплые — только лови.
Трепещут в руках, но пронесются мимо
Секунды, секунды, секунды любви.
Зачем же гадать о бесчисленных звездах?
Оставь их в саду поднебесья, не рви.
Смотри, как земной наш живительный воздух
Пронзают секунды, секунды любви.

* * *

Милый голос, теплота руки...
Вот и все. Наука и законы,
Александры и Наполеоны,
Это все — такие пустышки.
Милый голос, чуточку усталый,
И улыбка тихая во мгле...
Чтобы быть счастливым на земле,
Сердцу надо до смешного мало.
Пусть же разорвут меня на части
И на всех соборах проклянут
За нечеловеческое счастье
Этих изумительных минут.
Милый голос, теплота руки...
Вот и все: моря и океаны,
Города, пустыни, царства, страны,
Это все — такие пустышки.

Милый голос, теплота руки.

ИЛЬЯ
ЭРЕНБУРГ

* * *

Я так любил тебя — до грубых шуток
И до таких пронзительных немот,
Что даже дождь, стекло и ветки путал,
Не мог найти каких-то нужных нот.

Так только варвар, бросивший на форум
Косматый запах крови и седла,
Богинь обледенивший волчьим взором
Занеженные зябкие тела,

Так только варвар, конь чей, дико пенясь,
Ветрами заальпийскими гоним,
Копытом высекал из сердца пленниц
Источники чистительные нимф,

И после, приминая мех медвежий,
Гортанным храпом плача и шутя,
Так только варвар пестовал и нежил
Диковинное южное дитя.

Так я тебя, без музыки, без лавра,
Грошовую игрушку смастерил,
Нет, не на радость, как усталый варвар,
Ныряя в ночь, большую, без зари.

Про первую любовь писали много,—
Кому не лестно походить на бога,
Создать свой мир, открыть в привычной глине
Черты еще не найденной богини?
Но цену глине знает только мастер —
В вечерний час, в осеннее ненастье,
Когда все прожито и все известно,
Когда сверчку его знакомо место,
Когда цветов повторное цветенье
Рождает суеверное волнение,
Когда уж дело не в стихе, не в слове,
Когда все позади, а счастье внове.

ОСИП
МАНДЕЛЬШТАМ

* * *

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека,
И все твое —
От неизбежного.

От неизбежного
Твоя печаль,
И пальцы рук
Неостывающих,
И тихий звук
Неунывающих
Речей,
И даль
Твоих очей.

* * *

Мне жалко, что теперь зима
И комаров не слышно в доме
Но ты напомнила сама
О легкомысленной соломе.

Стрекозы вьются в синеве,
И ласточкой кружится мода,
Корзиночка на голове
Или напыщенная ода?

Советовать я не берусь,
И бесполезны отговорки,
Но взбитых сливок вечен вкус
И запах апельсиновой корки.

Ты все толкуешь наобум,
От этого ничуть не хуже,
Что делать, самый нежный ум
Весь помещается снаружи.

И ты пытаешься желток
Взбивать рассерженною ложкой.
Он побелел, он изнемог,
И все-таки еще немножко.

И право, не твоя вина,
Зачем оценки и изнанки?
Ты как нарочно создана
Для комедийной перебранки.

В тебе все дразнит, все поет,
Как итальянская рулада.
И маленький вишневый рот
Сухого просит винограда.

Так не старайся быть умней,
В тебе все прихоть, все минута.
И тень от шапочки твоей —
Венецианская баута.

* * *

Я наравне с другими
Хочу тебе служить,
От ревности сухими

Губами воровать.
Не утоляет слово
Мне пересохших уст,
И без тебя мне снова
Дремучий воздух пуст.

Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И сам себя несу я,
Как жертву палачу.
Тебя не назову я
Ни радость, ни любовь.
На дикую, чужую
Мне подменили кровь.

Еще одно мгновенье,
И я скажу тебе:
Не радость, а мученье
Я нахожу в тебе.
И, словно преступленье,
Меня к тебе влечет
Искусанный в смятенье
Вишневый нежный рот...

Вернись ко мне скорее,
Мне страшно без тебя,
Я никогда сильнее
Не чувствовал тебя,
И все, чего хочу я,
Я вижу наяву:
Я больше не ревную,
Но я тебя зову.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

* * *

Вы думаете, это бредит малярия?

Это было,
было в Одессе.

«Приду в четыре»,— сказала Мария.

Восемь.
Девять.
Десять.

Вот и вечер
в полную жуть
ушел от окон,
хмурый,
декабрь.

В дряхлую спину хохочут и ржут
канделябры.

Меня сейчас узнать не могли бы:
жилистая громадина
стонет,
корчится.
Что может хотеться этакой глыбе?
А глыбе многое хочется!

Ведь для себя не важно
и то, что бронзовый,

и то, что сердце — холодной железкою.
Ночью хочется звон свой
спрятать в мягкое,
в женское.

И вот,
громадный,
горблюсь в окне,
плавлю лбом стекло окошечное.
Будет любовь или нет?
Какая —
большая или крошечная?
Откуда большая у тела такого:
должно быть, маленький,
смирный любеночек.
Она шарахается автомобильных гудков.
Любит звоночки коночек.

Еще и еще,
уткнувшись дождю
лицом в его лицо рябое,
жду,
обрызганный громом городского прибоя.

Полночь, с ножом мечась,
догнала,
зарезала, —
вон его!

Упал двенадцатый час,
как с плахи голова казненного.

В стеклах дождинки серые
свылись,
гримасу громадили,
как будто воют химеры
Собора Парижской Богоматери.
Проклятая!
Что же, и этого не хватит?
Скоро криком издерется рот.

Слышу:
тихо,
как больной с кровати,
спрыгнул нерв.
И вот,—
сначала прошелся
едва-едва,
потом забегал,
взволнованный,
четкий.
Теперь и он и новые два
мечутся отчаянной четкой.

Рухнула штукатурка в нижнем этаже.

Нервы —
большие,
маленькие, —
многие! —
скачут бешеные,
и уже
у нервов подкашиваются ноги!

А ночь по комнате тинится и тинится,—
из тины не вытянуться отяжелевшему глазу.
Двери вдруг заляскали,
будто у гостиницы
не попадает зуб на зуб.
Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки замш,
сказала:
«Знаете —
я выхожу замуж».

Что ж, выходите.
Ничего.
Покреплюсь.
Видите — спокоен как!
Как пульс
покойника.

Помните?
Вы говорили:
«Джек Лондон,
деньги,
любовь,
страсть», —
а я одно видел:
вы — Джиоконда,
которую надо украсть!

И украли.

Опять влюбленный выйду в игры,
огнем озаря бровей загиб.

Что же!

И в доме, который выгорел,
иногда живут бездомные бродяги!

Дразните?

«Меньше, чем у нищего копеек,
у вас изумрудов безумий».

Помните!

Погибла Помпея,
когда раздражили Везувий!

Эй!

Господа!

Любители

святотатств,
преступлений,

боев, —

а самое страшное

видели —

лицо мое,

когда

я

абсолютно спокоен?

И чувствую —

«я»

для меня мало.

Кто-то из меня вырывается упрямо.

Алло!
Кто говорит?
Мама?
Мама!
Ваш сын прекрасно болен!
Мама!
У него пожар сердца.
Скажите сестрам, Люде и Оле,—
ему уже некуда деться.
Каждое слово,
даже шутка,
которые изрыгает обгорающим ртом он,
выбрасывается, как голая проститутка
из горящего публичного дома.

Люди нюхают —
запахло жареным!
Нагнали каких-то.
Блестящие!
В касках!
Нельзя сапожища!
Скажите пожарным:
на сердце горящее лезут в ласках.
Я сам.
Глаза наслезненные бочками выкачу.
Дайте о ребра опереться.
Выскочу! Выскочу! Выскочу! Выскочу!
Рухнули.
Не выскочишь из сердца!

На лице обгорающем
из трещины губ
обугленный поцелуишко броситься вырос.

Мама!
Петь не могу.
У церковки сердца занимается клирос!
Обгорелые фигурки слов и чисел
из черепа,
как дети из горящего здания.

Так страх
схватился за небо
высил
горящие руки «Лузитании».
Трясущимся людям
в квартирное тихо
стоглазое зарево рвется с пристани.
Крик последний,—
ты хоть
о том, что горю, в столетия выстони!

(НЕОКОНЧЕННОЕ)

[1]

Любит? не любит? Я руки ломаю
и пальцы разбрасываю разломавши
так рвут загадав и пускают по маю
венчики встречных ромашек
пускай седины обнаруживает стрижка и бритья
Пусть серебро годов вызванивает уймою
надеюсь верую вовеки не придет
ко мне позорное благоразумие

[IV]

Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить и беспокоить
как говорят, инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
с тобой мы в расчете и не к чему перечень
взаимных болей бед и обид
Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданию.

ИВАН ЕРОШИН

СУГДААЛЬСКИЕ ДЕВИЦЫ

Девиц посмотреть хочу,
Девиц сугдаальских гор!
Как я с ними познакомлюсь?
Как вступлю я в разговор?
Ичиги хорошие надену,
А рубашки новой нет.
Я скажу: зовут меня Тюржень,
Мне семнадцать лет.

ПАРА УТОК

Что за птицы там летят?
Это — пара серых уток.
Вслед смотрю, зачем смотрю?

Над горой, где камень сер,—
Серые растаяли.
Вслед смотрел, зачем смотрел?

Горе мне: жена ушла.
Глупая покинула.
Глупую зачем люблю?

ЭДУАРД
БАГРИЦКИЙ

АРБУЗ

Свежак надрывается. Прет на рожон
Азовского моря корыто.
Арбуз на арбузе — и трюм нагружен,
Арбузами пристань покрыта.

Не пить первача в дорассветную стыдь,
На скучном зевать карауле,
Три дня и три ночи придется проплыть —
И мы паруса развернули...

В густой бородач ударяет бурун,
Чтоб брызгами вдрызг разлететься;
Я выберу звонкий, как бубен, кавун —
И ножиком вырежу сердце...

Пустынное солнце садится в рассол,
И выпихнут месяц волнами...
Свежак задувает!
Наотмашь!
Пошел!
Дубок, шевели парусами!

Густыми барашками море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...
В два пальца, по-боцмански, ветер свистит,
И тучи сколочены плотно.
И ерзает руль, и обшивка трещит,
И забраны в рифы полотна.

Сквозь волны — навывлет!
Сквозь дождь — наугад!
В свистящем гонимые мыле,
Мы рыщем на ощупь...
Навзрыд и не в лад
Храпят полотняные крылья.

Мы втянуты в дикую карусель.
И море топчет как рынок,
На мель нас кидает,
Нас гонит на мель
Последняя наша путина!

Козлами кудлатыми море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...

Я песни последней еще не сложил,
А смертную чую прохладу...
Я в карты играл, я бродягою жил,
И море приносит награду,—
Мне жизни веселой теперь не сберечь —
И руль оторвало, и в кузове течь!

Пустынное солнце над морем встает,
Чтоб воздуху таять и греться;
Не видно дубка, и по волнам плывет
Кавун с нарисованным сердцем...

В густой бородач ударяет бурун,
Скумбрийная стая играет,
Низовый на зыби качает кавун —
И к берегу он подплывает...
Конец путешествию здесь он найдет,
Окончены ветер и качка,—
Кавун с нарисованным сердцем берет
Любимая мною казачка...

И некому здесь надоумить ее,
Что в руки взяла она сердце мое!..

СЕРГЕЙ
ЕСЕНИН

* * *

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь — как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

* * *

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебязьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумую о нем.
Все равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

* * *

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

* * *

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Все ж кто выдумал твой гибкий стан и
плечи —
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

* * *

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.

Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

* * *

Не криви улыбку, руки беребя,
Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно —
Просто захотелось заглянуть в окно.

* * *

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебесясь,
Все сильнее, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать.
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветь
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,

И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь другому
Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета,
Он тебя расспрашивает сам,
Как смешного, глупого поэта
Привела ты к чувственным стихам.

Ну, и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.

* * *

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распростертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.

Ну, и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоём снится другая,
У которой глаза — голубень.

Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.

Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную ласкою ложь.

Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

* * *

Вечер черные брови насопил:
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храни, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,

Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

* * *

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

* * *

Это было... Когда это было?
Не увидишь, не вспомнишь потом...
За окошком околица стыла,
Мутный снег завивался столбом.

И, подернуты пеплом пушистым,
Рдели угли в притихшей печи,
Рассыпая последние искры
У моей одинокой свечи.

Расставания час или встречи?
Кто поверить бы этому мог...
Для чего же ты кутала плечи
В оренбургский пуховый платок,

Для чего без единого слова
На огонь ты глядела сквозь сон
Большеглазую фрескою Пскова,
Темным ликом угасших времен?

И горел неотступно, как совесть,
Твой широко распахнутый взор,
И была недочитанной повесть
Прошлой жизни — судьбе не в укор.

Безысходная женская жалость,
Безнадежность понять и помочь...
Вот и все, что от пепла осталось
В эту ночь, в эту вьюжную ночь!

ЗВЕЗДА

...Да, расточая сердца пыл,
В скитаньях жизнь свою губя,
Из всех я звезд одну любил...
Одну тебя, одну тебя.

И в час, когда не стало сил,
О всем утраченном скорбя,
Сесть к изголовью попросил
Одну тебя, одну тебя.

Я тенью стал, я все забыл,
Земное небо разлюбя,
Но я зову среди светил
Одну тебя, одну тебя.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

* * *

Я люблю тебя той — без прически,
Без румян — перед ночи концом,
В черном блеске волос твоих жестких.
С побледневшим и строгим лицом.

Но отняв свои руки и губы,
Ты уходишь, ты вечно в пути,
А ведь сердце не может на убыль,
Как полночная встреча, идти.

Словно сон, что случайно вспугнули,
Ты уходишь, как сон, — в глубину
Чужедальних мелькающих улиц,
За страну меняешь страну.

Я дышал тобой в сумраке рыжем,
Что мучений любых горячей,
В раскаленных бульварах Парижа,
В синеве ленинградских ночей.

В крутизне закавказских нагорий,
В равнодушьи московской зимы
Я дышал этой сладостью горя,
До которого дожили мы.

Где ж еще я тебя повстречаю,
Вновь увижу, как ты хороша?
Из какого ты мрака, отчаясь,
Улыбнешься, почти не дыша?

В суету и суровость дневную,
Посреди роковых новостей,
Я не сетую, я не ревную —
Ты — мой хлеб в этот голод страстей.

* * *

Как след весла, от берега ушедший,
Как телеграфной рокоты струны,
Как птичий крик гортанный, сумасшедший,
Прощающийся с нами до весны,

Как радио, которых не услышат,
Как дальний путь почтовых голубей,
Как этот стих, что, задыхаясь, дышит,
Как я — в бессонных думах о тебе.

Но это все одной печали росчерк,
С которой я поистине дружу,
Попросишь ты: скажи еще попроще,
И я еще попроще расскажу.

Я говорю о мужестве разлуки,
Чтобы слезам свободы не давать,
Не будешь ты, заламывая руки,
Белее мела, падать на кровать.

Но ты, моя чудесная тревога,
Взглянув на небо, скажешь иногда:
Он видит ту же лунную дорогу
И те же звезды, словно из льда!

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

Я НЕ ХОЧУ ЗАБЫТЬ ТЕБЯ...

Я не хочу забыть тебя. Я слушал,
Как время льется и гудит струной.
Я буду говорить как можно суше,
Почти молчать,— но о тебе одной.

Почти молчать, почти ломая руки,
Забыв лицо, походку, платье, смех.
Я выдумую цирковые трюки
И сказочки, понятные для всех,—

Чтобы казалось: лампа не потухла!
Чтобы, по крайней мере, хоть дразня,
Скрипучая и розовая кукла
С твоим лицом шла около меня!

* * *

Решай, как захочешь. Кончай. Уезжай из Москвы.
А я утверждаю, что это неправда! Я дым.
Я память и воображение. Я ниже травы
И тише воды. Но я буду еще молодым.
Но ты отвечаешь:

— Не будешь!

И даже туман
Качает вихрастой своей головой, что я лгун.
Осталось мне клясться дождем, фонарям и домам,
Куда-нибудь: к черту нести этот путаный
гул...

Все сдвинуто с места.

Последняя отдана пядь.

Последние скрепы размыты.

У горла вода.

Но ты мне поверишь, поверишь, поверишь опять.

И ты меня слышишь.

Ты слышишь, любовь моя?

— Да.

ТЫ

Ты... Но давно я сочинил их,
И ты читала сотни раз
Мильон замаранных в чернилах
И в типографской краске фраз.

Мне красноречье не пристало,
Я заикаюсь и хриплю.
Но я во что бы то ни стало
Тебя люблю, люблю, люблю.

Ты помнишь этот полдень жаркий,
Начало счастья и невзгод,
Свиданье наше в черном парке
И нашу дружбу в первый год?

Чертог театра молодого,
Разубранный как для торжеств,
И жажду жить, как крайний довод,
И молодость, как жалкий жест...

Морей, вагонов, весен, комнат —
Вот полный список их. Возьми!
Не ты, хотя бы вещи помнят,
Что было меж двумя людьми.

Зачем они глядят мне в очи,
Все расстоянья истребя?
Зачем блаженство этой ночи,
Когда один я без тебя?

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Ты подошла с улыбкой старомодной
И отвернулась, не всмотревшись в нас,
И каждый гость, когда ему угодно,
Вставал, шутил, стрелялся — в добрый час!
И воскресал в другую дверь — химерой
И неопасной тенью.

Вот и ночь
Окаменела, превратилась в серый
Гранит Невы, но не смогла помочь.
Вот съезжились, усохли, почернели
Разносчик, баба, немец, гайдуки...
Вот на ветру, не запахнув шинели,
Прошел костлявый дух моей тоски.

И я проснулся тенью ответшалою,
Изображеньем чьих-то давних лет.
Но быть собой мне все-таки мешала
Чужая жизнь, которой больше нет.

И нет тебя, проплывшей в легком вальсе
И отпылавшей, молодость губя.
И как ни спорь, ни сетуй, ни печалься,
Ни утешайся, — больше нет тебя —
Ни в прошлом, ни сегодня, ни в грядущем,
Ни в книгах, недочтенных впопыхах...
Ты временем, Кощеем завидующим,
Похищена.

Но ты в моих стихах.

* * *

Я еще не сказал тебе правды
О своем сумасшествии.
Понимаешь ты, как космонавты
Ждут земли в неземном путешествии?

Ты земля для меня. Ты посадка
На зеленый ковер, на песчаные дюны.
О, как дико, как горько и сладко
Слушать голос твой юный —

Еле узнанный в медной мембране,
В колебанье бездушных частот,
Поздней ночью и утренней ранью,—
Тот же голос и все же не тот.

И еще ты мерещишься рядом,
У граничной черты,
Со смеющимся пристальным взглядом
Та же самая,— ты, да не ты...

Но признание мое не печально,
Только искренне, как никогда,
Обручально и первоначально,—
А не принято?— Что за беда!

На что?— На счастье, на тревожный,
Неосторожный, сложный путь!
Не зарекайся: все возможно.
Ты все поймешь когда-нибудь.

Такая молодость. Такое
Веселье дикое в глазах.
Не предвещает нам покоя
Зеленой молнии зигзаг.

Я встану в трех шагах и сзади,
Как за цыганкой гитарист,
Все струны оборву в досаде,—
Дождись. Доверься мне. Всмотрись.

* * *

Не знаю, безумье иль разум,
Иль среднее нечто меж ними,
Но без разрешенья и сразу
Шепчу твое милое имя.

Шепчу иль кричу — неизвестно,
Живу или гибну — не знаю.
Спустилась ты с кручи отвесной,
А добрая ты или злая,

А послана богом иль чертом —
Понять очень трудная штука!
И вот ухажером потертым
К тебе я врываюсь без стука.

Но все, что несбыточно было,
Но все, чему сбыться нельзя...
...Послушай, а ты не забыла,
Что вместе мы выйдем в князья?

КАК ЖИЛ?

Как жил? — Я не жил. — Что узнал? — Забыл.
Я только помню, как тебя любил.
Так взвейся вихрем это восклицанье!
Разлейся в марте, ржавая вода,
Рассмейся, жизнь, над словом «никогда»,
Все остальное остается в тайне.

Циркачка в черно-золотом трико,
Лети сквозь мир так дико, так легко,
Так высоко, с таким весельем дерзким,
Так издевательски не по-людски,
Что самообладанием тоски
Тебе делиться в самом деле не с кем!

ИЛЬЯ
СЕЛЬВИНСКИЙ

* * *

Уронила девушка перчатку
И сказала мне: «Благодарю».
Затомило жалостно и сладко
Душу обреченную мою.

В переулок девушка свернула,
Может быть, уедет в Петроград.
Как она приветливо взглянула,
В душу заронила этот взгляд.

Море ждет... Но что мне это море?
Что мне бирюзовая вода,
Если бирюзовинку во взоре
Не увижу больше никогда?

Если с этой маленькой секунды
Знаю — наяву или во сне,—
Все норд-осты, сивера и зунды
Заскулят не в море, а во мне?

А она и думать позабыла...
Полная сиянья и тепла,
Девушка перчатку уронила,
Поблагодарила и ушла.

ЗАКЛИНАНИЕ

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня!

Если вспрыгнет на плечи беда,
Не какая-нибудь, а вот именно
Вековая беда-борода,
Позови меня, позови меня,
Не стыдись ни себя, ни меня —
Просто горе на радость выменяй,
Растопи свой страх у огня!

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня,
А не смеешь шепнуть письму,
Назови меня хоть по имени —
Я дыханьем тебя обойму!

Позови меня, позови меня,
Поз-зови меня...

* * *

Годами голодаю по тебе.
С мольбой о недоступном засыпаю,
Проснусь — и в затухающей мольбе
Прислушиваюсь к петухам и к лаю.

А в этих звуках столько безразличья,
Такая трезвость мира за окном,
Что кажется — немислимо разлиться
Моей тоске со всем ее огнем.
А ты мелькаешь в этом трезвом мире,
Ты счастлива среди простых забот,
Встаешь к семи, обедаешь в четыре —
Олений зов тебя не позовет.

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

* * *

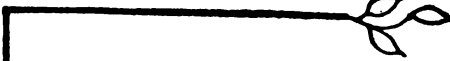
Софье Кревс

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

СТЕПАН
ЩИПАЧЕВ

Забуть ли
Блеск твоих глаз,
Рук твоих жарких кольцо,
Если сквозь слезы не раз
Я видел твое лицо!

Что б ни было впереди,
Приди любая беда,
Ты болью в моей груди
Останешься навсегда.

* * *

Ты со мной, и каждый миг мне дорог,
Может, впереди у нас года,
Но придет разлука, за которой
Не бывает встречи никогда.

Только звезды в чей-то час свиданья
Будут так же лить свой тихий свет,
Где тогда в холодном мирозданье,
Милый друг, я отыщу твой след?

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

СОПЕРНИКИ

Так уж, видно, пришлось,
Так наметилось,
Что одна ты двоим
В жизни встретилась;

Что и мне и ему
Примечталася,
Но пока никому
Не досталася...

Где бы ты ни была,
Он проведает,—
За тобой, словно тень,
Всюду следует.

Для тебя для одной
Он старается,
Для тебя на «Казбек»
Разоряется;

Для тебя надо мной
Он подшучивает,
Для тебя под гармонь
Выкаблучивает,—

Чтоб его одного
Ты приветила,
А меня б и совсем
Не заметила...

Ну, а я не такой
Убедительный,
Не такой, как мой друг,
Обходительный.

Молча я подойду,
Сяду с краюшка...—
Золотая моя,
Золотаюшка!

Где такая росла,
Где ты выросла,
Что твоя красота
Краше вымысла?

Ты и радость моя,
И печаль моя,
И надежда моя,
И отчаянье...

Если даже не мне
Ты достанешься,
И уйдешь от меня —
Не оглянешься,—

Я в себе затаю
Всю беду мою.
Но тебя упрекать
Не подумаю.

Пусть падет на меня
Неизбежное:
И тоска и печаль
Безутешная;

Сущей правды слова
И напраслина,—
Только б знать мне, что ты
В жизни счастлива!

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

РАЗВЕРНИСЬ, ГАРМОНИКА...

Развернись, гармоника, по столику,
Я тебя, как песню, подниму,
Выходила тоненькая-тоненькая,
Тоней называлась потому.
На деревне ничего не слышно,
А на слободе моей родной
Легкий ветер на дорогу вышел
И не поздоровался со мной.
И, твоею лаской зачарован,
Он, что целый день не затихал,
Крыльями простуженных черемух
Издали любимой замахал.
Ночь кричала запахами сена,
В полушалок кутала лицо,
И звезда, как ласточка, присела
На мое широкое крыльцо.
А березки белые в истоме
В пляс пошли — на диво нам.
Ай да Тоня, ай да Тоня,
Антонина Климовна!

* * *

Не гадал, что ныне затоскую,
Загорю так, что не избыть:
Полюбил девчонку городскую,
И никак ее не разлюбить.

Отлюблю и снова славить буду,
Что не славил, чем не дорожил...
Вот весной решил, что позабуду,
А с весны на осень отложил.
А меня забыть — другое дело.
Что ей — не манила, не звала,
Только синим глазом поглядела,
Только тонкой бровью повела...

Слышу, как проходит шагом скорым
Пересудов тягостный отряд...
Я привык не верить наговорам,—
Мало ли, что люди говорят.

Я никак не ждал грозы оттуда,
Все мне стало ясным до того,
Что видал, как сплетня и остуда
Ждали появленья твоего.

Но для них закрыл я все тропинки,
Все пути-дороги.

Приходи,
Светлая, накрытая косынкой,
И долинный мир освободи!

Жду, что ты приветом приголубишь
Край, где славят молодость твою.
Говорят, что ты меня не любишь,—
Что с того, коль я тебя люблю!

* * *

Синий ветер, да желтый песчаник,
Да желанное имя твое.
Хочешь, песню сложу на прощанье
И сейчас же забуду ее?

В ней скажу про дорогу цветную
В молодом приозерном краю,
Про веселую девушку злую,
Про большую недолю мою.

Расскажу, как играют зарницы
На закате весеннего дня,
Что тебе темной ночью приснится,
Если ты позабудешь меня...

ДРОЛЯ

Ты, клянусь разлукой, — дроля,
И тебе семь раз на дню
Не рябина ветви клонит —
Я судьбу свою клоню.

Все, в чем волен и неволен,
Все, что снится по утрам,
Все, что завтра выйдет в море
И подставит грудь ветрам, —

По любому повелению
Я достать тебе готов —
Зори красного горенья
И еще других цветов!

Только вот в чем дело, дроля:
За тобою ходят трое, —
А нельзя ли так устроить,
Чтобы я ходил один?

* * *

Ой, да две дорожки в чистом поле,
Разлетелись две подряд.
Ой, да по одной дорожке вволю
И ходить мне не велят.

Не велят ходить никак
Там, где твой цветной рукав,
Где моя большая доля,
Как заря в твоих руках.

Как заря в твоих руках,
Как ручей в траве высокой
Или словно сизый сокол,
Ясный сокол в облаках!

Нет, горы такой не встретить,
Где бы камня не добыть,
Нет другой такой на свете,
Чтоб забыть тебя, забыть.

* * *

Не боюсь, что даль затмилась,
Что река пошла мелеть,
А боюсь на свадьбе милой
С пива-меду захмелеть.
Я старинный мед растрочу,
Заслону лицо рукой,
Захмелею и заплачу.
Гости спросят:

«Кто такой?»

Ты ли каждому и многим
Скажешь так, крутя каймух
«Этот крайний, одинокий,
Не известен никому!»
Ну, тогда я встану с места,
И прищурю левый глаз,
И скажу, что я с невестой
Целовался много раз.
«Что ж, — скажу невесте, — жалуй
Самой горькою судьбой...
Раз четыреста, пожалуй,
Целовался я с тобой».

* * *

Мне не жаль, что друг женился,
Что мою любимку взял,
Жаль, что шел — не поклонился,
Шел — фуражечку не снял.

Мне не жаль, что на беседе
Вместо лета шла зима,
Жаль, что мы с дружкой соседи,
Что окно в окно — дома.

Но не эта боль-досада
Грудь мою сегодня рвет,
За оградой-палисадом
Лебедь белая плывет.

Два крыла ее, пылая,
Славят новые края...
То не лебедь — то былая,
То любимая моя.

Стороной идет залетной,
Белыми грудью трясет,
Свежекрашенные ведра
С ключевой водой несет,

При долине, при поляне,
При лукавом блеске дня,
И нечаянно не взглянет,
И не смотрит на меня.

Я у синего, косого
У окна гляжу на свет.
Друг мой сокол закольцован,
Но и мне веселья нет...

* * *

Где ты? Облака чуть-чуть дымятся,
От цветов долина как в снегу.
Я теперь ни плакать, ни смеяться
Ни с какой другою не могу.
Не твоих ли милых рук сверканье
Донеслось ко мне издалека?
Не с твоим ли розовым дыханьем
Розовые ходят облака?
Все равно за облаком за тонким
Солнце выйдет, луч блеснет,
Все равно глядеть мне в ту сторонку,
Где моя любимая живет.
Не скажу, как весело мне с нею
Там, где песня меркнет над водой,
Где большие заводы синеют
И над ними месяц молодой.
Где ты? Облака чуть-чуть дымятся,
От цветов долина как в снегу,
Я теперь ни плакать, ни смеяться
Ни с какой другою не могу.

* * *

Задрожала, нет, — затрепетала
Невеселой, сонной лебедой,
Придолинной вербой-красноталом,
Зорями вполнеба и водой.
Плачем в ленты убранной невесты,
Днями встреч, неделями разлук,
Песней золотой оглохшей с детства
От гармоник, рвущихся из рук!
Чем еще?

Дорожным легким прахом,
Ветром, бьющим в синее окно,
Чем еще?

Скажи, чтоб я заплакал,
Я тебя не видел так давно...

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ

ЛИМОННАЯ НОЧЬ

Луна стоит на капитанской вахте,
На триста верст рассыпался прибой.
И словно белая трепещущая яхта
Уходит женщина, любимая тобой.

Мне нужен сон глубокого наплыва,
Мне нужен ритм высокой чистоты.
Сегодня звезды сини, словно сливы,
Такие звезды выдумала ты.

Лимон разрезанный
на лунный свет походит.

Таких ночей
светлей и тише нет,
Тревожные созвездья
пароходов

Пронесется
в лимонной тишине.
Телеграфируйте в пространство,
дорогая,

Что бриз и рейс
вас сделали добрей.

И я рванусь
за вами, содрогаясь,
Как черный истребитель
в серебре.

Все окончилось до срока —
И любовь, и скорбь моя.

Все прошло.

Я это знаю.

Что же сердце так щемит,
И береза, вся сквозная,
Тусклым золотом звенит.

И в сухой осенней шири
Ледяная синь легла,
И во всем огромном мире
Нет такой,
как ты была.

* * *

Поманила пальцем.

Убежала.

Сны окончились.

Кругом — темно.

Горечь расставанья, боль и жалость
Хлынули в раскрытое окно.

Хлынул шум дождей непобедимый,
Сентября коричневый настой,
Понесло холодным кислым дымом,
Городской дрожащей темнотой.

С кем ходила ты,

кого жалела,

В сон чужой ты почему вошла,

Ласковое тоненькое тело

Ты кому спокойно отдала?

Что о жизни нашей рассказала,
Голову прижав к чужой груди?
Голосами девяти вокзалов
Почему сказала мне —

«Уйди!».

Насквозь видны
Сережки
Под луной?
И поцелуй,
И хруст шагов
В лесу,
И задыханье соловья,
И то, как звезды
Пьют росу,
И то, как все это
Был — я,
И то,
Как это — ты была
Всем, всем на свете:
И лучом звезды,
И детским лепетом
Ночной воды.
Ты шла,
Как ходит ветер,
Запах рощи неся.
Ты вся
Была землей и небом,
И еще
Была свечой,
Еще была пожаром,
И еще
Всем человечеством,
Что обнял я
Так жарко
За плечо.
Я не считаю лет,
Которые прошли.
Великолепен
Мудрый мир земли,
Всегда и всюду
Двое так идут
И думают:
Все мирозданье — тут.
Все — только ты руку протяни — все тут.
Все — только пристальней взгляни — все тут.
Все — только крепче обними — все тут.

И соловьи поют,
И поцелуй,
И хруст шагов в лесу.
И сердце я твое несу
В ладонях,
Словно пламень голубой.
Так пусть века
Наполнятся тобой.
Пусть люди так идут,
Без страха, без тоски,—
Объятие, пожатие руки.
Бессмертна наша поступь
У реки.
Вот только были у меня
Черны виски.
Да у тебя на платье
Были васильки.
Но это все
Такие пустяки!

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

ВСТРЕЧА

И лицо с внимательными глазами, с трудом, с усилием, как открывается заржавевшая дверь,— улыгнулось..

Л. Толстой. Война и мир

Как открывается заржавевшая дверь,
С трудом, с усилием,— забыв о том, что было,
Она, моя неожиданная, теперь
Свое лицо навстречу мне открыла.
И хлынул свет — не свет, но целый сноп
Живых лучей,— не сноп, но целый ворох
Весны и радости, и, старый мизантроп,
Смешался я... И в наших разговорах,
В улыбках, в восклицаньях,— впрочем, нет,
Не в них совсем, но где-то там, за ними,
Теперь горел неугасимый свет,
Овладевая мыслями моими.
Открыв окно, мы посмотрели в сад,
И мотыльки бесчисленные сдуру,
Как многоцветный легкий водопад,
К блестящему помчались абажуру.
Один из них уселся на плечо,
Он был прозрачен, трепетен и розов.
Моих вопросов не было еще
Да и не нужно было их — вопросов.

ПРИЗНАНИЕ

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!

Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.

Что прибавится — не убавится,
Что не сбудется — позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?

* * *

Я увидел во сне можжевеловый куст.
Я услышал вдали металлический хруст.
Аметистовых ягод услышал я звон.
И во сне, в тишине, мне понравился он.
Я почувал сквозь сон легкий запах смолы.
Отгнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки твоей.
Можжевеловый куст, можжевеловый куст,
Остывающий лепет изменчивых уст,
Легкий лепет, едва отдающий смолой,
Проколовший меня смертоносной иглой!
В золотых небесах за окошком моим
Облака проплывают одно за другим.
Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя бог, можжевеловый куст!

ИОСИФ УТКИН

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Нет, что-то есть такое выше
Разлук
И холода в руке!
Вы снились мне,
И вас я слышал
На лазаретном тюфяке.

И это вас,
Когда потухло,
Я у груди пронес назад,
Как девочка большую куклу,
Как руку
Раненый солдат...

Вы на далеком повороте,
Ни враг,
Ни друг
И не родня...
Но нет,
Но нет, вы не уйдете...
Вы не уйдете
От меня!

Нет,
Даже предаваясь плоти
С другим —
Вы слышите: с другим! —
Вы нежность вашу

Назовете
Библейским именем моим.

И это выше,
Выше, выше
Разлук
И холода в руке!
Вы снились мне...
И вас я слышал
На лазаретном тюфяке.

Мне и теперь
Былое, право,
Переболеть не удалось.
И надо мною
Ваша слава
Густых
Тропических волос.

И я,
Как в милом сновиденье,
Все принимаю, без границ,
Все...
Даже узкое презренье
Полуприщуренных ресниц,

НЕБО И ГЛАЗА

Вот удивительное дело!
Синело только что,
И вмиг
Оно как будто бы надело
Екатерининский парик?!

Я думал, это прояснится.
А ветер нес...

и нес...

и нес...

И вот
Дождем сверкнули спицы
Никелированных колес.

Гроза кипела, как на фронте.
Но визг...
Но лопотня ребят...
И все четыре горизонта
Глазами синими глядят!

...Я о тебе
Продумал годы
И, увидавши, ахнул:
— Ах!
Какая чудная погода
В твоих
Синеющих глазах?!

Вы уедете, я знаю,
За ночь снег опять пройдет.
Лыжня синяя, лесная
Постепенно пропадет.

Я опять пойду среди просек,
Как бывало в эти дни.
Лесорубы, верно, спросят:
«Что ж вы, Павлович, одни?..»

Как мне гражданам ответить?
О себе не говорю!
Я сошлюсь на сильный ветер
И, пожалуй, закурю.

Ну, а мне-то...
Ну, а мне-то?..
Ветра нет... ведь это ж факт...
Некурящему поэту
Успокоить сердце как?

Или так и надо ближним,
Так и надо без следа,
Как идущим накрест лыжням,
Расходиться навсегда?..

ПОСВЯЩЕНИЕ

Трудно нам с тобой договориться,
Трудно, милая, трудней всего:
Резко обозначена граница
Счастья твоего и моего.

И, усталые, полуживые,
Зубы стиснувши и губы сжав,
Мы с тобой стоим, как часовые
Двух насторожившихся держав.

ТЫ ПИШЕШЬ ПИСЬМО МНЕ

На улице полночь. Свеча догорает.
Высокие звезды видны.
Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
В пылающий адрес войны.

Как долго ты пишешь его, дорогая,
Окончишь и примешься вновь.
Зато я уверен: к переднему краю
Прорвется такая любовь!

....Давно мы из дома. Огни наших комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома — и в дыме войны!

Теплее на фронте от ласковых писем.
Читая, за каждой строкой

Любимую видишь
И родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...

Мы скоро вернемся. Я знаю. Я верю.
И время такое придет:
Останутся грусть и разлука за дверью,
А в дом только радость войдет.

И как-нибудь вечером вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств, перечтем...

ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ, ДОРОГАЯ...

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — другая.
Это значит... сырая земля.

Это значит, дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю,
Только вами и счастливым я был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

АНАТОЛИЙ ОЛЬХОН

ПРОЩАНИЕ

Прожектором ощупывая лед,
В залив вошел, как мамонт, пароход.
Дрожали бивни — круглые лучи.
Они мне показались горячи:
Под ними будто таяла вода
И лед исчез неведомо куда.

В исходе сентября здесь все темно.
Не то чтоб ночь, а сумерки давно.
Мы целый месяц ждали пароход,
Все спорили: придет иль не придет?..
А я молчал. Я чувствовал душой,
Что стал тебе совсем-совсем чужой.

Любовь. Разлука. Горькие слова!
«Ты женщина, и этим ты права».
Насильно мил не будешь, говорят...
Но круглые прожекторы горят,
Как бивни разбивая полутьму.
Зима подходит к сердцу моему.

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

РАЗЛУКА

Вытерла заплаканное личико,
Ситцевое платье взяла,
Вышла — и, как птичка-невеличка,
В басенку, как в башенку, пошла.

И теперь мне постоянно снится,
Будто ты из басенки ушла,
Будто я женат был на синице,
Что когда-то море подожгла.

ВСТРЕЧА

Откуда ты взялась такая?
«Где ты росла, где ты цвела?»
Твоим желаньям потакая,
Природа все тебе дала —

Два океана глаз глубоких,
Два пламени девичьих щек
И трогательный, одинокий,
На лоб упавший волосок...

Ты стать моей мечтой могла бы,
Но — боже мой! — взгляни назад:
За мной, как в очереди бабы,
Десятилетия стоят.

Что выдают? Мануфактуру?
Воспоминанья выдают?
Весьма потрепанную шкуру,
Что называется «уют»?

Мир так назойлив чудесами!
А я мечтаю до сих пор
Поплыть с тобой под парусами,
Забыв о том, что есть мотор.

Я не зову к средневековью,
К отсталости я не зову,—
Мне б только встретиться с любовью
Вот так — на ощупь, наяву!

Мы с ней встречались и до срока
И после срока... Отчего
Сама любовь — и одинока?
Любовь — а рядом никого?..

Ну ладно, хватит. Эти темы
Не для порядка и системы.
Как спорят где-то в глубине
Язычник с физиком во мне!

Я должен ощущать другое,
Я должен говорить не то...
Надень свое недорогое
Демисезонное пальто.

И мы пойдем с тобою в сказку,
В то общежитие поэм,
Где мы с тобой отыщем ласку,
Которой не хватает всем.

РАЗГОВОР

Ты — любовь моя!
Ты — перевертень ума,
Ты — как лето на саночках,
Как в веснушках зима.

Нет! Не в сказочной обуви,
Нет, не в туфельках Золушки,
Не в огнях городов,
Не в мерцанье села,
Не в сиянье реклам,—
По дорогам проселочным
В тихих тапочках стоптанных
Ты торжественно шла.

Я мечтал о тебе,
Отправляясь в дорогу,
Я искал тебя —
Девушку-недотрогу.

Пусть мне будет
От вдохновения жарко —
К медсанбату в пути,
В обгоревшем лесу,
Я любовь —
Эту раненую санитарку —
Может быть, донесу,
Может, не донесу.

Как мне быть?
До сих пор я не принял решения...
Неужели с годами
Погиб мой запал?

Не по площади бить,
А по точной мишени!
Кто поможет проверить—
Попал, не попал?

Были юными,
Стали согбенными плечи,
Все же тяжести новой
Смиренно я жду.
Ты на месте не стой,
Ты пойдь мне навстречу,
Все мне кажется —
Сам я вовек не дойду.

Мы уступок
У нашей любви не просили,
Нам соблазны
Не изменили маршрут...
Молодежь не поймет
Наших грустных усилий.
Постаревшие люди,
Быть может, поймут.

ВИССАРИОН САЯНОВ

* * *

Только с севера коршун сердитый.
Пролетит, нестерпимо дыша,
Снова в дом на реке позабытой
За тобой улетает душа.

Там раскольничьи бороды вьются,
Там нехоженных троп колея,
Расписного заморского блюда
В пятерне остывают края.

По морям отходили поморы,
Отшумела по сходням вода,
Ты вела через степи и горы
Все мои молодые года.

Ночь пройдет, шелести переправами,
Задыхаясь над каждым ручьем
От любовной немислимой зауми,
Тихо дрогнувшей в горле моем.

Вот борта на высоком причале,
Мимолетный твой взгляд на мосту...
Ведь вчера еще чайки кричали,
Меркли скаты в далеком скиту,—

Но шумит золотая прохлада,
И вдали, за речной синевой,
Там, где стынет ночная громада,
Снова голос мне слышится твой.

О чем мы с тобой говорили?
Слова позабыл я тогда,
Хоть есть в них сумятица были,
Хоть есть в них глухая беда,

Хоть есть в них звучащая странно
- Большая нездешняя грусть.
...А годы пройдут — и неожиданно
Я все повторю наизусть!

* * *

Я тебя в своей песне прославлю,
Всю отдам тебя русским снегам.
Мчатся ль кони твои к Ярославлю
По заволжским крутым берегам?

Иль, быть может, в истоме тревожной
Ты не спишь в эту звездную ночь,
Вспомнив муку той песни отрожной?
Что велела любовь превозмочь?

Что же делать? Мне тоже не спится...
Ведь былую любовь развело,
И она не подымет, как крылья,
Перебитое пулей крыло...

Где искать тебя? В зареве диком?
В реве ветра? В бегущих годах?
В Белозерске? В Ростове Великом?
Иль в старинных больших городах?

Или, может, до вести, до срока,
Словно благовест чистой любви,
Вдруг плеснут, вдруг плеснут издалека
Лебединые крылья твои?

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Пусть гудят с окрестных колоколен
Злые языки наперебой!
Болен я.
Я в самом деле болен,
Поздняя любовь моя, тобой.

С давней той поры, как мы знакомы,
Сам еще не зная отчего,
Загрустил я, ощутив симптомы
Властного недуга моего.

Я лечился долго и усердно,
Глупую чувствительность браня.
Но... озноб трепал немилосердно,
Но... нещадный жар томил меня.

Принимал я горькие пилюли,
Сок вербены и веронал.
Но покой мне
Зелья не вернули.
Я от боли сладостной стонал.

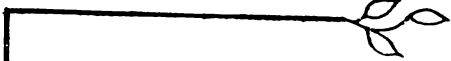
Верный недруг моего покоя,
Ты — печаль и радость, тьма и свет...

Я и без тебя с тобой, с тобою
Говорил, почти впадая в бред.

Вас...

Я встретил

Я

Тягостна мне каждая минута
Наших расставаний и разлук.
Ты, моя снегурочка, как будто
Навсегда растаяла —
И вдруг...

Мы каким-то чудом снова рядом.
Вот — в моей руке твоя рука!
Погляди:
Над зимним Ленинградом
Летние проходят облака.

Где же грань меж Севером и Югом?
Нездоров я. Но готов и впредь
Только этим мучиться недугом
И другой болезнью не болеть.

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

* * *

Я
Вас
Люблю!
Поэтому
Весь мир творю я заново.
Он стар. Миллионы лет ему.
В нем очень много странного,
Смешного, старомодного
И никуда не годного.

Вот
Горны
Разгораются,
И под блестящим молотом
Различие стирается
Меж оловом и золотом.

Окупится богато нам
Все, что рукой мы тронули.
Клянусь разъятым атомом
И всеми электронами!

Но
Вы
Не улыбаетесь,
Чему-то огорчаетесь.
Чему? Не знаю, право, я,
А, хитрая-лукавая,

Зачем не превратил еще
Вот эти Ваши серьги я
В два крохотных вместилища
Космической энергии!

Терпение! ..
Терпение!
Сначала исцеление
Бедняги прокаженного,
Сначала превращение
Изгоя окаянного
В наследника законного,
Сначала воскрешение
Неправедно казненного...

Весь мир творю я заново!

* * *

Ты
Относишься ко мне,
Как к полям.
Ты относишься ко мне,
Как я сам
Относился бы к волне,
К парусам.

И тебя
Я не виню.
Ты проста.

Так относится к огню
Темнота.
Так относится костер
К темноте,
Так относится простор
К тесноте.

На подоконнике томится,
Стучит в стекло летучим телом?

А я в стремление неумелом
Царапал перьями стекло бы.
К чему все это привело бы?
Ты форточку бы приоткрыла,
Влетел бы я. Как это мило!
В твою ладонь упал бессильно,
Ты к черту выгнала бы кошку,
Подумала,
Поймала мошку,
Схватила булочную крошку,
И в клюв мне всунула насильно,
И досыта бы накормила,
И, повторив: «Как это мило!»,
Поцеловала бы губами.
Так мы становимся рабами...
Я никогда не буду птицей!

ГРУСТЬ

Ночь. Чужой вокзал.
И настоящая грусть.
Только теперь я узнал,
Как за тебя боюсь.
Грусть — это когда
Пресной станет вода,
Яблоки горчат,
Табачный дым как чад
И, как к затылку нож,
Холод клинка стальной,—
Мысль, что ты умрешь
Или будешь больной.

НЕЖНОСТЬ

Вы поблекли. Я странник, коричневый весь.
Нам и встретиться будет теперь неприятно.
Только нежность, когда-то забытая здесь,
Заставляет меня возвратиться обратно.

Я войду не здороваясь, громко скажу:
— Сторож спит, дверь открыта, какая небрежность!
Не бледнейте, не бойтесь! Ничем не грожу,
Но прошу вас, отдайте мне прежнюю нежность!

Унесу на чердак и поставлю во мрак
Там, где мышь поселилась в дырявом штиблете.
Я старинную нежность снесу на чердак,
Чтоб ее не нашли безнадзорные дети.

Так выгреби
из своего ядра
весь водород
и докажи свой гений,
и преврати его в горящий гелий,
и начинай меня сжигать
с утра!
Дожди меня!
Я рад такой судьбе.
И пусть!
И пусть я догорю на спуске,
Рассыпавшись,
как метеорит тунгусский,
пылинки не оставив о себе.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как из клетки горлица,
душенька-душа,
из высокой горницы
ты куда ушла?

Я брожу по городу
в грусти и слезах
о голубых, голубых,
голубых глазах.

С кем теперь неволишься?
Где, моя печаль,
распустила волосы
по белым плечам?

Хорошо ли без меня,
слову изменяя?
Аль, моя любезная,
вольно без меня?

Волком недостреленным
рыщу наугад
по зелёным, зелёным,
зелёным лугам.

Посвистом и покриком
я тебя зову,
ни ау, ни отклика
на мое ау.

Я гребу на ялике
с кровью на руках,
на далёких, далёких,
далеких реках...

Ни письма, ни весточки,
ни — чего-нибудь!
Ни зеленой веточки:
де, не позабудь.

И я, повесив голову,
плачу по ночам
по голубым, голубым,
голубым очам.

·СЕРГЕЙ
МАРКОВ

* * *

Знаю я — малиновою ранью
Лебеди плывут над Лебедяню,
А в Медыни золотится мед.
Не скопá ли кружится в Скопине?
А в Серпейске ржавой смерти ждет
Серп горбатый в дедовском овине.

Наливные яблоки висят
В палисадах тихой Обояни,
Город спит, но в утреннем сиянье
Чей-нибудь благоуханный сад.

И туман рябиновый во сне
Зыблется, дороги окружая,
Горечь можжевеловая мне
Жжет глаза в заброшенном **Можае**.

На заре Звенигород звенит —
Будто пчелы обновляют соты,
Все поет — деревья, камни, воды,
Облака и ребра древних плит.

Ты проснулась. И лебяжий пух
Лепестком на брови соболиной,
Губы веют теплою малиной,
Звоном утра околдован слух.

Белое окошко отвори!
От тебя, от ветра, от зари

Вздвогнут ветви яблони тяжелой,
И росой омытые плоды
В грудь толкнут, чтоб засмеялась ты
И цвела у солнечной черты,
Босоногой, теплой и веселой.

Я тебя не видел никогда...
В Темникове темная вода
В омуте холодном ходит кругом;
Может быть, над омутом седым
Ты поешь, а золотистый дым
В три столба встает над чистым лугом.

На Шехонь дорога пролегла,
Пыльная, кремнистая дорога.
Сторона веснянская светла.
И не ты ль по косогору шла
В час, когда как молоко бела
Медленная тихая Молога?

Кто же ты, что в жизнь мою вошла:
Горлица из древнего Орла?
Любушка из тихого Любима?
Не ответит, пролетая мимо,
Лебедь, будто белая стрела.

Или ты в Архангельской земле
Рождена, зовешься Ангелиной,
Где морские волны с мерзлой глиной
Осенью грызутся в звонкой мгле?

Зимний ветер и упруг и свеж,
По сугробам зашагали тени,
В инее серебряном олени,
А мороз всю ночь ломился в сени.
Льдинкою мизинца не обрежь,
Утром умываючись в Мезени!

На перилах синеватый лед.
Слабая снежинка упадет —
Таять на плече или реснице.

Посмотри! На севере туман,
Ветер, гром, как будто океан,
Небом, тундрой и тобою пьян,
Ринулся к бревенчатой светлице.

Я узнаю, где стоит твой дом!
Я люблю тебя, как любят гром,
Яблоко, сосну в седом уборе.
Если я когда-нибудь умру,
Все равно услышишь на ветру
Голос мой в серебряном просторе!

БОРИС
КОРНИЛОВ

У МЕНЯ БЫЛА НЕВЕСТА

У меня была невеста,
Белокрылая жена.
К сожаленью, неизвестно,
Где скитается она:
То ли в море,
То ли в поле,
То ли в боевом дыму,—
Ничего не знаю боле
И тоскую потому.
Ты кого нашла, невеста,
Песней чистою звеня,
Задушевная, заместо
Невеселого меня?
Ты кого поцеловала
У Дуная,
У Оки,
У причала,
У обвала,
У обрыва,
У реки?
Он какого будет роста,
Сколько лет ему весной,
Подойдет ли прямо, просто
Поздороваться со мной!
Подойдет —
Тогда, конечно,
Получай, дружок, зарок:
Я скажу чистосердечно,

Чтобы он тебя берег,
Чтобы ты не знала горя,
Альпинистка — на горе,
Комсомолка — где-то в море
Или, может, в Бухаре.

СЫН

Только голос вечером услышал,
молодой, веселый, золотой,
ошалелый, выбежал — не вышел —
побежал за песенкой за той.
Тосковать, любимая, не стану —
до чего кокетливая ты,
босоногая,
по сарафану
красным нарисованы цветы.
Я и сам одетый был фасонно:
галифе парадные,
ремни,
я начистил сапоги до звона,
новые,
шевровые они.
Ну, гуляли...
Ну, поговорили,—
по реке темнее и темней,—
и уху на первое варили
мы из красноперых окуней.
Я от вас, товарищей, не скрою:
нет вкусней по родине по всей
жареных в сметане —
на второе —
неуклюжих, пышных карасей.
Я тогда у этого привала
подарил на платье кумачу.
И на третье так поцеловала —
никаких компотов не хочу.
Остальное молодым известно,

это было ночью, на реке,
птицы говорили интересно
на своем забавном языке.
Скоро он заплачет, милый, звонко,
падая в пушистую траву.
Будет он похожий на соменка,
я его Семеном назову.
Попрошу чужим не прикасаться,
побраню его и похвалю,
выращу здорового красавца,
в летчики его определю.
Постарею, может, поседею,
упаду в тяжелый, вечный сон,
но надежду все-таки имею,
что меня не позабудет он.

ДМИТРИЙ КЕДРИН

* * *

Такой ты мне привиделась когда-то:
Молочный снег, яичная заря.
Косые ребра будки полосатой,
Чиновничья припрыжка снегиря.

Я помню чай в кустодиевском блюде,
И санный путь, чуть вьюга улеглась,
И капли слез, которые не льются
Из светло-серых с поволокой глаз...

Что ж! Прав и я: бродяга — дым становий,
А полководец — жертвенную кровь
Любил в тебе... Но множество любовью
Слилось в одну великую любовь!

ПЛАСТИНКА

Л. К.

Когда я уйду,
Я оставлю мой голос
На черном кружке.
Заведи патефон,
И вот
Под иголочкой,
Тонкой, как волос,
От гибкой пластинки
Отделится он.

Немного глухой
И немного картавый,
Мой голос тебе
Прочитает стихи,
Окликнет по имени,
Спросит:
«Устала?»,
Наскажет
Немало смешной чепухи.

И сколько бы ни было
Злого, дурного,
Печалей,
Обид,
Ты забудешь о них.
Тебе померещится,
Будто бы снова
Мы ходим в кино,
Разбиваем цветник.

Лицо твое
Тронет волненья румянец.
Забывшись,
Ты тихо шепнешь:
«Покажись!..»

Пластинка хрипнет
И окончит свой танец —
Короткий,
Такой же недолгий,
Как жизнь.

* * *

Ты говоришь, что наш огонь погас,
Твердишь, что мы состарились с тобою,
Взгляни ж, как блещет небо голубое!
А ведь оно куда старее нас..

* * *

Л. К.

Нам, по правде сказать, в этот вечер
И развлечься-то словно бы нечем:
Ведь пасьянс — это скучное дело
Книги нет, а лото надоело...
Вьюга, зная, разгуляется к ночи:
За окошком ненастье бормочет,
Ветер что-то невнятное шепчет...
Завари-ка ты чаю покрепче,
Натурального чаю, с малиной:
С ним и ночь не покажется длинной!
Да зажги в этом сумраке хмурым
Лампу ту, что с большим абажуром.
У огня на скамеечке низкой
Мы усядемся тесно и близко
И, чаек попивая из чашек,
Дай-ка вспомним всю молодость нашу,
Всю, от ветки персидской сирени
(Положи-ка мне ложку варенья)
До рассвета на узком диване
(Ишь ведь как ты полно наливаешь!).
Вспомню я, — мы теперь уже седы,—
Как ты раз улыбнулась соседу,
Вспомнишь ты,— что уж нынче за счеты,
Как пришел под хмельком я с работы,
Вспомним ласково, по-стариковски,
Нашей дочери русые коски,
Вспомним глазки сынка голубые
И решим, что мы счастливы были,
Но и глупыми все же бывали...
Постели-ка ты мне на диване:
Может, мне в эту ночь и приснится,
Что ты стала опять озорницей!

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали как преображенье
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла.
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота.
И просыпаясь, «Будь благословенна!» —
Я говорил и знал, что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевую тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.
А в хрустале пульсировали реки,
Дымилась горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И — боже правый! — ты была моя.

Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,

И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово ты раскрыло
Свой новый смысл и означало: царь.

На свете все преобразилось, даже
Простые вещи — таз, кувшин,— когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.

Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступились, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

* * *

Чего ты не делала только,
чтоб видеться тайно со мною.
Тебе не сиделось, должно быть,
за Камой в доме невысоком,
Ты под ноги стлалась травкою,
уж так шелестела весною,
Что боязно было: шагнешь —
и заденешь тебя ненароком.

Кукушкой в лесу притаилась
и так куковала, что люди
Завидовать стали: ну вот,
Ярославна твоя прилетела!
И если я бабочку видел,
когда и подумать о чуде
Безумием было, я знал:
ты взглянуть на меня захотела.

А эти павлиньи глазки —
там лазори по капельке было
На каждом крыле, и светились...
Я, может быть, со свету сгину,
А ты не покинешь меня,
и твоя чудотворная сила
Травую оденет, цветами подарит
и камень и глину.

И если к земле присмотреться,
чешуйки все в радугах. Надо
Ослепнуть, чтоб имя твое
не прочесть на ступеньках и сводах
Хором этих нежно-зеленых.
Вот верности женской засада:
Ты за ночь построила город
и мне приготовила отдых.

А ива, что ты посадила
в краю, где вовек не бывала?
Тебе до рожденья могли
терпеливые ветви присниться;
Качалась она, подрастая,
и соки земли принимала.
За ивой твоей довелось мне,
за ивой от смерти укрыться.

С тех пор не дивлюсь я, что смерть
обходит меня стороною.
Я должен ладью отыскать,
плыть и плыть, и замучась, причалить,
Увидеть такую тебя,
чтобы вечно была ты со мною.
И крыл твоих, глаз твоих,
губ твоих, рук никогда не печалить.

Приснись мне, приснись мне, приснись,
приснись мне еще хоть однажды.
Война меня потчует солью,
а ты этой соли не трогай.

Не горечи горше, и горло мое
пересохло от жажды.
Дай пить. Напой меня. Дай мне воды
хоть глоток, хоть немного.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

То были капли дождевые,
Летающие из света в тень.
По воле случая впервые
Мы встретились в ненастный день,

И только радуги в тумане
Вокруг неярких фонарей
Поведали тебе заране
О близости любви моей,

О том, что лето миновало,
Что жизнь тревожна и светла
И как ты ни жила, но мало,
Так мало на земле жила.

Как слезы, капли дождевые
Светились на лице твоём,
А я еще не знал, какие
Безумства мы переживем.

Я голос твой далекий слышу,
Друг другу нам нельзя помочь,
И дождь всю ночь стучит о крышу,
Как и тогда стучал всю ночь.

ДЖЕК
АЛТАУЗЕН

ЖЕЛАНИЕ

Ты была мне послана судьбою,
Как звезда возникла на пути.
Я хотел бы рядышком с тобою
Вдоль прибоя берегом пройти.

Чтоб волна тебя запечатлела,
В белой пене отразить успев
Облик твой, твое лицо и тело,
Тонкий стан и губы нараспев.

Чтоб потом, когда погаснет пламя
И меня навек покинешь ты —
Женщина с веселыми глазами,
Таборной бессмертной красоты,—

Я бы мог, припомнив те мгновенья,
Взять билет, проехать по стране
И твое живое отраженье
В черноморской отыскать волне.

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

* * *

Ты, в ком радость и горе
Всей моей маяты,
На каком косогоре
Мне привиделась ты?

Где твой голос услышал
Я в отцовском краю,
Как под грозами вышел
На дорогу твою?

Я не знаю, не помню,
Вижу только одно:
В этом мире огромном
Все тобою полно.

Ты задумалась в травах,
Что вокруг шелестят,
Светишь в тучках кудрявых,
Что плывут на закат.

В темной роще ты птица,
В ясном небе — звезда,
Ты как совесть — не скрыться,
Не уйти никуда.

Да и надо ль скрываться
Уходить от тебя?
Ведь чутье рудознатца
Обретают любя.

Я в пути под грозою
Лишь к тебе обращаюсь,
Красотой показною
Никогда не прельщусь.

А прельщусь — ты пораньше
Все во мне взвороши,
Чтобы выигрыш фальши
Не коснулся души.

Я стою на просторе,
И звенит синева,
Радость ты или горе —
Все равно ты права!

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

* * *

Где ты пропадаешь эти годы
И земной не бережешь красы?
Дура,— неужели ради моды
Рыжих две остригла ты косы?

На каких равнинах пропадая,
Каблучком ступаешь на цветы,
Как ты веселишься, молодая,
И кого обманываешь ты?

Мало мы, в хорошем этом мире,
Грелись у веселого огня:
Три часа (а я хотел четыре)
Ты любила, милая, меня.

* * *

Нет не тихого берега ужас,
А туда, где дорогам конец,—
Это крепче женитьб и замужеств,
Цокупных обручальных колец.

Может быть, я напрасно ревную,
Все уж было меж нами давно,—
Конский топот и полночь степную
Нам обоим забыть не дано.

И от смуглой руки иноверца,
Уносившей тебя от погонь,
В глубине полудетского сердца
Загорается робкий огонь.

Что ж, и мне мое сердце не вынуть;
Значит, надо — была не была,
Но украсть эту девушку, кинуть
Поперек боевого седла.

И нести через душное лето,
Не считая ни верст, ни потерь.
К той любви, что в преданьях воспета
И почти непонятна теперь.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

НЕВЕСТЕ

Мы с тобой играли вместе,
Пыль топтали у завалин,
И тебя моей невестой
Все, бывало, называли.
Мы росли с тобой, а кто-то
Рос совсем в другом краю
И в полгода заработал
Сразу всю любовь твою.
Он летает, он далече,
Я сижу с тобою здесь.
И о нем, о скорой встрече
Говоришь ты вечер весь.
И, твои лаская руки,
Вижу я со стороны,
Сколько нежности подруги,
Столько гордости жены.
Вся ты им живешь и дышишь,
Вся верна, чиста, как мать.
Ничего тут не попишешь,
Да и нечего сказать.
Я за встречу благодарен,
У меня обиды нет.
Видно, он хороший парень,
Передай ему привет.
Пусть он смелый,
Пусть известный,
Пусть еще побьет рекорд,
Но и пусть мою невесту
Хорошенько любит,
Черт!..

ПАВЕЛ
ВАСИЛЬЕВ

* * *

Гале Анучиной

Так мы идем с тобой и балагурим,
Любимая! Легка твоя рука!
С покатых крыш церквей, казарм и тюрем
Слетают голуби и облака.
Они теперь шумят над каждым домом,
И воздух весь черемухой пропах.
Вновь старый Омск нам кажется знакомым,
Как старый друг, оставленный в степях.
Сквозь свет и свежесть улиц этих длинных
Былого стертых не ищи следов,—
Нас встретит благовестью листьев тополиных
Окраинная троица садов.
Закат плывет в повечеревших водах,
И самой лучшей из моих находок
Не ты ль была? Тебя ли я нашел,
Как звонкую подкову на дороге,
Поруку счастья? Грохотали дроги,
Устали звезды говорить о боге,
И девушки играли в волейбол.

* * *

Опять вдвоем,
Но неужели,
Чужих речей вином пьяна,
Ты любишь взрытые постели,
Моя монгольская княжна!

Напрасно, очень может стать...
Я не дружу с такой судьбой.
Я целый век готов скитаться
По шатким лесенкам с тобой,

И слушать —
Как ты жарко дышишь,
Забыв скрипучую кровать,
И руки, чуть локтей повыше,
Во тьме кромешной целовать.

ЕВГЕНИЯ СТЕНМАН

Осыпаются листья, Евгения Стенман, пора мне
Вспомнить весны и зимы, и осени вспомнить пора.
Не осталось от замка Тамары камня на камне,
Не хватило у осени листьев и золотого пера.

Старых книг не хватило на полках, чтоб перечесть их,
Будто б вовсе не существовал Майн Рид:
Та же белая пыль, та же пыльная зелень в предместьях,
И еще далеко до рассвета, еще не погас и горит
На столе у тебя огонек. Фитили этих ламп обгорели,
И калитки распахнуты, и не повстречаешь тебя.

Неужели вчерашнее утро шумело вчера, неужели
Шел вчера юго-западный ветер, в ладони грубя?

Эти горькие губы так памятливы мне, и похоже,
Что еще не раскрыты глаза, не разомкнуты руки твои;
И едва прикоснешься к прохладному золоту кожи —
В самом сердце пустынного сада гремят соловьи.

Осыпаются листья, Евгения Стенман. Над ними
То же старое небо и тот же полет облаков.
Так прости, что я вспомнил твое позабытое имя
И проснулся от стука веселых твоих каблучков.

Как лепетали они, когда ты мне навстречу бежала,
Хохоча беспричинно, и как грохотали потом

Средь тифозной весны у обросших снегами привалов,
Под расстрелянным знаменем, под перекрестным огнем.

Сабли накось летели и шли к нам охотно в подруги.
Красногвардейские звезды не меркли в походах, а ты
Все бежала ко мне через смерть и тяжелые вьюги,
Отстраняя штыки часовых и минуя посты...

И в теплушке, шинелью укрывшись, слушал я снова,
Как сквозь сон, сквозь снега, сквозь ресницы гремят
соловьи.

Мне казалось, что ты еще рядом, и понято все
с полуслова,
Что еще не раскрыты глаза, не разомкнуты руки твои.

Я рубил как попало, я знал, что к тебе прорубаюсь,
К старым вишням, к окну и к ладоням горячим твоим,
Я коня не удерживал больше, я верил, бросаюсь
Впереди эскадронов,— что возвращусь невредим.

Я готов согласиться, что не было чаек над пеной,
Ни веселой волны, что лодчонку волной не снесло,
Что зрачок твой казался мне чуточку меньше вселенной,
Неба не было в нем — позади от бессонниц светло.

Я готов согласиться с тобою, что высохла влага
На заброшенных веслах в амбарчике нашем, и вот
Весь июнь под лодчонкой ночует какой-то бродяга,
Режет снасть рыболовной артели и песни поет.

Осыпаются листья, Евгения Стенман. Пора мне
Вспомнить весны и зимы, и осени вспомнить пора.
Не осталось от замка Тамары камня на камне,
Не хватило у осени листьев и золотого пера.

Грохоча по мостам, разрывая глухие туманы,
От Сибири к Ташкенту идут и идут поезда.
Через желтые зори, через пески Казахстана
В свежем ветре экспресса ты мчалась сюда.

И как ни был бы город старинный придиричив и косен,—
Мы Законы Республики здесь утвердим и поставим на том,

Чтоб с фабричными песнями этими сладилась осень,
Мы ее и в огонь, и в железо, и в камень возьмем.

Но в строительном гуле без памяти, без перемены
Буду слушать дыханье твое, и, как вечность назад,
Опрокинется небо над нами, и рядом мгновенно
Я услышу твой смех, и твои каблучки простучат.

* * *

Не добраться к тебе! На чужом берегу
Я останусь один, чтобы песня окрепла,
Все равно в этом гиблом, пропащем снегу
Я тебя дорисую хоть дымом, хоть пеплом.

Я над теплой губой обозначу пушок,
Горсти снега оставлю в прическе — и все же
Ты похожею будешь на дальний дымок,
На старинные песни, на счастье похожа!

Но вернуть я тебя ни за что не хочу,
Потому что подвластен дремучему краю,
Мне другие забавы и сны по плечу,
Я на Север дорогу себе выбираю!

Деревянная щука, карась жестяной
И резное окно в ожерелье стерляжем,
Царство рыбы и птицы! Ты будешь со мной!
Мы любви не споем и признаний не скажем.

Звонким пухом и синим огнем селезней,
Чешуей, чешуей обрастай по колено,
Чтоб глазок петушинный казался красней
И над рыбьими перьями ширилась пена.

Позабыть до того, чтобы голос грудной,
Твой любимейший голос — не доносило,
Чтоб огнями и тьмою, и рыжей волной
Позади, за кормой убегала Россия.

* * *

Не знаю, близко ль, далеко ль, не знаю,
В какой стране и при луне какой,
Веселая, забытая, родная,
Звучала ты, как песня за рекой.
Мед вечеров — он горестней отравы,
Глаза твои — в них пролетает дым,
Что бабы в церкви — кланяются травы
Перед тобой поклоном поясным.
Не мной ли на слова твои простые
Отыскан будет отзвук дорогой?
Так в сказках наших в годы колдовские
Нырять гусь за золотой серьгой.
Мой голос чист, он по тебе томится
И для тебя окидывает высь.
Взмахни руками, обернись синицей
И щучьим повелением явись!

СЕРГЕЙ
ЧЕКМАРЕВ

* * *

тов. Тоне, члену райсовета от С. Чекарева
Заявление

Под мягким светом электрошаров
Вы сидите
 в глубинах кресел,
Чтобы каждый в республике
 был здоров,
И сыт, и румян, и весел.
Но дерзаю от срочных дел
Вызвать тебя с заседания.
Тоңя!
 Парень один заболел,
Прошу обратить внимание!
Правда,
 парень
 не слишком умен
И с довольно посредственной рожей,
Какая-то куртка
 надета на нем,
И кличут его Сережей.
Он в стены впивает
 измученный взгляд.
Смотрите,
 какой он рассеянный!
Он и не слушает,
 что говорят

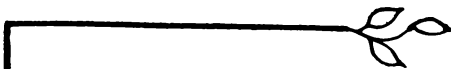
И я гляжу в твои глаза
И наклоняюсь ниже, ниже...
Тех дней уж не вернуть назад,
Тех поцелуев с губ не выжечь.
Но этот лоб и прядь волос,
Все это — смех, и жест, и брови, —
Оно с душой моей сжилось,
Оно впиталось в плазму крови.
И каждый вечер, в поздний час,
Любовь приходит, как удушье.
Но у тебя в пещерах глаз
Ложится тигром равнодушие.
В улыбке, в линии плеча,
Как лунный свет, скользит усталость.
И мне теперь одна печаль,
Одна тоска теперь осталась...

* * *

Ты скажешь «нет?» Ты скажешь «да»?
Пока — одно из двух.
Но, Тоня, помни: я всегда,
Всегда твой верный друг.
Я буду там, где должен быть,
Куда поставит класс.
Но мне нигде не позабыть
Сиянья серых глаз.

ПРОСТИ, ПРОСТИ...

За этим платьем, ярче меди,
За этой лентой голубой,
Прости меня, я не заметил,
Что у тебя на сердце боль.
Что ты измучена любовью,
Что эта жизнь тебе тяжка,
Что под твоею светлой бровью

Такая черная тоска...
Прости... Но этим страшным ядом
И я отравлен, как и ты.
И я ловлю печальным взглядом
Свои разбитые мечты.
Быть может, знай я все вначале,
Я прежним парнем мог бы быть!..
Но уж теперь моей печали
Не разогнать, не потушить...
Я буду здесь и буду злиться,
Я буду верен до конца.
Из сердца все на свете лица
Не выжгут твоего лица.

НАДПИСЬ НА ФОТОКАРТЧКЕ

Через четыре, через пять,
Через пятнадцать лет
Хочу, чтоб, Тоня, ты опять
Взглянула б на портрет.
И от моих бы серых глаз
Чтоб легкая тоска
Тебе бы на сердце легла
И встала у виска.
И ты б сказала:
«Все же он
Хороший мальчик был,
И так наивно был влюблен,
И так смешно любил!..»

ЛЕВ ОШАНИН

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ — НАЙДИ

В этот вечер в танце карнавала
Я руки твоей коснулся вдруг.
И внезапно искра пробежала
В пальцах наших встретившихся рук.
Где потом мы были, я не знаю,
Только губы помню в тишине,
Только те слова, что, убегая,
На прощанье ты шепнула мне:
 Если любишь — найди,
 Если хочешь — приди,
 Этот день не пройдет без следа.
 Если ж нету любви,
 Ты меня не зови,
 Все равно не найдешь никогда.

И ночами снятся мне недаром
Холодок оставленной скамьи,
Тронутые ласковым загаром
Руки обнаженные твои.
Неужели не вернется снова
Этой летней ночи забытье,
Тихий шепот голоса родного,
Легкое дыхание твое:
 Если любишь — найди,
 Если хочешь — приди,
 Этот день не пройдет без следа.
 Если ж нету любви,
 Ты меня не зови,
 Все равно не найдешь никогда.

ЯРОСЛАВ
СМЕЛЯКОВ

ЛЮБКА

Посредине лета
высыхают губы.
Отойдем в сторонку,
сядем на диван.
Вспомним, погорюем,
сядем, моя Люба.
Сядем посмеемся,
Любка Фейгельман!

Гражданин Вертинский
вертится. Спокойно
девочки танцуют
английский фокстрот.
Я не понимаю,
что это такое,
как это такое
за сердце берет?

Я хочу смеяться
над его искусством,
я могу заплакать
над его тоской.
Ты мне не расскажешь,
отчего нам грустно,
почему нам, Любка,
весело с тобой?

Только мне обидно
за своих поэтов.

Я своих поэтов
знаю наизусть.
Как же это вышло,
что июньским летом
слушают ребята
импортную грусть?

Вспомним, дорогая,
осень или зиму,
синие вагоны,
ветер в сентябре,
как мы целовались,
проезжая мимо,
что мы говорили
на твоём дворе.

Затоскуем, вспомним
пушкинские травы,
дачную платформу,
пятизвездный лёд,
как мы целовались
у твоей заставы,
рядом с телеграфом,
около ворот.

Как я от райкома
ехал к лесорубам.
И на третьей полке,
занавесив свет:
«Здравствуй, моя Любка».
«До свиданья, Люба!» —
подпевал ночами
пасмурный сосед.

И в кафе на Трубной
золотые трубы, —
только мы входили, —
обращались к нам:
«Здравствуйте,
пожалуйста,
заходите, Люба!

Оставайтесь с нами,
Любка Фейгельман!»

Или ты забыла
кресло бельэтажа,
оперу «Русалка»,
пьесу «Ревизор»,
гладкие дорожки
сада «Эрмитажа»,
долгий несерьезный
тихий разговор?

Ночи до рассвета,
до моих трамваев.
Что это случилось?
Как это поймешь?
Почему сегодня
ты стоишь другая?
Почему с другими
ходишь и поешь?

Мне передавали,
что ты загуляла —
лаковые туфли,
брошка, перманент.
Что с тобой гуляет
розовый, бывалый,
двадцатитрехлетний
транспортный студент.

Я еще не видел,
чтоб ты так ходила —
в кенгуровой шляпе,
в кофте голубой.
Чтоб ты провалилась,
если все забыла,
если ты смеешься
нынче надо мной!

Вспомни, как с тобою
выбрали обои,

меховую шубу,
кожаный диван.
До свиданья, Люба!
До свиданья, что ли?
Все ты потопила,
Любка Фейгельман.

Я уеду лучше,
поступлю учиться,
выправлю костюмы,
буду кофий пить.
На другой девчонке
я могу жениться,
только ту девчонку
так мне не любить.

Только с той девчонкой
я не буду прежним.
Отошли вагоны,
отцвела трава.
Что ж ты обманула
все мои надежды,
что ж ты осмеяла
лучшие слова?

Стираная юбка,
глаженая юбка,
шелковая юбка
нас ввела в обман.

До свиданья, Любка,
до свиданья, Любка!
Слышишь?
До свиданья,
Любка Фейгельман!

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Татьяне

Не надо роскошных нарядов,
в каких щеголять на балах,—
пусть зимний снежок Ленинграда
тебя одевает впотьмах.

Я радуюсь вовсе не даром
усталой улыбке твоей,
когда по ночным тротуарам
идем мы из поздних гостей.

И, падая с темного неба,
в тишайших державных ночах
кристальные звездочки снега
блещут у тебя на плечах.

Я ночью спокойней и строже,
и радостно мне потому,
что ты в этих блестях похожа
на русскую зиму-зиму.

Как будто по стежке-дорожке,
идем по проспекту домой.
Тебе бы еще бы сапожки
да белый платок пуховой.

Я, словно родную науку,
себе осторожно твержу,
что я твою белую руку
покорно и властно держу...

Когда открываются рынки,
у запертых на ночь дверей
с тебя я снимаю снежинки,
как Пушкин снимал соболей.

АЛЕКСАНДР ЯШИН

НЕ ДРАЗНИ МЕНЯ...

Как сказать мне для прекрасной Лалы...
С. Есенин

Убери свои губы, Нуну,
В одиночку перебудую,
Не тревожь:
Кого обману,
Если я тебя поцелую?

Мне твой черный огонь сродни,
По душе он северным людям.
Но куда —
От семьи, от родни?
Будут слезы —
Себя осудим.

Много есть и других помех:
Разность возрастов,
Разность веры.
Не простят даже малый грех
Изуверы
И лицемеры.

Расскажи мне лучше о том,
Как там Лали —
В чести и в холе?
Раз я был приглашен к ней в дом, —
Ради дружбы народов, что ли?

И поныне память в плену
У нее.
Ты же знаешь Лали?..
Убери свои губы, Нуну,
Чтоб народы не пострадали.

Что за власть у таких, как ты!
Что за слабость,
Какая сила!
Только я боюсь маеты,
Немота бы не охватила.

Поседел от забот, от дел.
Уж не знаю, душа жива ли?
Не дразни меня, что не смел,
Извини меня, генацвале...

Но, признаюсь,
Если бы Лали —
Ни на что бы не посмотрел.

МИР — ИЗ ОГНЯ

Ночь надвигается, словно старость,
А я не засну.
Сколько женщин в жизни встречалось?
Вижу только одну.

Встретил ее —
И с этого дня
Верю, что мир возник из огня!
Заново — твердь,
Заново — свет...
Ныне на всей земле для меня
Женщин других нет.

•
Все — от нее,
По ее велению,

Счастье и маета,
Может, прорежется новое зреньё?
Может, как высшее просветленьё,
И на меня снизойдет слепота?

Как обо всем об этом сказать?
Что ни скажу — солгу.
Страшно смотреть мне в ее глаза,
И не смотреть не могу.

В море тонул я,
В пустыне рыжей
Околевал не раз,
Падал под пулями —
Выдюжил,
Выжил!
Выживу ли сейчас?

О БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ

Пусть — безответно,
Только бы любить,
Только б не бесследно
По земле ходить.

Трав густым настоем
Дышать в шалаше,
Только бы простоев
Не знать душе.

Небом или сушей
За любимой вслед —
То же, что в грядущее
Взять билет.

Скрытно жить, в немилости,
Но в любой миг
Из-под ног вырасти
На ее вскрик.

Для меня не горе
Судьба бобыля,
Пахло б морем море
И землей — земля.

Буду жить, как птица,
Петь как ручей.
Только б не лишиться
Бессонных ночей.

Пусть безответная,
Пусть, пусть!
Как-нибудь и с этою
Ношей примирюсь.

Ни на что не сетую,
Только бы любить.
Давай безответную —
Так тому и быть.

Впрочем, что ж охотно
На костер лезть?
Мы еще посмотрим,
Время есть!

ТВОИ ПИСЬМА

И на слух я пробовал,
И на вкус и цвет:
Ничего в них доброго,
В твоих письмах, нет.

Залпом выпить надо бы,
Я же
По глотку
Пью, смилив тоску,
Как дурное снадобье,
За строкой строку.

Стежки прихотливые,
Хитрая канва:
Окрики ревнивые,
Льстивые слова.
Я же—
В одиночестве,
И не счесть обид:
Не живу, как хочется,—
Как нужда велит.

Высланный, не высланный,
Но — в лесу с весны.
Не такие письма мне
От тебя нужны.

ВМЕСТО ОТВЕТА

Не затем я молчу,
Чтоб скрываться,—
В нашей жизни хочу
Разобраться.

В нашей трудной судьбе,
В нашем горе...
А живу в той избе,
В той,
Знакомой тебе,
На Угоре.

Одинок, словно бог,
Словно дембл,
Среди хвойных дорог —
Тихо,
Немо.

Как пустынный в лесу,
Схимник,
Странник,

Ем грибы,
Пью росу,
Лечу раны.

На людей не ропщу,
И у неба
Ничего не прошу.
Правду мне бы!
О себе,
О тебе
Правду-матку:
Кто ты все же в судьбе
Моей краткой?

Ни судить, ни винить
Нет у силы.
Разве можно забыть
Все, что было?
Не забыть,
Не избыть
До могилы!

Отзовусь, как решу,
Пойму что-то.
А пока...
Не пишу.
Боль работой глушу
Да охотой.

В речке раков ловлю
И сорожек...
А тебя все люблю,
К сожаленью, люблю,
Люблю все же!..

Но теперь уж молю:
— Избавь, боже!

* * *

Мы с тобой теперь не подсудны,
Дело наше прекращено,
Перекрещено,
Прощено.
Никому из-за нас не трудно,
Да и нам уже все равно. :

Поздним вечером,
Утром ранним
След запутать не хлопочу,
Не затаиваю дыханье —
Прихожу к тебе на свиданье
В сумрак листьев,
Когда хочу.

ВОТ ТЕПЕРЬ-ТО МНЕ И ЛЮБИТЬ

Ты теперь от меня никуда,
И никто над душой не властен,
До того устойчиво счастье,
Что любая беда — не беда.

Никаких перемен не жду,
Что бы впредь со мной ни случилось:
Будет все, как в первом году,
Как в последнем было году, —
Время наше остановилось.

И размолвкам уже не быть:
Нынче встречи наши спокойны,
Только липы шумят да клены...
Вот теперь-то мне и любить!

БОРИС
РУЧЬЕВ

СТИХИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Александра Соловьева,
ты ли все четыре дня
в платье шелку голубого
наряжалась для меня?
Из-за ясных глаз, родная,—
по такой в ночном бреду
вечно юноши страдают
на семнадцатом году.
Встанешь с правой стороны —
мне и ноги не верны.
Склонишь голову к плечу —
я от страха замолчу.
И шагаю, как в метели,
радость в сердце затая,
Александра, неужели,
Александра,— ты моя?..
Фонари горят — не вижу,
поезда гремят — не слышу,
грудь подставлю хоть ножу
и ни слова не скажу.
Я считал себя ученым,
кое-как науки знал,
подростающих девчонок
вечерами провожал.
Первым басом песни пел;
целоваться не умел.
Не нашел я в мире слова,
от какого бродит кровь,—

Александре Соловьевой
описать свою любовь.
Не ответил, как хотел,
ей в глаза не поглядел.
Говорил про легкий воздух,
про медовый лунный свет,
о больших и малых звездах,
о скитаниях планет.
Грел на сердце, не таю,
думку тайную мою, —
думал: ахнет Александра,
Александрю удивлю,
думал, скажет Александра:
«Я за то тебя люблю!»
Александра Соловьева,
где ты видела такого?
Подымал я к звездам руки,
спотыкаясь о кусты,
познавала ты науки
и в глаза глядела ты.
На четвертый вечер вдруг
отказалась от наук...
Сел я, горький и суровый,
папироску закурил.
Александре Соловьевой
ничего не говорил.
Час — ни слова, два — ни слова,
только дым над головой.
Александра Соловьева,
ты ли мучилась со мной?
Ты ли кудри завивала,
чтобы я их развивал,
ты ли губы раскрывала,
чтобы я их закрывал?
Ты ли кудри расчесала,
робость подлую кляня.
ты ли губы искусала
от досады на меня?..
Над зарей фонарь горит,
Александра говорит:
— Ах, как холодно в саду,

ноги стынут, как на льду,
за науки вам спасибо;
а домой — сама дойду!..
Я сидел как равнодушный
и ответил как в бреду,
что, напротив, очень душно
в этом пламенном саду..
Длинной бровью повела,
руку в руку подала,
Александра Соловьева
повернулась и ушла.

ВЕСНА

Всю ту зимушку седую,
как я жил, не знаю сам,
и горюя и бедую
по особенным глазам.
Как два раза на неделе
по снегам хотел пойти,
как суровые метели
заметали все пути..
Как пришел я в полночь мая,
соблюдая тишину,
задыхаясь, замирая,
к соловьевскому окну —
про любовь свою сказать,
Александру в жены звать.
Александра Соловьева,
ты забыла ли давно,
двадцать пять минут второго,
неизвестный стук в окно?
Вышла в сени по ковру,
улыбнулась не к добру,
вышла с талыми глазами,
вся в истоме, вся в жару.
Будто пчелы с вешних сот
на лице собирали мед,
да ослепли медоноски,
всю изжалили впотьмах, —

две медовые полоски
прикипели на губах.
Кудри сбиты и развиты,
пали замертво к плечам,
плечи белые повиты
в крылья черного плаща.
Плащ до самого следа,
сверху звезды в два ряда,
плащ тяжелый, вороненый,
весь зеркальный, как вода.
Перелетные зарницы
на волнах его горят,
самолеты на петлицах
к небу медленно летят...
И ударил с неба гром,
улыбнулся я с трудом:
— Вот, — сказал я, —
здравствуй, что ли,
я стучался под окном.
Объясни мне, сделай милость,
если дома ты одна,
в чью одежду нарядилась,
от кого пьяным-пьяна?..
Покраснела Александра,
погасила в сенях свет.
И сказала Александра:
— Александры дома нет!..
Александра Соловьева,
как бежал я от огня,
от холодного, ночного
соловьевского окна!
Над землею птичьи стаи,
птичьи свадьбы засвистали.
Я шатаюсь шел вперед
от калиток до ворот.
И лежала в реках мая,
палисады окрыля,
в тайных криках, как немая,
оперенная земля,
вся — в непряженом шелку,
вся — в березовом соку.

СЕРГЕЙ
СМИРНОВ

ВОТ ВЕДЬ ВЫ КАКАЯ

Отчего бы это
Загрустил слегка я?
Не найду ответа,
Вот ведь вы какая!

Я себя теряю,
Сам себе перечу.
Выхожу из дома,
Будто вам навстречу.

С девушками дружен
Стал издалека я.
Мне никто не нужен,
Вот ведь вы какая!

Хочется повсюду
Слышать вас, да где там...
Лучше уж не буду
Говорить об этом.

С этими словами
Подожду пока я.
Все слова — за вами,
Вот ведь вы какая!

Пусть мое признание
Никуда не годно.
Можете смеяться,
Сколько вам угодно.

Ни единым словом
Вас не упрекая,
Я скажу одно вам:
Вот ведь вы какая!

ВСЕГДАШНЕЕ

Пойми одно:
Я больше не могу так.
Я без тебя
 с другой уже знаком.
Я жду ее в любое время суток,
А ты ведь и не знаешь о таком.
Я жду ее,
 по-своему любя.
Я жду ее,
 табачный дым клубя.
Она приходит
 с сумкой почтальона.
Она приносит
 письма от тебя!

ВИКТОР
БОКОВ

* * *

Я люблю твои глаголы:
«Не приду», «Не жди», «Не плачь».
Я люблю твои ладони,
Принимающие мяч.

Я люблю, как ты смеешься:
Губы настежь — снег во рту.
Как ты вдруг играть берешься
В волейбол или лапту.

Я люблю сверканье пяток,
Твой мальчишеский галоп,
Своевольный ветер прядок,
Ниспадающих на лоб.

Я тобой владеть не буду
Ни по лету, ни к зиме,
Только б ты была повсюду,
Только б пела на корме.

Только б весело шутила,
Свесив косу за корму,
И, как солнышко, светила
Мне, и всем, и никому!

ПАВЕЛ ШУБИН

МАЛЕНЬКИЕ РУКИ

Слезы — как разведчики
Будущей разлуки,
Худенькие плечики,
маленькие руки.

Всю-то ночь до света ей
Толковал пустое:
Забывать — не следует,
Горевать — не стоит.

А убьют, неловкого,—
За другого выйдешь,
Давнего, далекого
Этим не обидишь.

Да не плачь на выданье,—
Не один на свете...
...И доньине стыдно мне
За слова за эти.

Станция у речки,
Стыки-перестуки,
Худенькие плечики,
Маленькие руки.

Скушная-прескушная,
За слезой слезинку
Прятала в прикушенную
Мокрую косынку.

Знаю, не из гордости —
Не томиться чтобы,
До отправки поезда
Промолчали оба.

Трудно как, далече как
Нынче до подруги!..
Худенькие плечики,
Маленькие руки!

Месяцами долгими
Бой без перерыва,
Брызжутся осколками
Яростные взрывы.

Гибель свищет с воздуха,
Ходит за плечами
Целый день без отдыха,
Днями и ночами.

Кто мне был товарищем,
От беды спасая,
Я не знал вчера еще,
А сегодня знаю!

Чья защита жгучая
И какая сила
Гибель неминуемую
Мимо проносила:

Вы за все ответчики —
Милые до муки,
Худенькие плечики,
Маленькие руки...

ИЗ СЕРДЦА В СЕРДЦЕ

Шепчу не имя: есть оно — и пусть,—
Нет, всю тебя, как песню, наизусть!
Молочный запах кожи молодой,
Изгиб руки девической, худой
И медленных зеленоватых глаз
Безмолвный, древний, как земля, рассказ.
Я в снежном ветре голос твой ловлю...
Двадцатый месяц я ночей не сплю...
Ракеты марсианской свет в окне
Томит и мучит: думай о войне!
Прорыв сквозь тучи в темной вышине,
Грохочут бомбы: думай о войне!
И снайпер, целящийся в сердце мне,
Ворчит сквозь зубы: думай о войне!
Я днем пережидая взлет ракет,
Я от фугасок падаю в кювет,
Со снайпером тягаюсь нарезной...
Но ты — со мной... Но ты везде со мной!
Снежинка на щеке — ресницы взлет,
Кровь на сугробе — белозубый рот...
Как разучиться мне тебя любить?
Как ухитриться мне тебя забыть?
В землянке храп, ребята спят давно.
Палаткой занавешено окно.
Молотит лес немецкий артналет:
Копилка гаснет, и земля поет.
И я — один. Я сплю или не сплю?
Я в снежном ветре голос твой ловлю.
Начать письмо? Но как в бумажный лист
Вписать, втемяшить стали рваный свист,
Огонь в печи и мерзлых бревен дрожь —
Простую смерть, в которой ты живешь?
Да. Именно. Не я, а ты. Лишь ты.
Как льдинки, тают в темноте листы.
Зачем письмо? Ну, тяжело — и пусть.
Глухая ночь. Табачный пепел, грусть...

ЛЕВ
ОЗЕРОВ

* * *

Все так ладно устроено в мире,—
Вот мы встретились с вами опять.
Вам по-прежнему двадцать четыре,
Мне по-прежнему двадцать пять.

Я еще о любви ни слова
Не сказал на исходе дня.
Вы еще не взглянули сурово
И растерянно на меня.

Все в предвиденье, все — в начале.
Я еще не знаю о том,
Как вы ждать меня обещали,
Как вы ждали меня с трудом.

Как устали вы, ожидая,
Как вы гнали усталость прочь...
Эта ваша прядка седая
Вас понять мне хочет помочь.

Все так ладно устроено в мире...
Я хотел бы одно лишь знать:
Вам по-прежнему двадцать четыре,
Мне по-прежнему двадцать пять.

* * *

Мы с тобою не были обвенчаны,
И друзья не поздравляли нас.
Про тебя не сплетничали женщины
Так, как это водится подчас.

За столом не чокались бокалами.
Ночь бомбардировок... Где огни?
Гулкими и грязными вокзалами,
Горем обернулись эти дни.

И теплушку тряскую военную
Грохот дальнобойный сотрясал.
Здесь тебе сказал я сокровенное,
Самое сердечное сказал.

Не кольцо на палец ты примерила,—
Затянула поясной ремень.
Я сказал тебе,— и ты поверила.
Что же я сказал тебе в тот день?

* * *

О тебе я хочу думать. Думаю о тебе.
О тебе не хочу думать. Думаю о тебе.
О других хочу думать. Думаю о тебе.
Ни о ком не хочу думать. Думаю о тебе.

ЕВГЕНИЙ
ДОЛМАТОВСКИЙ

* * *

Твоя святая красота
Не всем открыта и понятна:
То грусть опустит угол рта,
То на щеке проступят пятна.

То память горькая твоя
Воспоминаньем брови морщит.
Все знаю я, все вижу я
Вдвоем с тобой,
Как заговорщик.

И втайне горд и втайне рад,
Что, к непростой судьбе причастный,
Лишь я один
Читаю взгляд,
Для окружающих опасный.

И только фронт — мой вечный тыл,
И мало нам семьи и дома,
Теперь тебе прическу взбил
Горячий ветер космодрома.

Устав от лжи и от прикрас,
Тая под безразличьем зависть,
Косятся издали на нас
Владельцы писанных красавиц.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

* * *

В. С.

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть

Скажет:— Повезло.—
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

* * *

Не сердитесь — к лучшему,
Что, себя не мучая,
Вам пишу от случая
До другого случая.

Письма пишут разные:
Слезные, болезные,
Иногда прекрасные,
Чаще бесполезные.

В письмах все не скажется
И не все услышится,
В письмах все нам кажется,
Что не так напишется.

Коль вернусь — так суженых
Некогда отчитывать,
А убьют — так хуже нет
Письма перечитывать.

Чтобы вам не бедствовать,
Не возить их тачкою,
Будут путешествовать
С вами тонкой пачкою.

А замужней станете,
Обо мне заплачете —

Их легко достанете
И легко припрячете.

От него, ревнивого,
Заперевшись в комнате,
Вы меня, ленивого,
Добрим словом вспомните.

Скажете, что к лучшему,
Память вам не мучая,
Он писал от случая
До другого случая.

* * *

Мне хочется назвать тебя женой
За то, что так другие не назвали,
Что в старый дом мой, сломанный войной,
Ты снова гостьей явишься едва ли.

За то, что я желал тебе и зла,
За то, что редко ты меня жалела,
За то, что, просьб не ждя моих, пришла
Ко мне в ту ночь, когда сама хотела.

Мне хочется назвать тебя женой
Не для того, чтоб знали все об этом,
Не потому, что ты давно со мной,
По всем досужим сплетням и приметам.

Твоей я не тщеславлюсь красотой,
Ни громким именем, что ты носила,
С меня довольно нежной, тайной, той,
Что в дом ко мне неслышно приходила.

Сравнятся в славе смертью имена,
И красота, как станция, минует,
И, постарев, владелица одна
Себя к своим портретам приревнует.

Мне хочется назвать тебя женой
За то, что бесконечны дни разлуки,
Что слишком многим, кто сейчас со мной,
Должны глаза закрыть чужие руки.

За то, что ты правдивою была,
Любить мне не давала обещанья
И в первый раз, что любишь,— солгала
В последний час солдатского прощанья.

Кем стала ты? Моей или чужой?
Отсюда сердцем мне не дотянуться...
Прости, что я зову тебя женой
По праву тех, кто может не вернуться.

* * *

Над черным носом нашей сумбарины
Взошла Венера — странная звезда,
От женских ласк отвыкшие мужчины,
Как женщину, мы ждем ее сюда.

Она, как ты, восходит все позднее,
И, нарушая ход небесных тел,
Другие звезды всходят рядом с нею,
Гораздо ближе, чем бы я хотел.

Они горят трусливо и бесстыже.
Я никогда не буду в их числе,
Пусть они к тебе на небе ближе,
Чем я, тобой забытый на земле.

Я не прощусь с опасностью земною,
Чтоб в мирном небе мерзнуть, как они,
Стань лучше ты падучею звездой,
Ко мне на землю руки протяни.

На небе любят женщину от скуки
И отпускают с миром, не скорбя...
Ты упадешь ко мне в земные руки,
Я не звезда. Я удержу тебя.

ВАДИМ
ШЕФНЕР.

* * *

Возненавидел. Позабыл. Простил.
Прошли года. Сегодня вспомнил снова
Тебя, закат, и шум ручья лесного,
И мостика бревенчатый настил.

И все на миг таким недавним стало:
Позвать, назвать по имени — и ты
Возникнешь из лукавой темноты,
И всех дорог нам в мире будет мало.

* * *

Письма давно сожжены, встречи забыты и даты,
Я тебя помню такой, какой не была никогда ты.
Может, и вовсе с тобой мне встречаться
не надо,—
Издали пламя светлей, нет в нем ни дыма,
ни чада.

Только все тянет меня пройти в переулок
забытый,
Встать у калитки твоей, для нежданного гостя
закрытой,
Встать, постоять, да уйти, да вздохнуть,
да вернуться,—
Пусть надо мною в распахнутых окнах смеются.

* * *

Я мохом серым нарасту на камень,
Где ты пройдешь. Я буду ждать в саду
И яблонь розовыми лепестками
Тебе на плечи тихо опаду.

Я веткой клена в белом блеске молний
В окошко стукну. В полдень на лугу
Тебе молчаньем о себе напомним
И облаком на солнце набегу.

Но если станет грустно нестерпимо,
Не камнем горя лягу я на грудь —
Я глаз твоих коснусь смолистым дымом:
Поплачь еще немного — и забудь...

* * *

Никакою тропой не вернуться к тебе, невидимке,
Но, проглянув сквозь годы тревог и неожиданных потерь,
У лесного ручья на случайно удавшемся снимке
Ты стоишь под черемухой в платье, немодном теперь.

В этот утренний лес не вступили еще лесорубы,
В этом небе еще довоенные спят облака.
Вот сейчас улыбнутся по-детски припухлые губы
И движением легким прическу поправит рука.

Может, все-таки можно к тебе на минутку вернётся,
И со снимка сманить, и войти с тобой в нынешний год?
...Платья новые шьются, и новые песни поются,
И на старых тропинках полынь молодая растет.

ДМИТРИЙ КОВАЛЕВ

КРАСОТА

Как лебеди,
Дики твои колени —
Тоскуют весны ранние по ним...
Приснилось,
Что ханжи поokolели
И стало меньше
Хоть грехом одним.
И стала юность чище и моложе,
И зрелость —
Добротою
Ближе ей...
Наедине,
Опаслива до дрожи,
Ты жмуришься от наготы своей,
Такая зябкая,
Что будто ветви сада
Росой осыпали,
Хоть голову втяни.
Двух земляничин робкая прохлада
Краснеет и хоронится в тени...
Но если бы рассвет
Твои опаски
И глаз твоих пугливых высоту
Увидеть мог,—
Он погасил бы краски,
Чтоб не спугнуть
Такую красоту.

Я встретил Вас...

* * *

Весь век,
всю жизнь
куда-то уезжая,
боюсь своей тебя:
своя — чужая.
Боюсь владеть:
владеют не любя.
Боюсь
к тебе привыкнуть без тебя...

Но привыкаю,
слышишь,
привыкаю!
Так бережно к тебе я приникаю
на расстоянии,
так нужен твой совет —
как будто я тобой рожден на свет.

АНАТОЛИЙ ЧИВИЛИХИН

ГОРДОСТЬ

Мы встретились — гордячка и гордец.
Старательно мы избегали встречи
На поединке взглядов и сердец.
О примиренье даже нет и речи.
Виновен я. Виновна ты вдвойне.
Но в этом вовсе нелегко признаться.
«Царевич я! Довольно! Стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться!»
Я коронован гордостью. И ты.
У нас ее, пожалуй, даже лишка.
Но без нее мы нищи и пусты:
Хлопка ты, а я Отрепьев Гришка.
Когда-нибудь (и скоро, может быть!)
Мы затоскуем горько и бесслезно.
Захочется нам гордость позабыть.
Раскаемся. Но поздно будет. Поздно!
Нам слишком мало радости в судьбе:
Тебе — неволя, мне — позор и плаха!
Так все-таки, не кажется ль тебе:
Хлопка стоит беглого монаха!

МИХАИЛ
ДУДИН

* * *

Л. А.

А знаешь, ты была права,
Когда мы шли вдвоем с тобою
И нас встречали острова
Еще нехоженой травюю.

От клевера и повилик
Летели золотые пчелы.
Парк был прозрачен и велик,
И море — синим и веселым.

А знаешь, ты была права,
Что все пройдет. И в самом деле,
Другая выросла трава,
Другие пчелы прилетели.

В ленивой музыке воды
Они звенят среди ромашек.
И на сыром песке следы
Почти такие же, как наши.

* * *

О, для любви есть ночи и молчание,
А мне не нужно ночи — нужен день
И свет такой, чтоб на мое отчаянье
Твоей обиды не ложилась тень.

Чтоб я летел опять своей орбитой,
Своей любви и страсти господин,
Чтоб я всегда любил тебя в открытую —
Перед людьми и звездами один.

Ты мне в ночи сверкнула, словно молния,
Спасение и новая напасть.
Таким огнем глаза мои наполнила,
Что надо мною потеряла власть.

И нашу жизнь, неспетую и разную,
Как школьник прочитав по букварю,
Я, позабыв про все на свете, праздную,
Мгновеньям и столетьям говорю.

* * *

И. Т.

В моей беспокойной и трудной судьбе
Останешься ты навсегда.
Меня поезда привозили к тебе,
И я полюбил поезда.

Петляли дороги, и ветер трубил
В разливе сигнальных огней.
Я милую землю навек полюбил
За то, что ты ходишь по ней.

Была ты со мной в непроглядном дыму,
Надежда моя и броня,
Я, может, себя полюбил потому,
Что ты полюбила меня.

МИХАИЛ
ЛУКОНИН

ПРИДУ К ТЕБЕ

Ты думаешь:
Принесу с собой
Усталое тело свое.
Сумею ли быть тогда с тобой
Целый день вдвоем?
Захочу рассказать о смертном дожде,
Как горела трава,
А ты —
 и ты жила в беде,
Тебе не нужны слова.
Про то, как чудом выжил, начну,
Как смерть меня обожгла,
А ты —
 ты в ночь роковую одну
Волгу переплыла.
Спеть попрошу,
 а ты сама
Забыла, как поют.
Потом .
 меня
 сведет с ума
Непривычный уют.
Будешь к завтраку накрывать,
А я усядусь в углу.
Начнешь,
 как прежде,
 стелить кровать,
А я усну
 на полу.

Потом покоя тебя лишу,
Вырою щель у ворот,
Ночью,
 вздрагнув,
 тебя спрошу:
— Стой! Кто идет?! —
Нет, не думай, что так приду.
В этой большой войне
Мы научились ломать беду,
Работать и жить вдвойне.
Не так вернемся мы!
 Если так,
То лучше не приходиться.
Придем — работать,
 курить табак,
В комнате начадить.
Не за благодарностью я бегу —
Благодарить лечу.
Все, что хотел, я сказал врагу.
Теперь работать хочу.
Не за утешением —
 утешать
Переступлю порог.
То, что я сделал,
 к тебе спеша,
Не одолжение, а долг.
Друзей увидеть,
 в гостях побывать
И трудно
 и жадно
 жить.
Работать — в кузницу,
 спать — в кровать.
Слова про любовь сложить.
В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой, —
Но лучше прийти
 с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

ДАЛЕКОЕ

Я шел,
и я никак не узнавал
тот самый
Земляной знакомый вал,
там, где бывал,
где ты жила,
где мы...
Здесь все снежком занесено слегка.
Мы шли и шли,
в моей —
твоя рука.
Тогда я не заметил там зимы.
Я не нашел ни дома, ни окна,
в том не твоя
и не моя вина.
И не война.
Ушли дороги врозь.
Тогда мы звали дружбой это,
то, что вело зимой нас до рассвета,
потом уже
любовью назвалось.
Тогда я провожал тебя
в ту ночь,
по лестнице поднялся,
чтоб помочь
ключ повернуть,
вернуть портфель твой
и варежку пожать:
— Нет, не снимай.
Не май же!
— Да, пока еще не май...—
И я ушел по скользкой мостовой.
Пойми, я не лукавлю и не лгу,
мой давний друг,
я у тебя в долгу:
на много лет, с зимы далекой той,
влюбился в жизнь,
захвачен высотой.

и счастьем то далекое зову.
Ты разбудила все,
чем я живу.
Была еще любовь. Еще была,
а та зима
опять белым-бела,
иду по ней в том памятном году,
и легкий тот снежок в начале дня
зовет,
волнует,
радует меня.
Чего-то я ищу,
чего-то жду...

ЦВЕТЫ

Цветы поливать перестала.
Молчала, являясь домой.
Какую-то книгу листала,
Смеялась,
Ходила со мной.

Томительны стали и тяжки,
Запущены — вот уж тщета —
Противные эти бумажки —
Квартирные наши счета.

Цветы поливать перестала.
Подумаешь!
Дни коротки!
Но очень уж ново и ало
Сияли твои коготки.

А я не поверил сначала,
Как верить беде не хотят.
Но ты невпопад отвечала,
Смеялась и то невпопад.

Цветы поливать перестала.
Заметил. Жалею. Молчу.
Как будто от солнца устала.
Расспрашивать я не хочу.

А может быть, надо бы, надо
Тебя расспросить и понять?
Искала призывного взгляда —
Я видел — опять и опять.

Зрачки распирало от страха
И губы сводило виной.
Таилась пугливая птаха
Под смелостью этой шальной.
Я сам удивлен, провожая, —
Какая во всем простота!
Не ты уходила, чужая,
Совсем и не ты и не та.
Ни радости нет,
Ни проклятья,
Прощался с тобою иной.
В нехитром сиреневом платье
Та девочка вечно со мной.

Иди!
Ни прощенья, ни просьбы.
Да если бы не отошла,
Пожалуй, уже не нашлось бы
Тех слов, что сгорели дотла.
И так поломала немало
В разгуле своей пустоты.
Цветы поливать перестала.
За что ты казнила цветы!
По улице ходим с утра мы.
Прости мне, испытанный друг:
Ранений давнишние шрамы
Чего-то напомнило вдруг.

Восходит тбилисское лето,
Цветы и цветы на распыл.
Они и напомнили это,
Как будто я это забыл.

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ

* * *

По главной сути
Жизнь проста:
Ее уста...
Его уста...

Она проста
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнет к груди.

Весь смысл ее
И мудр и прост,
Как стебелька
Весенний рост.

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куще облаков?

То все ошибки,
Все накладки
И заблуждения
Веков.

А жизни суть,
Она проста:
Ее уста...
Его уста...

Будет петля устроена,
Сделай,
 чтоб жизнь моя
Была ее удостоена.

Шею мою,
Не спеша,
Сдави,
Так, чтоб слабея силою,
Видел я долго глаза твои,
Губы твои,
 любимая.

Глядя в очи остылые,
Смейся, смейся...
Не бойся!..
Пусть подумают, милая,
Что мы оба смеемся.

* * *

Была любовь.
Была сомнений смуга.
Надежды были.
Молодость была.
Да, молодость была,
Но почему-то
Она большого счастья
Не дала.

Она ушла,
Но слезы не прольются.
Ушла.
Иди.
И не зови, трубя.
Нет, не хочу я
В молодость вернуться,
Вернуться к дням,
Где не было тебя.

* * *

Прощай!
Нам слез не лить
От горя и отчаянья.
Быть нежной,
Доброй быть
Не надо на прощанье.

Прощай!
Не буду ждать,
Не ждать — душе честнее.
Не надо целовать,
Пусть сердце очерствеет.

Надеждой
Не делись,
Оставь без лишней ноши,
Хорошей не кажись,
Останься нехорошей!

Так можно
Все внушить,
Поверить в святость ада,
А люди будут жить
И думать:
Так и надо.

МАРК СОБОЛЬ

ОПЯТЬ ЛЮБОВЬ

Опять любовь — тропую тайной
на прогибающемся льду.
Опять короткие свиданья
выпрашиваю и краду.

Я вновь, как в молодости, весел,
я стал беспечней и добрей,
я сам смеюсь над редколесьем
моих остаточных кудрей.

Друзьям-всезнайкам есть забава,
когда бокалы налиты:
— Опять любовь?! Да что ты, право!
Она уйдет — на что ей ты?

Мол, на пределе перегрузки
взорвет мне грудь железный факт
разрыва, говоря по-русски
(по-иностранному — инфаркт).

Тихонько за сердце хватаясь,
на горле чувствую петлю,
я заявляю, что не каюсь,
не откажусь, не отступлю!

И непонятно им, которым
все в мире ясного ясней,
что человек готов к повторам
ошибок юности своей.

* * *

Счастьем мы с тобой не избалованы...
Так случилось.
Может, хорошо
то, что я тогда недоцелованным
поздней ночью из дому ушел.

И на всех дорогах неприветливых,
где за наше счастье воевал,
только ветер губы мне обветривал,
горьким дымом жарко целовал.

А когда вокруг сплошное крошево
и огонь особенно жесток —
отпивал солдат из фляги прошлого
твоего дыхания глоток.

Дни идут...
По тоненькому листику
обрывая их с календаря,
улыбнись: приду назло баллистике
и одной тебе благодаря.

ВАЛЕНТИНЕ

Из-под платочка — прядка в инее,
с мороза раскраснелась ты,
а на платке такие синие,
такие летние цветы.

А за окном зима по-прежнему,
в лесу темно, в полях бело...
И я напрасно прядку снежную
дыханьем грел — не помогло.

Тогда достал стихов тетради я,
созвал друзей, вина купил,

включил все лампочки и радио
и печку жарко натопил.

Давно на стеклах нету инея
и всем тепло в кругу семьи,
но не оттаивают зимние
седые волосы твои.

Так пусть горят огни зажженные —
ведь мне всю жизнь отогреть
вот эту, не убереженную,
морозом схваченную прядь.

МАРК
МАКСИМОВ

* * *

Где же мудрость вековых правил:
«С глаз долой — из сердца тоже вон»?
Проводил и с глаз долой отправил —
и хожу как тень, и сон не в сон.

Если б ты, чем хочешь, — правдой, ложью —
мне сейчас поверить помогла,
что была ты женщиной прохожей
и, как все прохожие, прошла!..

Все слова о страсти безнадежной —
книжные и лживые слова:
если даже маленькой, тревожной
нет надежды — и любовь мертва.

Ну, а я швырнул ее на шпалы,
под курьерский, что тебя увез,
но она лишь вскрикнула и встала,
злая и красивая от слез.

Поплелась в моей каморке греться,
будет мучить, будет — невтерпех,
никуда мне от нее не деться,
если ты ее не заберешь.

Лишь больней натянута, чем прежде,
поездом размотанная нить.
Пощади, лиши меня надежды,
помоги тебя похоронить!..

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

ПИСЬМО ИЗ МАРИЕНБУРГА

Тугая разметалась коса,
А на щеках на жарких тают снега хлопья.
Бежит стремглав курносая краса,
Лишь каблуки выстукивают дробью.

Буран метет, слепит глаза буран,
Но ей бежать впотьмах до самой Волги,
Где ждет ее безусый капитан
В надвинутой на брови треуголке.

Он ей навстречу плащ свой распахнет
И, в первый раз обнявши недотрогу,
Лишь вымолвит: — Не час я ждал, а год,
Но Вы пришли, благодаренье богу.

Как удалось отца Вам обмануть?
Как счастлив я! — Но надо ждать погони...
Ямщик готов. И вот уж в дальний путь
Упряжку мчат заждавшиеся кони.

А девушка сидит едва жива,
И лишь порой на срывах и откосах
Мелькает озорная татарва
В ее глазах, по-волжскому раскосых...

А сани к церкви... В двери кулаком!
И, на ноги поднявши спозаранку
Весь притч, перед испуганным попом
Встать под венец с прекрасною беглянкой.

На полуслове оборву рассказ,
Махнем рукой романтике старинной...
С чего я вдруг узнал себя и Вас
В любовниках времен Екатерины?

С чего б-я это? Но, мой милый друг,
Неужто Вы заметить не сумели,
Что мне осточертел Мариенбург,
Где я торчу четвертую неделю?

Здесь всюду притаилась старина,
Угрюмая, давящая, чужая,
Она томит, грозит бедой она,
Враждебным строем душу окружая.

И вот я вызвал полночь и мороз,
Вам на ноги накинул волчью бурку
И запросто Вас под венец увез,
Назло и вопрекор Мариенбургу.

ТВОЕ ИМЯ

Опять миномет подсыпает жару,
Поле в черную муть замело,
В рост, как по Сретенскому бульвару,
Иду, озоруя, всем бедам назло.

Но если бы вышло, что в смертных увечьях
Я желтой башкою скатился б в жнивьё,
Последним из слов и имен человеческих
Я б назвал далекое имя твое.

Имя твое! И в сон и въявь,
С именем этим хоть в море вплавь,
Хоть один в поединок против полка,
И жизнь легка и смерть легка!

И где бы я ни был — на всех раздорожьях,
Куда бы мой жребий меня ни бросал,
Имя твое, словно имя божье,
Как солдат в старину, я от бед призывал.

АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

НИЧЕГО НЕ ГОВОРИЛА

Ничего не говорила,
Только с нами до речки дошла.
Посмотрела — как будто рублем подарила,
Посмотрела — как будто огнем обожгла.
Расставаясь, оглянулась,
На прощанье махнула рукой
И такую улыбкой тогда улыбнулась,
Что вовек не забыть нам улыбки такой.
Даль сегодня прояснилась.
Ночь хорошие звезды зажгла.
Первой роте сегодня ты ночью приснилась,
А четвертая рота — заснуть не могла.

В ГОРОДСКОМ САДУ

В городском саду играет
Духовой оркестр.
На скамейке, где сидишь ты
Нет свободных мест.
Оттого, что пахнут липы
И река блестит,
Мне от глаз твоих красивых
Взор не отвести.

Прошел чуть не полмира я —
С такой, как ты, не встретился
И думать не додумался,
Что встречу я тебя.

Знай, такой другой на свете
Нет, наверняка,
Чтоб навеки покорила
Сердце моряка.
По морям и океанам
Мне легко пройти,
Но к такой, как ты, желанной,
Видно, нет пути.

Прошел чуть не полмира я —
С такой, как ты, не встретился
И думать не додумался,
Что встречу я тебя.

Вот рассвет весенний гасит
Звездочки в пруду.
Но ничего не изменилось
В городском саду.
На скамейке, где сидишь ты,
Нет свободных мест.
В городском саду играет
Духовой оркестр.

МНЕ ТЕБЯ СРАВНИТЬ БЫ НАДО

Мне тебя сравнить бы надо
С песней соловьиною,
С тихим утром, с майским садом,
С гибкою рябиною,
С вишнею, с черемухой,
Даль мою туманную,
Самую далекую,
Самую желанную.

Как все это случилось,
В какие вечера?
Три года ты мне снилась,
А встретилась вчера.
И сердцу вдруг открылось,

Что мне любить пора,
Три года ты мне снилась,
А встретилаь вчера.

Мне тебя сравнить бы надо
С первою красавицей,
Что своим веселым взглядом
К сердцу прикасается,
Что походкой легкою
Подошла нежданная,
Самая далекая,
Самая желанная.

Как это все случилось,
В какие вечера?
Три года ты мне снилась,
А встретилаь вчера.
И сердцу вдруг открылось,
Что мне любить пора,
Три года ты мне снилась,
А встретилаь вчера.

БОРИС СЛУЦКИЙ

ТАНЕ

Ты каждую из этих фраз
перепечатала по многу раз,
перепечатала и перепела
на легком портативном языке
машинки, а теперь мы вдалеке.
Все дальше ты уходишь постепенно.

Перепечатала, переплела
то с одобреньем, то с пренебреженьем.
Перечеркнула их одним движеньем,
одним движеньем со стола смела.

Все то, что было твердого во мне,
стального,— от тебя и от машинки.
Ты исправляла все мои ошибки,
а ныне ты в далекой стороне,
где я тебя не попрошу с утра
ночное сочиненье напечатать.
Ушла. А мне еще вставать и падать,
и вновь вставать.
Еще мне не пора.

ВИКТОР ГОНЧАРОВ

ДОЖДЬ

Я сегодня — дождь.
Пойду бродить по крышам,
Буйствовать, панели полоскать,
В трубах тархтеть
И никого не слышать,
Никому ни в чем не уступать.
Я сегодня буду самым смелым,
Самым робким —
Буду сам собой!
Разноцветным,
Синим,
Рыжим,
Белым,
Радугу открывшим над рекой!
И никто меня держать не будет,
Разве что, штанишки засучив,
Детвора курносая запрудит
Ржавых крыш упругие ручьи.
Я сегодня — дождь,
И я тебя поймаю!
Зацелую золотую прядь.
Захочу — до самого трамвая
Буду платье плотно прижимать.
Буду биться, падать на ресницы,
Молниями сам себя терзать!
Буду литься на чужие лица,
Буду злиться на твои глаза!
Я сегодня — дождь...

Обиженный и жалкий,
Перестану, стану высыхать...

А наутро свежие фиалки
Кто-то ей положит на кровать.

* * *

Я живучий, я после тления —
Обернуся вдруг темной.
Ни секундочки, ни мгновения
Я не дам тебе быть одной.

Только стану умней и строже,
Стану мужественней стократ,
Стану ласковой и моложе,
Но к тебе не вернусь назад.

Буду всюду я, всюду, всюду!
Буду возле и над тобой.
Тишиной сумасшедшей буду,
Страхом судорожным и мольбой.

И ничто тебя не утешит,
И никто тебя не поймет,
Жжет меня, разрывает, режет
Лживых глаз твоих хрупкий лед.

Наступают дожди да слякоть...
Тянет кости мои земля...
Обожди, еще будешь плакать,
Будешь маяться без меня.

ДАВИД САМОЙЛОВ

* * * *

Была туманная луна,
И были нежные березы...
О март-апрель, какие слезы!
Во сне какие имена!

Туман весны, туман страстей,
Рассудка тайные угрозы...
О март-апрель, какие слезы —
Спросонья, словно у детей!..

Как корочку, хрустящий след
Жуют рассветные морозы...
О март-апрель, какие слезы —
Причины и названья нет!

Вдали, за гранью голубой,
Гудят в тумане тепловозы...
О март-апрель, какие слезы —
О чем ты плачешь? Что с тобой?

НАЗВАНЬЯ ЗИМ

У зим бывают имена.
Одна из них звалась Наталья.
И было в ней мерцанье, тайна,
И холод, и голубизна.

Еленю звалась зима,
И Марфою, и Катериной.
И я порою зимней, длинной
Влюблялся и сходил с ума.*

И были дни, и падал снег,
Как теплый пух зимы туманной...
А эту зиму звали Анной,
Она была прекрасней всех.

* * *

Получил письмо издалека,
Гордое, безумное и женское.
Но пока оно свершало шествие,
Между нами пролегли века.

Выросли деревья, смолкли речи,
Отгремели времена.
Но опять прошу я издалече:
Анна! Защити меня!

Реки утекли, умчались птицы,
Заросли дороги. Свет погас.
Но тебе порой мой голос снится:
Анна! Защити обоих нас!

* * *

Мне снился сон жестокий
Про новую любовь.
Томительно и нежно
Звучавшие слова.
Я видел твое платье,
И туфли, и чулки
И даже голос слышал.
Но не видал лица.

О чем меня просила?
Не помню. Повтори.
Опять с такой же силой
Со мной заговори.
И снова в сновиденье
Случайное вернись.
Не надо завершенья,
Но только повторишь!

Ведь в этой жизни смутной,
Которой я живу,
Ты только сон минутный,
А после, наяву —
Не счастье, не страданье,
Не сила, не вина,
А только ожиданье
Томительного сна.

* * *

Возвращаюсь к тебе, дорогая,
К твоим милым и легким словам.
На пороге, меня обнимая,
Дашь ты волю свободным слезам.

— Ах, — ты скажешь, — как времени много
Миновало! Какие дела!
Неужели так долго дорога,
Милый мой, тебя к дому вела!

Не отвечу, к тебе припадая,
Ибо правды тебе не скажу,
Возвращаюсь к тебе, дорогая,
У тебя на пороге лежу.

СЕРГЕЙ
ОРЛОВ

ИЗ ЛИРИЧЕСКИХ ТЕТРАДЕЙ

Уходит женщина. Уходит,
Как солнце с неба, как река
За горизонт по шатким сходимьям
Куги, кувшинок, тростника.
Уходит женщина так просто,
Без слов, без слез, без жалоб прочь,
Как в океане синий остров,
Как день уходит и как ночь.
Естественно, обычно, вечно
Уходит женщина. Не тронь.
Так, уходя, идет навстречу
Кому-то ветер и огонь.
Как ливень с тысячей мелодий
Из поля в новые поля,
Уходит женщина. Ни злоба,
Ни просьбы непонятны ей,
И задержать ее не пробуй,
Остановить ее не смей.
Молить напрасно, звать напрасно,
Бежать за ней — напрасный труд...
Уходит, и ее, как праздник,
Уже, наверно, где-то ждут.

* * *

Две крутых соболилки
Над рекой-синевой.
С торжеством и грустинкой
Низкий голос грудной.

Темным вишеньем спелым
Тронут маленький рот.
Золотых, загорелых
Плеч покатых полет.

Словно вверх по ступеням,
На тропе полевой
С ней летит по коленям
Синий ситец волной.

И встает и не сводит
Глаз при встрече народ,
Словно юность проходит,
Словно счастье идет.

* * *

Голос первой любви моей — поздний,
напрасный —

Вдруг окликнул, заставил на миг замереть,
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горячей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первый губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

ДИАЛОГ У НОВОГОДНЕЙ ЕЛКИ

— Что происходит на свете? — А просто зима.

— Просто зима, полагаете вы? — Полагаю.

Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю
в ваши уснувшие ранней порою дома.

— Что же за всем этим будет? — А будет январь.

— Будет январь, вы считаете? — Да, я считаю.

Я ведь давно эту белую книгу читаю,
этот, с картинками вьюги, старинный букварь.

— Чем же все это окончится? — Будет апрель.

— Будет апрель, вы уверены? — Да, я уверен.

Я уже слышал, и слух этот мною проверен,
будто бы в роще сегодня звенела свирель.

— Что же из этого следует? — Следует жить,
шить сарафаны и легкие платья из ситца.

— Вы полагаете, все это будет носиться?

— Я полагаю, что все это следует шить.

Следует шить, ибо, сколько вьюг не кружить,
недолговечны ее кабала и опала.

Так разрешите же в честь новогоднего бала
руку на танец, сударыня, вам предложить!

Месяц серебряный, шар со свечою внутри
и карнавальные маски — по кругу, по кругу!
Вальс начинается. Дайте ж, сударыня, руку
и — раз-два-три, раз-два-три,
раз-два-три, раз-два-три!..

* * *

Светлый праздник бездомности,
тихий свет без огня.
Ощущенье бездомности
августовского дня.

Ощущенье бессменности
пребыванья в тиши
и почти что бессмертности
своей грешной души.

Вот и кончено полностью,
вот и кончено с ней,
с этой маленькой повестью
наших судеб и дней,

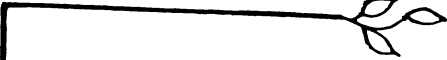
наших дней, перемеченных
торопливой судьбой,
наших двух переменчивых,
наших судеб с тобой.

Полдень пахнет кружением
дальних рощ и лесов.
Пахнет вечным движением
привокзальных часов.

Ощущенье беспечности,
как скольжение на льду.
Запах ветра и вечности
от скамеек в саду.

От рассвета до полночи
тишина и покой.
Никакой будто горечи
и беды никакой.

Только полночь опустится,
как догадка о том,
что уже не отпустится
ни сейчас, ни потом,

что со счета не сбросится
ни потом, ни сейчас
и что с нас еще спросится,
еще спросится с нас.

ПОПЫТКА ОПРАВДАНИЯ

О все эти строки, которые я написал,
и все остальные, которые я напишу —
я знаю, и все они вместе, и эти и те,
не стоят слезинки одной у тебя на щеке.

Но что же мне делать с проклятым моим ремеслом,
с моею бедою, с постылой моей маетою!
И снова уходит земля у меня из-под ног,
и снова расходится слово и дело мое.

Так, может быть, к черту бумагу,
и перья на слом,
и сжечь корабли бесполезной флотилии той!
Но что же мне делать с проклятым моим
ремеслом,
с моею старинной, бессонной моей маетою!

Все бросить, и броситься в ноги, прийти, осушить,
приникнуть губами — все брошу, приду, осушу —
дрожашую капельку, зернышко горькой росы,
в котором растет укоризна и зреет упрек.

О да, укоризна, всемирный разлад и разлом,
все бури и штормы пяти потрясенных морей...
И все-таки что же мне делать с моим ремеслом,
с моею бедою, с бессонною мукой моей!

И вновь меня требует совесть на праведный суд.
И речь тут о сути самой и природе греха.
И все адвокаты на свете меня не спасут —
я сам отвечаю за грешную душу стиха.

И вот я две муки неравных кладу на весы,
две муки, две боли, сплетенные мертвым узлом.
Но капелька эта, но зернышко горькой росы...
И все-таки что же мне делать с моим ремеслом!

О слово и дело, я вас не могу примирить,
и нет искупленья, и нет оправданья греху.
И мне остается опять утешать себя тем,
что слово и есть настоящее дело мое.

Да, дело мое — это слово мое на листе.
И слово мое — это тело мое на кресте.
Свяжи мои руки, замкни мне навечно уста —
но я ведь и сам не хочу, чтобы сняли с креста.

О слово и дело, извечный разлад и разлом.
Но этот излом не по-детски сведенных бровей!..
Так что же мне делать с проклятым моим
ремеслом,
и что же мне делать с горчайшей слезинкой твоей!

ВАСИЛИЙ КУЛЕМИН

СВИДАНЬЕ

Мы были, как две молнии,
С тобой
Еще одной не спаяны.
Судьбой.

Дома к нам плыли
Пятнами огней,
Подобьем
Океанских кораблей.

В дожде дома,
И улицы в дожде,
И от него
Не скроешься нигде.

А ты примчалась
Вовсе налегке.
И все тепло
Лишь в шерстяном платке.

И тот намок.
И плечи тяжелил.
А дождик лил,
Немилосердно лил.

Спасение!
О память, воскреси
То давнее
Апрельское такси!

Мне молчаливый
Пожилой шофер
Все видится, бедняга,
До сих пор.

Он, правда, грубовато
Принял нас.
Он не за тех сначала
Принял нас.

Мне светят
За грядую трудных дней
Огни продолговатых фонарей.

В размывах окна.
Тумбочки в грязи.
И это безмаршрутное
Такси.

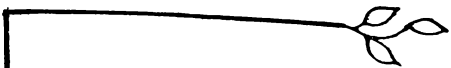
На нем прошли мы
Миллионы верст.
Доехали
Сквозь дождь до самых звезд.

И пусть смешно,
Но это вспомнил я:
Осталась там
Стипендия моя.

Но стал я вдруг
Богатым на года.
Таким уже
Не буду никогда.

Пришло оно в тот вечер
Не на миг,
Богатство губ
С шершавинкой твоих,

Богатство глаз,
Богатство тонких рук,

Богатство слов,
Не высказанных вслух.

ГЛАЗА

Я видел их веселыми и грустными,
Я видел их суровыми и нежными,
Я видел их широкими и узкими,
Я тихими их видел и безбрежными,
Мятущимися, а порой и злыми.

Не дай же бог
Увидеть их чужими...

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

* * *

Как без вести пропавших ждут,
меня ждала жена.
То есть надежда, то слеза
без спросу упадет.
Давно уж кончилась война,
и не моя вина,
что я в разлуке целый год,
что столько горестных забот.

Жестка́ больничная кровать,
жестка и холодна.
А от нее рукой подать
до светлого окна;
там за полночь не спит жена,
там стук машинки, скрип пера.
Кончай работу, спать пора,
мой друг, моя помощница,
родная полуночница.
Из-за стола неслышно встала,
сняла халат, легла в постель.
Я от нее за три квартала,
а не за тридевять земель,
я, как в окопе заметенном,
своей тревоги начеку,
привыкший к неутошным стонам,
к мерцающему ночнику,
лежу, прислушиваясь к вьюге,
глаза усталые смежив,

тяжелые раскинув руки,
еще не веря в то, что жив.
Но мне домой уйти нельзя:
трудна, длинна моя дорога;
меня бы увезли друзья,
их у меня на свете много,
но не под силу всем друзьям
меня отсюда взять до срока.
Жду. Выкарабкиваюсь сам.
От счастья, как от звезд, далеко.
Но приближается оно,
когда ко мне жена приходит,
в больничный садик дочь приводит,
стучит в больничное окно.
Ее несчастье не сломило,
суровой сделало чуть-чуть!
Какая в ней таилась сила!
Мне легче с ней и этот путь.
Пусть кажешься со стороны ты
скупой на ласки, слезы, смех,—
любовь от глаз чужих укрыта,
и нежность тоже не для всех.
Но ты меня такую верой
в печальный одарила час,
что стал я мерить новой мерой
любовь и каждого из нас.
Ты облегчила мои муки,
все вынести мне помогла.
Приблизила конец разлуки,
испепеляющей дотла.
Благославляю чистый, чудный,
душа, твой отблеск заревой,
мы чище стали в жизни трудной,
сильнее — в жизни горевой.
И все, что прожито с тобою,
все, что пришлось нам пережить,
не так-то просто гробовую
доской, родная, задушить.

ГРИГОРИЙ ПОЖЕНЯН

* * *

Г. К.

— Что вы сказали?
— У меня роман...
— Роман?!
— А что ж...
— Роман, подобный грому?!
— А может, он сродни аэродрому,
с которого уходят на таран.
А может, в полдень вспыхнувший пожар
в бору, звенящем от сухого зноя.
Никто не знает, что это такое.
Но неземной плывет воздушный шар.
Плывет легко и плавно над паромом,
над колокольней,
облаком
и громом,
над завистью,
неверием,
тщетой,
пронизанный щемящей высотой...
Да, у меня роман с моей женой.
И кажутся таинственнее двери,
смешнее и нелепее — потери,
когда ее дыхание за спиной.

Как я просто когда-то, без звука,
без излишних вопросов, не споря,
соглашался уплыть и уехать,
лишь бы только добраться до моря.
Ты спокойной была и тревожной,
ты на редкость была терпелива
и просила меня, если можно,
помнить берег в минуты отлива.
Я тебе в пол-литровой бутылке
привозил океанскую воду,
мы с тобой расставались на месяц,
а порой не видались по году.
И опять: по друзьям,

по знакомым,

словно взятые на поруки...
Ни стола, ни тепла и ни дома.
Лишь матросский бушлат да разлуки.
Но остались летящие трубы
уходящего в море эскорта,
но остались тревожные губы
над чужими улыбками порта,
радость первого тепла лета,
растопившая беды и снежность,—
эта детская, синего цвета
глаз твоих виноватая нежность.

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

ПРОЩАНИЕ С КАРМЕН

Мы встретимся?
Быть может... Но не скоро...
Темны, как ночь, цыганские дела...
Кармен, Кармен! Любовь тореадора!
Как хорошо, Кармен, что ты ушла!

Теперь-то я припомню все подробно,
Как ты плясала, веер теребя,
Притопывая маетно и дробно,
Все время отрешаясь от себя.

Как из меня хотела сделать франга,—
Но, вопреки роскошествам тряпья,
Претила мне такая контрабанда
И суетность цыганская твоя.

Ты помнишь ту последнюю корриду,
В кровавой пене пегие бока?
Тебе казалось,
Больше я не выйду
Со шпагой и мулетой на быка.

Донашиваю все, что подарила,
Все то, чем покорила,
Завлекла,—
И пегий бык опять заходит с тыла,
Чтоб выбить пикадора из седла.

В загривок шпагу наискось продену
И уцелею всем смертям назло,—
И пусть из-за барьера на арену
Глядят контрабандисты тяжело.

Они тебя глазами раздевали
И недоумевали от души.
Красавица?
Быть может... Но едва ли...!
Вот камни в серьгах, правда, хороши!

* * *

Ты не напрасно шла со мною,
Ты, увереньями дразня,
Как притяжение земное,
Воздействовала на меня.

И я вдыхал дымок привала,
Свое тепло с землей деля.
Моей судьбой повелевала
Жестокосердная земля.

Но я добавлю, между прочим,
Что для меня, в расцвете сил,
Была земля — столом рабочим,
Рабочий стол — землю был.

И потерпел я поражение,
Остался вне забот и дел,
Когда земное притяженье
Бессмысленно преодолел.

Но ты опять меня вернула
К земле рабочего стола.
Хочу переводить Катутлла,
Чтоб ты читать его могла.

* * *

Все разошлись и вновь пришли,
Опять уйдут, займутся делом.
А я ото всего вдали
С тобою в доме опустелом.

Событья прожитого дня,
И очереди у киоска,
И вести траурной полоска —
Не существуют для меня.

А я не знаю ничего,
И ничего не понимаю,
И только губы прижимаю
К подолу платья твоего.

* * *

Мне комнаты в привычку обживать,
Но не могу никак обжить вот эту, —
Скольжу по навощенному паркету
И падаю на смятую кровать.

Не то чтобы сомненье одолело,
Не то чтобы мерещились враги, —
А не могу обжить — такое дело!
Перешагни порог

и помоги.

* * *

Зачем, зачем нам обживать
Смешную эту комнатушку —
Такую узкую кровать,
Такую жесткую подушку,
Глаза на правду закрывать,
Безумье называть судьбою?..
Зачем, зачем нам обживать,
Когда не жить, не жить с тобою?..

* * *

Как же мог умолчать я об этом,
■ Столько слов понапрасну губя,
Если беды мои рикошетом
Прежде всех попадали в тебя.

Повстречавшись впервые с тяжелой
Ниоткуда пришедшей бедой,
Ты красивой была и веселой,
Ты была молодой-молодой.

Падал я под раскатами боя,
За ошибки платил по счетам,—
Все обиды мои за тобою,
Неотступные, шли по пятам.

Каждой раной, царапиной каждой
Искажало родные черты.
В дни, когда изнывал я от жажды
Изнывала от жажды и ты.

Но у жизни просил я участия
И надеялся из года в год,
Что осколок случайного счастья
Рикошетом в тебя попадет.

Ты кормилась бедой и обидой,
Кровь и пот отирала с чела,
И сегодня тому не завидуй,
Кто счастливым казался вчера.

* * *

Я хочу сообщить хоть немного простых,
Но тобой позабытых истин,
Смысл которых тебе ненавистен...

Будет холодно в доме от комнат пустых,
И на тысячи прочих домов холостых
Будет наше жилище похоже.
Если стужа — мурашки по коже.
Ну, а если июль, ну, а если жара,
Это значит — по стенам над копотью ламп
Будет тени большие бросать мошкара,
Будет хаос...
А я загну его в ямб.
Буду счастлив. И пронумерую листы.
Ну, а ты? Ну, а ты? Ну, а ты?

Я умру под колесами жизни своей кочевой,
Голос твой мне почудится перед атакой.
Будут сборы в дорогу, и споры, и пар над Невой,
Будет многое множество всячины всякой.
Сквозняков будет столько же, сколько дверей,
Будет хаос...
А я его втисну в хорей.
Буду счастлив. А ты? Отвечай!
Головой не качай.
Я, конечно, не все досказал...
Будет в семечках потный вокзал.

Кипятильник. Слегка недоваренный чай.
Ожиданья.
Но не будет проклятого слова «прощай»...
Ты меня не прощай!
До свиданья!

БУЛАТ
ОКУДЖАВА

* * *

Тьмою здесь все занавешено
и тишина как на дне...
Ваше величество женщина,
да неужели — ко мне?

Тусклое здесь электричество,
с крыши сочится вода.
Женщина, ваше величество,
как вы решились сюда?

О, ваш приход — как пожарище.
Дымно, и трудно дышать...
Ну, заходите, пожалуйста.
Что ж на пороге стоять?

Кто вы такая? Откуда вы?
Ах, я смешной человек...
Просто вы дверь перепутали,
улицу, город и век.

ЧУДЕСНЫЙ ВАЛЬС

Ю. Левитанскому

Музыкант в лесу под деревом
наигрывает вальс.
Он наигрывает вальс
то ласково, то страстно.

* * *

Не бродяги, не пропойцы,
за столом семи морей
вы пропойте, вы пропойте
славу женщине моей!

Вы в глаза ее взгляните,
как в спасение свое,
вы сравните, вы сравните
с близким берегом ее.

Мы земных земней.

И вовсе
к черту сказки о богах!
Просто
мы на крыльях носим
то, что носят на руках.
Просто
нужно очень верить
этим синим маякам,
и тогда неожиданный берег
из тумана выйдет к вам.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

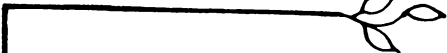
* * *

Наверное, дождик прийти помешал.
А я у пустого сквера
Тебя до двенадцати ночи ждал
И ждал терпеливо в первом.
Я все оправданий тебе искал:
«Вот если бы дождик не был!..»
И если была какая тоска —
Тоска по чистому небу.
Сегодня тебе никто не мешал.
А я у того же сквера
Опять до двенадцати ночи ждал,
Но с горечью понял в первом:
Теперь оправданий нельзя искать —
И звезды и небо чисто.
И если крепка по тебе тоска,
Тоска по дождю — неистова!

МНЕ СТРАННО ЗНАТЬ...

Мне странно знать, что есть на свете,
Как прежде, дом с твоим окном.
Что ты на этой же планете
И даже в городе одном.

Мне странно знать, что тот же ясный
Восток в ночи заголубел,
Что так же тихо звезды гаснут,
Как это было при тебе.

Мне странно знать, что эти руки
Тебя касались. Полно, нет!
Который год прошел с разлуки?
Седьмая ночь... Седьмой рассвет...

БЛАГОДАРСТВУЙТЕ, СУДАРЫНЯ!

Не ходить путями старыми,
Новых вовсе не торить.
Благодарствуйте, сударыня,—
Буду нынче говорить.
Все, что было нам подарено,
Утекает, как вода,
Благодарствуйте, сударыня,
За последние года.
Сколько свету разбазарено,
Дóгорают угольки.
Благодарствуйте, сударыня,
За последние деньки.
Доставалась как в угаре нам
Радость девичьей красы.
Благодарствуйте, сударыня,
За последние часы.
Вот уже косою ударено,
Покачнулась трын-трава.
Благодарствуйте, сударыня,
За последние слова.
Никнет пламя, меркнет зарево,
Опускается стекло.
Благодарствуйте, сударыня,
За последнее тепло.
Было много мне подарено:
Север, Запад, Юг, Восток,
Благодарствуйте, сударыня,
За последний лепесток.
Благодарствуйте и царствуйте,
Вспоминайте иногда.
Даже это «благодарствуйте»
Утекает как вода.

СЕРГЕЙ ДАВИДОВ

НАД СВИРЬЮ

Зое

Милая моя женщина,
я не писал о том,
как благодарен вечно
рекам, покрытым льдом.
Тропке в Лодейном Поле,
синей над ней звезде,
сцене в притихшей школе,
шепоту в темноте.
Густо дымящей печке,
полной живых углей,
я благодарен вечно —
пряталась ты за ней.
Выплыли твои очи —
в них угольки и смех:
строчки свои до точки
я позабыл навек!..
Пахнет зарей холодной
или весной щека?
Грузные льды колола
грозная Свирь-река.
Чайка неслась над ширью.
В страхе подумал я:
вдруг ты взлетишь над Свирью
и не вернуть тебя...
Вот ты, раскинув руки,
тихо взошла на лед.
Я побежал в испуге,
не отпустил в полет...

Делишь со мною годы.
 Счастье тебе
 иль плен?
 Страшно лишить полета —
 и ничего взамен...

МИНУТА

Что было меж нами давно и недавно—всего не расскажешь,
 углы не разгладишь, тугие узлы не развяжешь,
 зато отпечатались в бережной памяти резко
 тропинка Усть-Нарвы, зеленые ночи Смоленска.
 «Впусти меня в дом свой!»— и ты меня сразу
 впустила,
 и мне той минуты до этого часа хватило!
 «Вся жизнь — на тебя...»— упрекаешь подчас
 почему-то,
 но что горевать — продолжается наша минута.
 Пусть время меняет характеры, лица, маршруты —
 все годы — как доли, как дробь той самой минуты.
 Пустыми ночами иль хмурыми вздорными днями
 как ангел-хранитель она все дежурит над нами.
 И если бывает особенно пусто и горько,
 она стережет нас особенно нежно и зорко...

* * *

Идет-гудет поэзия лавиной,
 но снова нет ни слова о любви.
 Любимая, хочу тебя любимой,
 такую, как заметил меж людьми.

Такою, как с горы ко мне бежала,
 такою, как вела меня скорей
 от старенького Свирского вокзала
 до комнатки девической своей.

За шторой—звездной ночи полыханье,
в печи — огней малиновых игра.
И снова не хватает нам дыханья,
дыханья не хватает до утра.

Река всю ночь трубила оголтело,
толкала белый лед на берега,
но в жилах кровь еще сильнее гудела,
как сосны, как метели, как река...

И ничего не стихло, не погасло,
еще я расскажу о той зиме.
А ты не отговаривай напрасно —
ведь ничего нет лучше на земле!

НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ

* * *

Бросила халат на спинку стула.
Погасила в комнате огонь.
И легла. И сладким сном уснула,
Подложив под голову ладонь.

Спишь ты, от московской жизни гулкой,
Ото всех забав отрешена...
Пусть в твоём Тишинском переулке
Ночью торжествует тишина.

Тишина заснеженной вершины...
Тихо! Не галдите, москвичи.
Не шуршите шинами, машины,
И, трамвай, вдали не грохочи.

Тише, тише! Говорю вам, тише!
Тише, ветер, в проводах не вой.
Майский ливень, не стучи по крыше.
Тополя, не хлопайте листвою.

Что там за чудак бредет? Грохочет,
Будто бы подковами копыт.
Неужели он понять не хочет,
Что моя единственная спит?

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

* * *

Все было стойким зноем залито,
К утру не охлаждался дом.
Нам сдали комнату лишь на лето,
Найдем ли что-нибудь потом?

Заката длительное зарево
В окошках множило огни.
На дачу выбрались хозяева.
Вот и остались мы одни.

Твое зардевшееся личико,
И рассудительность в речах,
И от девического лифчика
Полоски на твоих плечах.

* * *

Прямо в наше окно
Веет ветер с газона.
Поздний вечер — и ты
Улыбаешься сонно.

На тебя в тишине
Оглушающе-звонко
Сон обрушился вдруг,
Как порой на ребенка.

Непослушной рукой
Ты подушки взбиваешь,
Что-то хочешь сказать,
Но тотчас забываешь.

Что-то хочешь спросить,
Но, объятая ленью,
Видишь смутно меня
Где-то там, в отдаленье.

Улыбаешься мне
Из последних усилий.
Закрываешь глаза —
Будто свет погасили.

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Что же, значит, и впрямь не вернешься?
Значит, вместе уж нам не бывать?
Как ты хмуришься, как ты смеешься?
Я лицо твое стал забывать.

Стал лицо забывать!

Из тумана

Только грустный твой взгляд... Погоди...
Все забудется поздно иль рано,
Только боль сохранится в груди.

2

Сколько раз от неловкого слова
На твои на большие глаза
От сухого, от черствого слова
Вдруг накатывалась слеза.

Взгляд открытый, печальные губы...
Как боюсь я, в разлуке скорбя,
Чтоб никто не сказал тебе грубо,
Чтоб никто не обидел тебя.

3

Рассудку вопреки,
Я верю, верю, верю,—

Хоть знаю, что не быть
Уж этому, — и все ж! —
Промчится много лет,
Однажды скрипнут двери
И сзади, не дыша,
Ты мне глаза зажмешь...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Окно. Чья тень за шторкою окна?
То мать ее? Иль, может быть, она?
Вхожу.

— Кого вам? Уж который год
Она в квартире этой не живет!

Сосед в очках, сосед лохмат и строг.
Я, уходя, споткнулся о порог...
Сияют звезды, шумен ближний сад.
Где ты?

Откликнись!

Я пришел назад!

* * *

Мне не сойти с привычной колеи...
Чтоб дать мне пить, встает в одной рубахе
Та женщина, что знает все мои
Безумия, сомнения и страхи.
К стакану губы я во тьме тяну
И сплю. Но, одеяла край бросаю
На пол, я вновь зову ее. Одну.
И вновь ко мне она идет босая.
Кричу. Но засыпаю и во сне
Поймать опять хочу обрывок нити.
Она одна все знает обо мне —
Коль надо будет что, ее спросите.

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

* * *

Но как мы встретимся — чужими?
Так, что и нечего сказать,
Чем жили мы, о чем тужили,
Чем сердце занято опять?
Все это было б очень просто,
Когда бы были мы одни.
Но берега, но дом у моста,
О чем подумают они?
Что скажут липы и заборы,
Бульжник и его трава,
Запомнившие наши ссоры,
И поцелуи, и слова?
Где словно в песне — строчка к строчке,
Твой след у моего следа,
Вдруг не вдвоем, поодиночке,
Как мы появимся тогда!

* * *

Вот пройдуся я по бульвару по Тверскому,
Холод трубки телефонной растоплю.
Треску в проводе и голосу чужому
Имя той скажу, которую люблю.

Подойдет. И, ни о чем не вспоминая,
Не жалея, не ревнуя, не виня,
Я спрошу ее: «Любимая, родная,
Хорошо тебе живется без меня?»

* * *

Под черной липой, на исходе встречи,
Сядь ближе — на таком сыром ветру.
Я на твоё молчанье не отвечу
Лишь оттого, что слов не подберу.

Каких-то слов... Простых, как это чудо
Листвы, бушующей с дождем в борьбе.
...Я никогда тебя не позабуду,
Не перестану думать о тебе...

Песок в листве. В вершинах ходит ветер.
Спешишь домой? Прощай. Но шаг твой тих.
Зачем следы твои не листья эти,
Я б мог сберечь тогда хоть два из них!

Я полон весь приметами твоими.
Ты вся со мною, как ни уходи.
В ночи, в пути — искать я буду имя
Теснящемуся у меня в груди.

И как мне знать — слова придут откуда.
А ты откуда у меня в судьбе?
...Я никогда тебя не позабуду,
Не перестану думать о тебе...

* * *

Нет сил никаких улыбаться,
Как раньше с тобой говорить,
На доброе слово сдаваться,
Недоброе слово хулить.

Я все тебе отдал. И тело
И душу — до крайнего дня.
Послушай, куда же ты дела,
Куда же ты дела меня!

На узкие листья рябины,
Шумя, налетает закат,
И тучи на нас, как руины
Воздушного замка, летят.

ВЕНОК

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове
Возле одной из церквей.
Там не признал этой росстани
Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, порослях,
Не позабыв ничего,
Как удивительно в паузах
Воздух поет за него.

Как он ликует божественно
Там, где у розовых верб
Тень твоя, милая женщина,
Нежно идет на ущерб.

Истина не наказуема.
Ты указала между.
Я ни о чем не скажу ему,
Я ни о чем не скажу.

Видишь, за облак барашковый,
Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый
Неповторимый венец.

АНАТОЛИЙ
ЖИГУЛИН

* * *

И. Н.

Две родинки, две отметинки
На груди у тебя,
На плече.

Две веселые бересклетинки
Отразились в лесном ручье...

Как легко и просторно осенью
В этом гулком, пустом лесу!
Хочешь, я тебя через просеку
На одной руке понесу?..

На коряжины,
На колдобины
Листья падают сквозь тишину...
Я в глазах твоих заколдованных
Растворюсь сейчас,
Утону.

ГАДАНИЕ

Смешное древнее искусство,
Пустая вера в чудеса!..
В мою ладонь ты смотришь грустно.
А я смотрю в твои глаза.

И в них, печальных и усталых,
Сквозь пелену былых обид
Лукавства маленький кристаллик
Легко и весело дрожит...

Гадай, пожалуйста. Вот руки.
Судьбу неясную зови.
Смотри, как линия разлуки
Подходит
К линии
Любви.

ИРИНЕ

В тумане плавают осины.
И холм маячит впереди.
Неудивленно и несильно
Дрожит душа в моей груди.

Вот так, наверно, и застыну,
И примет мой последний взгляд
Морозом схваченную глину
И чей-то вырубленный сад.

Издалека, из тьмы безгласной,
Где свет качается в окне,
Твой лик, печальный и неясный,
На миг приблизится ко мне.

Уже без вдоха и без мысли
Увижу я сквозь боль и смерть
Лицо, которое при жизни
Так и не смог я рассмотреть.

АЛЕКСЕЙ
ПРАСОЛОВ

* * *

Когда бы все, чего хочу я,
И мне давалось, как другим,
Тревогу темную, ночную
Не звал бы именем твоим.

И самолет, раздвинув звезды,
Прошел бы где-то в стороне,
И холодком огромный воздух
Не отозвался бы во мне.

От напряженья глаз не щуря,
Не знал бы я, что пронеслось
Мгновенье встречи — черной бурей
Покорных под рукой волос.

Глаза томительно-сухие
Мне б не открыли в той судьбе,
Какие жгучие стихи
Таишь ты сдержанно в себе.

Все незнакомо, как вначале:
Открой, взглядишь и разреши!..
За неизведанностью дали —
Всг неизведанность души.

И подчиняться не умея
Тому, что отрезвляет нас,
И слепну в медленном огне я,
И прозреваю каждый час.

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

* * *

Ничего не случится...
Цветы не возникнут до срока.
Не ударит гигантская молния
в сердце Земли,
не проснется король
в апельсиновом царстве Марокко,
не придут под окно
на стальных животах корабли;
будет поезд идти
из Иванова в город Владимир,
телеграммы скользить
по висящим в дожде проводам;
ничего не случится
с умеющим быть невредимым;
алым дымом заря
все равно пробежит по кустам...
Не заплачет слезами
раздетая статуя в парке,
не вернется Шалапин
в Россию из странствий своих,
не ударит по трубам
печаль из глубин кочегарки,
если кто-то разлюбит из нас...
Из двоих.
Ничего не случится!
Любви оставаться — живою:
над рекою — расстались,
над озером — встретились двое!

ЛЕОНИД
ЗАВАЛЬНЮК

НИКОГДА

В светлую минуту излечения,
В час, когда развеялась беда,
Первый раз открылось мне значенье
Тягостного слова: н и к о г д а.
Вся тоска, не ставшая любовью,
До которой больше не дойти,
Обернулась неизбывной болью,
Раной недопетого пути.
О незавершенные походы!
Рок меня согрел и обласкал.
Было мне везенье. И похоже,
Что нашел я больше, чем искал.
Но, легко шагая по планете,
Повторять я буду без конца:
Никогда уж мне на этом свете
Не увидеть твоего лица —
Ни в улыбке радостной, ни злого...
Все сметают версты и года.
Нет тебя.
Осталось только слово
Горьким откровеньем:
Н и к о г д а!

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

* * *

Я уехал от весны,
от весенней кутерьмы,
от сосулечной
апрельской
очень мокрой
бахромы.

Я уехал от ручьев,
от мальчишечьих боев,
от нахохлившихся почек
и нахальных воробьев,
от стрекота сорочьего,
от нервного брожения,
от головокружения
и прочего,
и прочего...

Отправляясь в дальний путь
на другой конец страны,
думал:
«Ладно!
Как-нибудь
проживем и без весны...
Мне-то, в общем, все равно —
есть она
иль нет ее.
Самочувствие мое
будет неизменным...»

АЛЕКСЕЙ РЕШЕТОВ

* * *

Нет, ты любовью не зови
То, что на самом деле было
Простым предчувствием любви:
Не замело, не ослепило.
Ведь на пустой осенний берег
И воду черную у берега
Сначала падает не снег,
А только слабый запах снега.

* * *

Родная! Опять високосная стужа
Хватает за горло средь белого дня.
Пойди за меня, назови меня мужем.
Вдвоем веселее.

Пойди за меня!

Я буду вставать далеко до восхода
И ну — за работу, судьбу не кляня,
Я буду кормить тебя ивовым медом
И хлебом пшеничным.

Пойди за меня!

Не варит мне матушка зелья —
забыться,

Не дарит мне батюшка резва коня —
Лететь и лететь во весь дух

и разбиться

О камень горячий.

Пойди за меня!

СТАНИСЛАВ
КУНЯЕВ

* * *

Все забыть и опять повстречаться,
от беды и обиды спасти,
и опомниться, и обвенчаться,
клятву старую произнести.

Чтоб стояла ты в свадебном платье
и звучала негромкая речь:
— И в болезни, и в горе, и в счастье
я тебя обещаю беречь!

И опять мы с тобой молодые.
А вокруг, с синевою у глаз,
с потемневших окладов святые
удивляются, глядя на нас.

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

* * *

Когда взошло твое лицо
над жизнью скомканной моею,
вначале понял я лишь то,
как скучно все, что я имею.

Но рощи, реки и моря
оно особо осветило
и в краски мира посвятило
непосвященного меня.

Я так боюсь, я так боюсь
конца нежданного восхода,
конца открытий, слез, восторга,
но с этим страхом не борюсь.

Я понимаю — этот страх
и есть любовь, его лелею,
хотя лелеять не умею,
своей любви небрежный страж.

Я страхом этим взят в кольцо.
Мгновенья эти — знаю — кратки,
и для меня исчезнут краски,
когда зайдет твое лицо...

Ты начисто притворства лишена,
когда молчишь со взглядом напряженным,
как лишена притворства тишина
беззвездной ночью в городе сожженном.

Он, этот город,— прошлое твое.
В нем ты почти ни разу не смеялась,
бросалась то в шитье, то в забытье,
то бунтовала, то опять смирялась.

Ты жить старалась из последних сил,
но, отвергая все живое хмуро,
он, этот город, на тебя давил
угрюмостью своей архитектуры.

В нем изнутри был заперт каждый дом.
В нем было все недобро умудренным.
Он не скрывал свой тягостный надлом
и ненависть ко всем, кто не надломлен.

Тогда ты ночью подожгла его,
испуганно от пламени метнулась,
и я был просто первым, на кого
ты, убегая, в темноте наткнулась.

Я обнял всю дрожавшую тебя,
и ты ко мне безропотно прижалась,
еще не понимая, не любя,
но, как зверек, благодаря за жалость.

И мы с тобой пошли... Куда пошли?
Куда глаза глядят. Но то и дело
оглядывалась ты, как там, вдали,
зловеще твое прошлое горело.

Оно сгорело до конца, дотла.
Но с той поры меня одно тиранит:
туда, где неостывшая зола,
тебя, как зачарованную, тянет.

И вроде ты со мной, и вроде нет,
на самом деле я тобою брошен.
Неся в руке голубоватый свет,
по пепелищу прошлого ты бродишь.

Что там тебе? Там пусто и темно!
О, прошлого таинственная сила!
Ты не могла любить его само,
ну а его руины — полюбила.

Могущественны пепел и зола.
Они в себе, наверно, что-то прячут.
Над тем, что так отчаянно сожгла,
по-детски поджигательница плачет.

* * *

Качался старый дом, в хорал слáгая скрипы,
и нас, как отпевал, отскрипывал хорал.
Он чуял, дом-скрипун, что медленно и скрытно
в нем умирала ты, и я в нем умирал.

«Постойте умирать!» — звучало в ржанье с луга,
в протяжном вое псов и сосенной волшбе,
но умирали мы навеки друг для друга,
а это все равно, что умирать вообще.

А как хотелось жить! По соснам дятел чокал,
и бегал еж ручной в усадебных грибах,
и ночь плыла, как пес, косматый, мокрый, черный,
кувшинкою речной держа звезду в зубах.

Дышала мгла в окно малиною сырою,
а за моей спиной — все видела спина! —
с платоновскою Фро, как с найденной сестрою,
измученная мной, любимая спала.

Я думал о тупом несовершенстве браков,
о подлости всех нас — предателей, врунов,

ведь я тебя любил, как сорок тысяч братьев,
и я тебя губил, как столько же врагов.

Да, стала ты другой. Твой злой прищур нещаден,
насмешки над людьми горьки и солонны.
Но кто же, как не мы, любимых превращает
в таких, каких любить уже не в силах мы?

Какая же цена ораторскому жару,
когда, расшвыряв вдрызг по сценам и клише,
хотел я счастье дать всему земному шару,
а дать его не смог — одной живой душе?!

Да, умирали мы, но что-то мне мешало
уверовать в твое, в мое небытие.
Любовь еще была. Любовь еще дышала
на зеркальце в руках у слабых уст ее.

Качался старый дом, скрипел среди крапивы,
и выдержку свою нам предлагал взаймы.
В нем умирали мы, но были еще живы.
Еще любили мы, и, значит, были мы.

Когда-нибудь потом (не дай мне бог, не дай мне!),
когда я разлюблю, когда и впрямь умру,
то будет плоть моя, ехидничая втайне,
«Ты жив!» мне по ночам нашептывать в «ару.

Но в суете страстей, печально поздний умник,
внезапно я пойму, что голос плоти лжив,
и так себе скажу: «Я разлюбил. Я умер.
Когда-то я любил. Когда-то я был жив».

* * *

Я разлюбил тебя... Банальная развязка.
Банальная, как жизнь, банальная, как смерть.
Я оборву струну жестокого ромansa,
гитару пополам — к чему ломать комедь!

Лишь не понять щенку — лохматому уродцу,
чего ты так мудришь, чего я так мудрю.
Его впущу к себе — он в дверь твою скребется,
а вступишь ты его — скребется в дверь мою.

Пожалуй, можно так с ума сойти, метаясь...
Сентиментальный пес, ты попросту юнец.
Но не позволю я себе сентиментальность.
Как пытку продолжать — затягивать конец.

Сентиментальным быть не слабость — преступленье,
когда размякнешь вновь, наобещаешь вновь
и пробуешь, кряхтя, поставить представленье
с названием тупым «Спасенная любовь».

Спасать любовь пора уже в самом начале
от пылких «никогда!», от детских «навсегда!»
«Не надо обещать!» — нам поезда кричали.
«Не надо обещать!» — мычали провода.

Надломленность ветвей и неба задымленность
предупреждали нас, зазнавшихся невежд,
что полный оптимизм — есть неосведомленность,
что без больших надежд — надежней для надежд.

Гуманней не твердить «люблю», когда ты любишь,
допрежь чем их надеть, — таков закон вериг.
Не обещать небес, но дать хотя бы землю.
До гроба не сулить, но дать хотя бы миг.

Гуманней не твердить «люблю», когда ты любишь,
Как тяжело потом из этих самых уст
услышать звук пустой, вранье, насмешку, грубость,
и ложно полный мир предстанет ложно пуст.

Не надо обещать... Любовь — неисполнимость.
Зачем же под обман вести, как под венец?
Виденье хорошо, пока не испарилось.
Гуманней не любить, когда потом — конец.

Скулит наш бедный пес до умопомраченья,
то лапой в дверь мою, то в дверь твою скребя.
За то, что разлюбил, я не прошу прощенья.
Прости меня за то, что я любил тебя.

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ОЗА

(Из поэмы)

Аве, Оза. Ночь или жилье,
псы ли воют, слизывая слезы,
слушаю дыхание Твое.
Аве, Оза...

Оробело, как вступают в озеро,
разве знал я, циник и паяц,
что любовь — великая боязнь?
Аве, Оза...

Страшно — как сейчас тебе одной?
Но страшнее — если кто-то возле.
Черт тебя сподобил красотой!
Аве, Оза!

Вы, микробы, люди, паровозы,
умоляю — бережнее с нею.
Дай тебе не ведать потрясений.
Аве, Оза.

Противоположности светло.
Дай возьму всю боль твою и горечь.
У магнита я — печальный полюс,
ты же — светлый. Пусть тебе светло.

Дай тебе не ведать, как грущу.
Я тебя не огорчу собою.
Даже смертью не обеспокою.
Даже жизнью не отягощу.

Аве, Оза...

VIII

Выйду ли к парку, в море ль плыву —
туфельек пара стоит на полу.

Левая к правой набок припала,
их не поправят — времени мало.

В мире не топлено, в мире ни зги,
вы еще теплые, только с ноги.

В вас от ступни потемнела изнанка,
вытерлось золото фирменных знаков...

Красные голуби просо клюют.
Кровь кружит голову — спать не дают!

Выйду ли к пляжу — туфельек пара,
будто купальщица в море пропала.

Где ты, купальщица? Вымыты пляжи.
Как тебе плавается? С кем тебе пляшется?..

...В мире металла, на черной планете,
сентиментальные туфельки эти,

как перед танком присели голубки —
нежные туфельки в форме скорлупки!

IX

Друг белокурый, что я натворил!
Тебя не опечалят строки эти?
Предполагая

подарить бессмертие,
выходит, я погибель подарил.

Фельдфебель, олимпийский эгоист,
какой кретин скатился до приказа:
«Остановись, мгновенье. Ты — прекрасно?!»
Нет, продолжайся, не остановись!

Зачем стреножить жизнь, как конокрад?
Что наша жизнь?

Взаимопревращенье.

Бессмертье ж — прекращенное движенье,
как вырезан из ленты кинокадр.

Бессмертье — как зверинец меж людей.
В нем стонут Анна, Оза, Беатриче...
И каждый может, го́гоча и тыча,
судить тебя и родинки глядеть...

Какая грусть — не видеться с тобой,
какая грусть — увидеться в толкучке,
где каждый хлюст, вонзив клешни, толкуя,
касается тебя — какая боль!

Ты-то простишь мне боль твою и стон.
Ну, а в душе кровавые мозоли?
Где всякий сплетник, жизнь твою мусоля,
жует бифштекс над этим вот листом!

Простимся, Оза, сквозь решетку строк...
Но кровь к вискам бросается, задохшись,
когда живой, как бабочка в ладошке,
из телефона бьется голосок...

ИСПОВЕДЬ

Ну что тебе надо еще от меня?
Чугунна ограда. Улыбка темна.
Я музыка горя, ты музыка лада,
ты яблоко ада, да не про меня!

На всех континентах твои имена
прославил. Такие отгрохал лампы!
Ты музыка счастья, я нота разлада.
Ну что тебе надо еще от меня?

Смеялась: «Ты ангел?» — я лгал, как змея.
Сказала: «Будь смел» — не вылезил из спален.

Сказала: «Будь первым» — я стал гениален.
Ну что тебе надо еще от меня?

Исчерпана плата до смертного дня.
Последний горит под твоим снегопадом.
Был музыкой чуда, стал музыкой яда,
ну что тебе надо еще от меня?

Но и под лопатой спую, не вина:
«Пусть я удобренье для божьего сада,
ты — музыка чуда, но больше не надо!
Ты случай досады. Играй без меня».

И вздрогнули складни, как створки окна.
И вышла усталая и без наряда.
Сказала: «Люблю тебя. Больше нет сладу.
Ну что тебе надо еще от меня?»

САГА

Ты меня на рассвете разбудишь,
проводить необутая выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь.
Ты меня никогда не увидишь.

Заслонивши тебя от простуды,
я подумаю: «Боже всевышний!
Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

Эту воду в мурашках запруды,
это Адмиралтейство и Биржу
я уже никогда не забуду
и уже никогда не увижу.

Не мигают, слезятся от ветра
безнадежные, карие вишни.
Возвращаться — плохая примета.
Я тебя никогда не увижу.

Даже если на землю вернемся
мы вторично согласно Гафизу,
мы, конечно, с тобой разминемся.
Я тебя никогда не увижу.

И окажется так минимальным
наше непониманье с тобою
перед будущим непониманьем
двух живых с пустотой неживою.

И качнется бессмысленной высью
пара фраз, залетевших отсюда:
«Я тебя никогда не забуду.
Я тебя никогда не увижу».

ВЛАДИМИР КОСТРОВ

* * *

На исходе весеннего дня
воздух родины сладок для вздоха.
Если ты понимаешь меня,
наше дело не так уж и плохо.

Не потеряно счастье для нас,
даже годы природа скостила.
У твоих магнетических глаз
беспокойная, древняя сила.

Эта русая прядь на виске!
Эта кожа твоя золотая!
Ты зачем на прибрежном песке
вся, как ведьма, стоишь молодая?

Для загара открыто чело,
беспокойный поток настроений.
И реальнее нет ничего
самых зыбких твоих заблуждений.

Волосами на грудь пролилась,
не подвластная ветреной моде.
Признаю твою дерзкую власть,
не грущу о постылой свободе.

Значит, нет впереди пустоты
и печаль не туманит сознание,
если вся отзываешься ты
на улыбку мою и страданье.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.

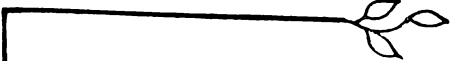
Мать придет и уснет без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.

Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня.

Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеется во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...

Не грусти! На знобщем причале
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.

Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу.

ДМИТРИЙ
СУХАРЕВ

КУПЛЮ ТЕБЕ ПЛАТЬЕ

Куплю тебе платье такое,
Какие до нас не дошли,
Оно неземного покроя,
Цветастое, недорогое,
С оборкой у самой земли.

Куплю тебе кроме того
Кассеты хорошего звука,
Кассетник включить не наука,
И слушай, и слушай его.

Но ты мне скажи: отчего,
Зачем эти тяжесть и мука?

Зачем я тебя и детей
Так тяжело люблю и жалею?
Какою печалью болею?
Каких содрогаюсь вестей?

И холод зачем неземной
Меня неизменно пронзает,
И что мою душу терзает —
Скажи мне, что это со мной?

С обложкой весеннего цвета
Куплю тебе модный журнал,
Прочтешь три-четыре совета,
Нашьешь себе платьев за лето —
Устроишь себе карнавал.

С оборкой у самой травы,
С оборкой у палой листвы,
С оборкой у снега седого.

С оборкой у черного льда...
Откуда нависла беда?
Скажи мне хоть слово, хоть слово.

ОЛЕГ
ДМИТРИЕВ

* * *

Время истечет — и ты уйдешь.
Нас расцепят,
словно мы — вагоны,
ощутим, какого цвета ложь,
шевельнем параграфы,
законы...

На твои следы наляжет снег,
ты уедешь прочь из Ленинграда...
Только где-то в дебрях
картотек
мы еще надолго будем —
рядом.

* * *

Ты бремя лет превозмогла,
Пускаясь в долгий путь,
Когда из прошлого пришла,
Не постарев ничуть.

К чему бросаться взглядом вспять,
Угадывать черты?
Тебя не нужно узнавать —
Конечно, это ты.

Та, туфли скинувшая вдруг
И в тоненьких чулках
Бегущая под визг подруг
На праздничных снегах!

Но стерт давно
Тот легкий след
Ветрами бытия...
Переменился белый свет.
Переменился я.

Лишь неизменен облик твой,
Зовущая к добру,
Как будто ты водой живой
Умылась поутру!

Веселой юности глоток
Обжег мою гортань,
Но тут же
Сам себе, жесток,
Сказал я: «Перестань!»

Невозвратима та любовь
На лоне декабря!»
И на тебя взглянул я вновь,
Как будто говоря:

— Нет, жизнь нам права не дала
И на святую ложь.
Коль ты из прошлого пришла,
Ты в прошлое уйдешь!

Туда, где я остался сам
Счастливым, молодым.
Твой ясный взгляд мне больше там,
Чем здесь,
Необходим.

АЛЕКСАНДР
КУШНЕР

* * *

Неромантичны наши вкусы.
Нам утешаться до конца
Волос начесом светло-русым
И миловидностью лица
С чуть-чуть размытыми чертами
И носом, вздернутым слегка.
Где рок, сверкающий очами?
Как иступленность далека!

Угля на брови не хватило
И синей краски — на глаза.
Губа другую прикусила,
Чтобы не вылилась слеза.
Не плачь, пройдет!

Вся жизнь, с пустыми
Мечтами, все пройдет, вполне.
Какими средствами простыми
Ты надрываешь сердце мне!

* * *

Вот женщина: пробор и платья вырез милый.
Нам кажется, что с ней при жизни мы в раю.
Но с помощью ее невидимые силы
Замысливают боль, лелея смерть твою.

Иначе было им к тебе не подступиться,
И ты прожить всю жизнь в неведении мог.

А так любая вещь: заколка, рукавица —
Вливают в сердце яд и мучат, как ожог.

Подрагиванье век и сердца содроганье,
И веточка в снегу нахохлилась, дрожа,
И жаль ее, себя и всех. Зато в страданье,
Как в щелочной воде, отбелится душа.

Не спрашивай с нее: она не виновата,
Своих не слышит слов, не знает, что творит,
Умна она, добра, и зла, и глуповата,
И нравится себе, и в зеркальце глядит.

* * *

Быть нелюбимым! Боже мой!
Какое счастье быть несчастным!
Идти под дождиком домой
С лицом потерянным и красным.

Какая мука, благодать
Сидеть с закушенной губою,
Раз десять на день умирать
И говорить с самим собою.

Какая жизнь — сходить с ума!
Как тень, по комнате шататься!
Какое счастье — ждать письма
По месяцам — и не дожидаться.

Кто нам сказал, что мир у ног
Лежит в слезах, на все согласен?
Он равнодушен и жесток.
Зато воистину прекрасен.

Что с горем делать мне моим?
Спи. С головой в ночи укройся.
Когда б я не был счастлив им,
Я б разлюбил тебя. Не бойся!

ИГОРЬ
ШКЛЯРЕВСКИЙ

* * *

Я спал и не слышал, как ливень шумел,
как молнии черную бездну кромсали,
как дикие гуси в долине кричали,
и стог полыхал, и подсочник скрипел.

Когда я проснулся — была тишина.
И луг, неуютной зарей озаренный,
всплывал из тумана, как будто со дна
стихии, недавно еще разъяренной.

И смутное что-то бродило во мне,
казалось, что где-то, однажды, когда-то
мы жили с тобою на этой земле
и даже встречались у края заката.

Когда это было? Не важно когда!
Тебя я любил, и меня ты любила.
И так же печально речная вода
солону и пену в туман уносила.

И над равнодушным журчанием струй,
над мутною пеной и желтой соломой
огневкою, бабочкой ярко-лиловой,
наш первый бессмертный летел поцелуй...

ОЛЕГ
ЧУХОНЦЕВ

* * *

Я назову тобой бездомный год,
кочевий наших пестрый обиход,

и ночь в окне, и лампу на стене,
и тьму привычек, непонятных мне.

Я назову тобой разлив реки,
избыток жизни с привкусом тоски.

Пусть даже ты уйдешь — я не умру.
...и тень в жару, и зяблика в бору...

Пусть даже ты уйдешь — я буду знать,
что, названная, прибежишь опять,

хотя тебе и будет невдомек,
что я один, но я не одинок,

что ты как дух со мной наедине.
...и ночь в окне, и лампу на стене.

* * *

Робя, сама прибежала,
накидку смахнула рывком
и, волосы взбив как попало,
осыпала талым снежком.

А плечи так жарки до дрожи,
так мокро топорщится ворс,
что только ознобом по коже
и страшно, что это всерьез!

Ах, радость моя, успокойся.
К чему наводить марафет?
Присядем. Не бойся, не бойся.
Как зябко. И выключим свет.

О чем ты? Как доводы долги.
Как руки твои холодны.
Не надо, не надо о долге —
мы только любимым должны.

Да ладно, сочтемся со всеми.
Скорей же! — я сам без ума.
Скорей! — и колени в колени,
и сердце у горла, и тьма.

...А там, за тяжелою шторой,
где в соснах стоит Орион,
протяжно торопится скорый,
влача за вагоном вагон.

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

* * *

За дорожной случайной беседой
Иногда мы любили блеснуть
То любовной, то ратной победой,
От которой сжимается грудь.

Поддержал я высокую марку,
Старой встречи тебе не простил.
И по шумному кругу, как чарку,
Твое гордое имя пустил.

Ты возникла, подобно виденью,
Победителю верность храня.
— Десять лет я стояла за дверью,
Наконец ты окликнул меня.

Я глядел на тебя не мигая.
— Ты продрогла...— и выпить велел.
— Я дрожу оттого, что нагая,
Но такую ты видеть хотел.

— Бог с тобой!— и махнул я рукою
На нелепую радость свою.—
Ты просила любви и покоя,
Но тебе я свободу даю.

Ничего не сказала на это —
И мгновенно забыла меня.
И ушла по ту сторону света,
Защищаясь рукой от огня.

С той поры за случайной беседой,
Вспоминая свой пройденный путь.
Ни любовной, ни ратной победой
Я уже не пытаюсь блеснуть.

* * *

Ты зачем полюбила поэта
И его золотые слова?
От высокого лунного света
Закружилась твоя голова.

Ты лишилась земли и опоры.
Что за легкая тяга в стопе?
И какие открыло просторы
Твое тело и в нем, и в себе?

Он хотел свою думу развеять,
Дорогое стряхнуть забытье.
Он сумел небесами измерить
Свой полет и паденье твое.

И небрежным движением поэта
Он накинул на плечи твои
Блеск тончайшего звездного света
От прощального слова любви.

Что-то будет: огонь или солнце?
Заметет вас полынь-мурава.
Ты заплачешь, а он отзовется
На свой золотые слова.

ПРИМЕЧАНИЕ

Апухтин Алексей Николаевич (1810—1893) — лирик, в творчестве которого отразились настроения русской интеллигенции 80-х гг. 19 в. Основные темы его творчества — сочувствие к людям и сожаление об «общем унынии» тех лет. Основные жанры, в которых работал поэт, — лирический рассказ, монолог, романс. Многие стихи А. Н. Апухтина положены на музыку.

Анненский Иннокентий Федорович (1856—1909) — лирик, драматург, переводчик, критик. Поэзия Анненского была известна ограниченному кругу читателей, но имя его как тонкого мастера, передающего сложный душевный мир человека, прочно вошло в историю русской литературы.

Асеев Николай Николаевич (1889—1963) — один из основоположников советской поэзии, продолжатель традиций Маяковского. В ранний период творчества примыкал к футуризму, преодолеть влияние которого ему помогла революция.

Антокольский Павел Григорьевич (1896—1978) — известный советский поэт и переводчик. Основные темы его поэзии — время и история.

Алтаузен Яков Моисеевич (1907—1942) — поэт. Участник Великой Отечественной войны. Погиб в бою под Харьковом. Для поэзии Алтаузена характерен романтический пафос, отражающий героизм гражданской войны и строительные будни первых пятилеток.

Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — один из ближайших литературных учителей А. С. Пушкина. Член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Исповедовал просветительную философию Вольтера и французских философов-материалистов.

В 1817 г. произведения Батюшкова вышли отдельной книгой «Опыты в стихах и прозе».

Баратынский Евгений Абрамович (1800—1855) — «наш первый элегический поэт», по словам А. С. Пушкина.

Поэзия Е. Баратынского носит свободолюбивый характер. Он вос-

певал свободу и достоинство личности, независимость мысли, благородство и красоту любви. Е. Баратынский — один из видных русских поэтов-философов, оказавших влияние на последующее развитие русской лирики.

Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1875) — впервые появился в печати в 1835 г. с небольшой книжкой стихов, которая принесла ему громкую славу. Лишь Белинский не разделял всеобщего восторга, подчеркивая, что творчество Бенедиктова лишено «действительно почвы», а отсюда в его стихах вычурность и гиперболизм, внешний блеск и эффектность.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт и переводчик. В раннем творчестве на него оказывала большое влияние народническая поэзия. Позднее Бальмонт выступал как сторонник символизма и стал одним из ранних представителей этого течения в русской поэзии.

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — поэт и прозаик, лауреат Нобелевской премии 1933 г. Преобладающая тема его стихов — русская природа и связанные с нею переживания и раздумья. Продолжая традиции русской лирики середины века, он развивал их в реалистическом направлении, преодолевая импрессионистические тенденции.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт и ученый энциклопедист. Один из теоретиков символизма, от которого впоследствии отошел. Горький назвал Брюсова «самым культурным писателем на Руси». Октябрьскую революцию поэт принял безоговорочно, включился в общественную деятельность, в 1921 г. организовал Высший литературно-художественный институт.

Блок Александр Александрович (1880—1921) — тонкий, сложный и противоречивый поэт. Для ранней его лирики характерны черты символизма, от которого он вскоре отходит. Блок — поэт романтического склада. Романтическую окраску носят и произведения, посвященные Октябрьской революции.

Белый Андрей (1880—1934) — поэт и прозаик, теоретик символизма.

Багрицкий Эдуард Георгиевич (1895—1934) — поэт. Лучшие произведения Багрицкого проникнуты революционной романтикой, пафосом гражданской войны.

Боков Виктор Федорович (родился в 1914 г.) — поэт. Основные темы поэзии Бокова — русская природа и жизнь колхозного села. Поэзия Бокова свойственно сочетание народно-поэтической стихии с формами современного стиха.

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) был близок с декабристами, знал о существовании тайных обществ, но членом

их не был. После разгрома декабристского восстания становится на путь примирения с самодержавием.

В литературном творчестве Вяземского отражены ранние тенденции в русской поэзии к простоте, содержательности и конкретности.

Веневитинов Дмитрий Владимирович (1305—1827) — человек всесторонне одаренный, поэт, музыкант, художник, философ, переводчик, погибший на двадцать втором году жизни.

Волошин Максимилиан Александрович (1877—1933) — поэт, художник, критик. Примыкал к символистам, после революции в его творчестве стали звучать общественные мотивы, тема России и ее истории.

Васильев Павел Николаевич (1910—1937) — поэт лиро-эпического склада. Сочностью языка, буйностью образов, характером изобразительных средств поэзия Васильева близка народнопесенному творчеству.

Ваншенкин Константин Яковлевич (родился в 1925 г.) — поэт. Участник Великой Отечественной войны. Поэзия Ваншенкина проникнута мыслью о преемственности поколений, о долге человека перед своим временем.

Винокуров Евгений Михайлович (родился в 1925 г.) — поэт. Участник Великой Отечественной войны. В своей поэзии Винокуров отразил героизм и мужество своего поколения в годы войны, высокие нравственные идеалы советского человека.

Вознесенский Андрей Андреевич (родился в 1933 г.) — известный советский поэт, для которого характерен поиск новой поэтической формы: он исследует новые ритмы, расширяет значение и звучание слова, широко использует в своих стихах аллегорию, необычные ассоциации и метафоры.

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) вошел в историю русской литературы как автор комедии «Горе от ума», которая своим идейно-художественным совершенством заслонила другие произведения писателя. Но Грибоедов был автором статей, незаконченных драм и ряда интересных стихотворений, отражающих процесс формирования русской лирики.

Гребенка Евгений Павлович (1812—1848) писал мало стихов, он вошел в литературу как автор прозаических произведений, написанных в духе гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки». В стихах видны черты реализма, тяготение к фольклору и портретным зарисовкам.

Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864) — поэт, переводчик, критик — называл себя «последним романтиком». Содержанием его поэзии является безысходное страдание, источник которого — не в противоречиях общественной жизни, а в извечной

дисгармонии мира. В последние годы жизни сотрудничал в качестве главного критика в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха».

Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913) печатался в «Вестнике Европы», «Северном вестнике», «Русской мысли» и других московских журналах. Критика отмечала оригинальное дарование автора и причисляла его к школе Фета-Полонского в противоположность Некрасовскому направлению.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, прозаик, переводчик. Один из первых поэтов-акмеистов, но уже в ранних произведениях отражена романтика революционной борьбы. В дальнейшем углубляются реалистические тенденции в творчестве Городецкого.

Гитович Александр Ильич (1909—1966) — поэт и переводчик. Участник Великой Отечественной войны. Стихи его лаконичны, мужественны и достоверны.

Гончаров Виктор Михайлович (родился в 1920 г.) — поэт. Участник Великой Отечественной войны. Стихи его посвящены главным образом военной проблематике. Разрабатывает свободный стих на народной основе. Известен как скульптор и иллюстратор своих книг.

Гудзенко Семен Петрович (1922—1953) — поэт-фронтовик. Стихи, написанные в годы войны, сделали его имя широко известным.

Горбовский Глеб Яковлевич (родился в 1931 г.) — поэт. Для его поэзии характерны ясный музыкальный стих, конкретное видение предметов, лирический накал.

Державин Гаврила Романович (1743—1816) — крупнейший представитель классицизма, первым из русских поэтов нарушивший его жанровые нормы. В его творчестве впервые появляется индивидуальное лицо автора с особенностями национального характера вместо традиционно-условного образа классицистического поэта. Поэзия Державина с ее конкретностью и чертами демократизма оказала огромное влияние на развитие русской литературы.

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) принимал участие в трех войнах — с французами, шведами и турками. Выдающиеся военные способности и личная храбрость дали ему возможность проявить талант воина-патриота в Отечественной войне 1812 г.

Давыдов принадлежал к передовым русским офицерам, и его поэтическое творчество определяет истинный демократизм. Он создал в русской литературе образ лирического героя, удалого гусара, презирающего лесть, ложь и всякую искусственность.

Дельви́г Анто́н Анто́нович (1798—1831) был близок с передовыми деятелями декабристского движения, хотя сам в тайное общество не входил. Особая дружба связывала его с Пушкиным и Баратынским. Один из видных представителей русской поэзии Пушкинской поры, Дельви́г приобрел известность своими элегиями и идиллиями, а также романсами и песнями, положенными на музыку Глинкой, Алябьевым и др.

Драве́рт Петро́ Людо́вкович (1879—1945) — поэт, ученый, профессор минералогии и геологии. Вся жизнь Драверта была связана с Сибирью, поэта по праву называют певцом сибирской природы. В стихах Драверта нашли отражение жизнь и быт якутов, эвенков, ненцев.

Долматовский Евгений Аронович (родился в 1915 г.) — поэт. Участник Великой Отечественной войны. В центре стихов Долматовского — образ современника, рабочего наших дней, солдата и офицера Советской Армии. Долматовский — автор многих популярных песен.

Дудин Михаил Александрович (родился в 1916 г.) — поэт. Участник Великой Отечественной войны. Военно-патриотические стихи Дудина по своей тональности мужественны, энергичны. После войны Дудин пишет о труде советского человека, о борьбе за мир, о жизни послевоенной Европы.

Давыдов Сергей Давидович (родился в 1924 г.) — поэт. Участник Великой Отечественной войны. Через все книги Давыдова проходят воспоминания о суровых днях Ленинградской эпопеи, образ родного города.

Дмитриев Олег Михайлович (родился в 1937 г.) — поэт. Участник коллективного поэтического сборника «Общезитие» (1961). Жизнь современного города, сущность характера современника — начало поэтических исканий Дмитриева.

Ерошин Иван Евдокимович (1894—1965) — один из зачинателей советской поэзии в Сибири. Оудав много лет изучению Алтая, поэт проникся песенным ладом алтайцев, так что его стихи такой знаток литературы, как Ромен Роллан, принял за подлинные песни алтайского народа.

Есенин Сергей Александрович (1895—1925) — великий русский поэт, тончайший лирик. Произведения его вошли в золотой фонд советской поэзии. Любимая тема стихотворений Есенина — тема Родины, России, нежное чувство природы.

Евтушенко Евгений Александрович (родился в 1933 г.) — известный советский поэт, страстно и искренне воспевающий жизнь во всей ее сложности и многогранности, красоту человеческой души.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — отец русского романтизма. Он создал лирику, раскрывающую внутренний мир человека, полную гуманности и уважения к человеческому достоинству. Познакомив в своих переводах русскую литературу с лучшими образцами мировой поэзии, «он сделал ее, — по словам Белинского, — доступною для общества дал ей возможность развития, и без Жуковского мы не имели бы Пушкина».

Жемчужников Алексей Михайлович (1821—1908) в истории русской поэзии известен по преимуществу как сатирический поэт. Особенно значительно его участие в создании знаменитого образа Козьмы Пруtkова. Выступал и как лирический поэт с отчетливой гражданской тематикой.

Жаров Александр Алексеевич (родился в 1904 г.) относится к плеяде первых комсомольских поэтов. Участник Великой Отечественной войны. Стихи 20-х гг. проникнуты духом революционной романтики. Основные жанры поэзии Жарова — лирико-публицистические стихи, поэмы. Жарову принадлежат тексты популярных песен.

Жигулин Анатолий Владимирович (родился в 1930 г.) — поэт, близкий к традициям Бунина, Есенина, Твардовского. Основная художественная коллизия в поэзии Жигулина — сопоставление вечной природы и преходящей жизни человека. пронизанной тревогой и болью, — выражает напряженность психологической жизни современника.

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903—1958) — поэт и переводчик. Переводы Заболоцкого стали явлением русской поэзии. В последние годы жизни написал лучшие свои стихи, в которых удивительно соединились тончайший лиризм и высокие философские начала.

Завальнюк Леонид Андреевич (родился в 1931 г.) — поэт. Размышления о наших днях соседствуют в поэзии Завальнюка с воспоминаниями детства, военной поры.

Ивнев Рюрик (родился в 1891 г.) — поэт и переводчик. В годы революции и гражданской войны сотрудничал с эгофутуристами и имажинистами, позднее отошел от этих литературных течений. Переводил с грузинского, осетинского, азербайджанского и других языков.

Исаковский Михаил Васильевич (1900—1973) — по преимуществу поэт-песенник, один из создателей советской песни. Поэзии Исаковского свойственны задушевность, простота и выразительность поэтической речи, напевность стиха.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — историк и поэт. «Карамзиным, — по словам Белинского, — началась

новая эпоха русской литературы». Впервые в его поэзии нашли выражение тончайшие оттенки переживаний и настроений поэта, хотя поэтический мир его узок и далек от гражданских мотивов.

Карамзин оказал прямое влияние на Жуковского и Батюшкова, а через них — на лирику Пушкина.

Козлов Иван Иванович (1779—1840) — литературный ученик и продолжатель Жуковского. Поэзия Козлова в основе своей лишена социального содержания, проникнута религиозностью и пассивным гуманизмом. Но искренность поэта, задушевность и простота в развитии романтических тем, музыкальность и культура стиха привлекали внимание читателей к поэту.

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) воспитывался в грубой, мещанской среде, не давшей ему возможности получить образование. Поэтическое творчество его развивалось под влиянием Белинского. Велико значение Кольцова как создателя новых форм поэтического выражения истинно народных дум и автора песен.

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) принадлежит к реакционным русским писателям, группировавшимся вокруг консервативного журнала О. И. Сенковского «Библиотечка для чтения». Отдельным собранием стихи Кукольника никогда не выходили, но сохранились некоторые его стихи, песни и романсы, положенные на музыку М. И. Глинкой.

Клюев Николай Алексеевич (1887—1937) — представитель так называемого новокрестьянского направления в русской поэзии начала XX в. В творчестве Клюева сказались приверженность к «избяной» старине, неприязнь к городу, к западной культуре.

Кирсанов Семен Исаакович (1906—1972) — поэт. В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом армейских газет. Ранние стихи Кирсанова носят отпечаток формального ученичества у разных поэтических школ. Важное место в его творчестве занимают поэмы на социально-исторические и философские темы.

Корнилов Борис Петрович (1907—1939) — яркий, темпераментный лирик, автор полных гражданского пафоса поэм «Триполье» и «Моя Африка».

Кедрин Дмитрий Борисович (1907—1945) — поэт, обретший поэтическую зрелость в годы Отечественной войны. Россия, ее прошлое, мысли, чувства и стремления советских людей — основная тематика его поэзии. Кедрин — автор многих исторических баллад и поэм.

Ковалев Дмитрий Михайлович (1915—1977) — поэт. Участник Великой Отечественной войны.

Козловский Яков Абрамович (родился в 1921 г.) — поэт и переводчик. Мастерство Козловского особенно проявилось в переводах поэзии Гамзатова.

Кулемин Василий Лаврентьевич (1921—1962) — поэт. Любовь к жизни, к родной земле, гражданственность, нетерпимость к равнодушию — основные черты лирики Кулемина.

Куняев Станислав Юрьевич (родился в 1932 г.) — поэт и переводчик. Родина, природа, история и место человека в ней — вот главная тема творчества Куняева. Присутствие своей собственной судьбы, своих духовных исканий всегда ощущается в его стихах.

Костров Владимир Андреевич (родился в 1935 г.) — поэт. Один из авторов коллективного сборника стихов комсомольских поэтов «Общежитие» (1961). Привлекают энергичные ритмы, романтическая приподнятость стихов Кострова.

Кушнер Александр Семенович (родился в 1936 г.) — поэт и переводчик. Избегая абстрактного философствования, Кушнер стремится извлечь поэтический смысл из неподдельного, ежедневно реального бытия.

Кузнецов Юрий Поликарпович (родился в 1941 г.) — поэт. Сложная образность органически сочетается у Кузнецова с напряженностью интонации, энергия поэтических жестов — с духовной углубленностью.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — великий русский поэт, творчество которого явилось исповедью лучших людей России 1830-х годов и шагом вперед в движении русской литературы к реализму и народности. Обличительная тенденция лермонтовской поэзии, непримиримая критика самодержавия, огромное дарование поэта были высоко оценены Белинским и последующей демократической критикой.

Луговской Владимир Александрович (1901—1957) принадлежит к поколению советских поэтов, которые начали свой путь в двадцатые годы. Его проникновенная лирика пронизана ветром нашего бурного века.

Луконин Михаил Кузьмич (1918—1976) — поэт. Участник Великой Отечественной войны. И фронтовые стихи, и произведения, посвященные мирному труду недавних бойцов, пронизаны антивоенным пафосом.

Левитанский Юрий Давыдович (родился в 1922 г.) — поэт и переводчик. Участник Великой Отечественной войны. Герой поэзии Левитанского — наш современник, прошедший испытание.

ния военных лет, верящий в жизнь и отвергающий обывательское прозябание.

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) широко известен как поэт-песнник. Его песни и романсы были очень популярны. Белинский видел достоинство песен Мерзлякова в том, что в них можно было услышать «русскую грусть-тоску, русское горсванье, от которого щемит сердце и захватывает дух».

Мятлев Иван Петрович (1796—1844) выступил на литературном поприще в 1833 г. с книжкой стихов «Друзья уговорили», принесшей автору в светских кругах славу остряка и импровизатора. Творчество Мятлева лишено глубокого содержания и художественной ценности, но сохраняет историко-литературный интерес.

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — поэт и переводчик. В 40-е гг. сблизился с Белинским, посещал кружок Петрашевского, но прогрессивные идеи воспринял поверхностно и неглубоко. Поэзия Майкова созерцательна и идиллична, но в ней отразились и пушкинские поэтические принципы: точность и конкретность описаний, ясность в развитии темы, простота образов и сравнений.

Мей Лев Александрович (1822—1862) — поэт и переводчик. Высоко был оценен современной критикой перевод «Слова о полку Игореве». В поэзии Мей наряду с элементами славянофильства имеются черты, близкие некрасовскому направлению.

Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865) — поэт, переводчик, журналист, сотрудник «Современника». За революционно-демократическую деятельность был приговорен к каторжным работам на 12 лет с пожизненным поселением в Сибири. Умер в каторжной тюрьме рудника Кадая. Для поэтического творчества Михайлова характерны острая политическая тематика, высокий гражданский пафос и искренность лирической интонации.

Маршак Самуил Яковлевич (1887—1964) — выдающийся детский поэт и переводчик. Наследие поэта огромно: повести в стихах, баллады, пьесы, сказки, лирические стихи, воспоминания.

Мандельштам Осип Эмильевич (1891—1938) — поэт, переводчик, прозаик, критик, оставивший ценное, еще не собранное воедино и не изученное литературное наследие.

Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) — великий советский поэт. В ранний период творчества был связан с футуризмом, влияние которого быстро преодолел. Свою поэзию Маяковский поставил на службу революции, партии и народу.

В деятельности и человеческом облике Маяковского воплотился новый тип поэта — поэта революционной эпохи.

Мартынов Леонид Николаевич (родился в 1905 г.) — известный советский поэт, очеркист, переводчик. Основные темы его поэзии — познание действительности, человек как творец и создатель.

Марков Сергей Николаевич (родился в 1906 г.) — поэт и прозаик. Действительный член Географического общества СССР, автор книг и статей по истории путешествий и географических открытий. В поэзии Маркова изображаются события русской истории, воспевается романтика странствий.

Максимов Марк Давыдович (родился в 1918 г.) — поэт и переводчик. Участник Великой Отечественной войны.

Межиров Александр Петрович (родился в 1923 г.) — поэт и переводчик. Участник Великой Отечественной войны. Поэзия Межирова родилась на войне и вобрала в себя не только тематику, но и самую атмосферу грозного времени, обнажившего действительный смысл человеческой жизни и смерти.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1878) — великий русский поэт-демократ. Некрасов впервые в русской литературе выразил чувства и думы трудового народа, его поэтическая речь сближается с народной речью. Истинно поэтическое и высокое приобретает у Некрасова содержание, соответствующее революционно-демократическим идеалам.

Никитин Иван Саввич (1824—1861) — поэт некрасовского направления, творчески использовавший традиции устной народной поэзии.

Надсон Семен Яковлевич (1862—1887) в своем поэтическом творчестве и статьях отстаивал общественную роль поэзии. Имя Надсона имело широкую известность, за один год сборник его стихов выдержал три издания (в марте 1885, в январе 1886 и в марте 1886 гг.). Его поэзия проникнута искренней гражданской скорбью, в ней «боль за идеал и слезы о свободе».

Наровчатов Сергей Сергеевич (родился в 1919 г.) — поэт. Участник Великой Отечественной войны. Военная тема составляет основу поэзии Наровчатова.

Огарев Николай Платонович (1813—1877) — поэт, публицист, революционный деятель. В 1856 г. Огарев эмигрировал в Лондон и вместе с Герценом руководил «Вольной русской типографией», издавал газету «Колокол».

Стихи Огарева отражают переживания лучших людей передового дворянства, проникнуты глубоким драматизмом.

Ольхон Анатолий Сергеевич (1903—1949) — извест-

ный сибирский поэт. Знание сибирского фольклора вооружило его стихи и переводы с якутского, эвенкийского и других языков своеобразием и красотой народного слова.

Ошанин Лев Иванович (родился в 1912 г.) — поэт. Основное место в его творчестве занимает песня.

Озеров Лев Адольфович (родился в 1914 г.) — поэт, переводчик, критик. Участник Великой Отечественной войны.

Орлов Сергей Сергеевич (1921—1977) — поэт. Участник Великой Отечественной войны. Стихи Орлова — это поэтическая летопись фронтовой героики, раздумья о времени, о величии и гуманизме человека.

Окуджава Булат Шалвович (родился в 1924 г.) — поэт и прозаик. Участник Великой Отечественной войны. Окуджава известен как автор и исполнитель лирических песен. Значительная часть его стихов рождена впечатлениями военных лет. Для стихов Окуджавы характерно слияние разговорной и песенной интонаций.

Плетнев Петр Александрович (1792—1865) состоял членом Вольного общества любителей российской словесности, был в близких отношениях с Карамзиным, Жуковским, Рылевым, Пушкиным, Баратынским и многими другими русскими писателями. Основным лирическим жанром Плетнева была медитативная элегия, характерная для русского романтизма 1820-х гг.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — великий русский поэт. Творчество Пушкина — гениальное завершение векового процесса сближения русской литературы с жизнью. Обладая глубоким чувством истории, Пушкин выразил сознание русского народа в период начала его национального пробуждения.

Полежаев Александр Иванович (1804—1838) — автор известной поэмы «Сашка», попавшей в руки тайной полиции. Поэма стала известна Николаю I, который приказал определить Полежаева за вольномыслие унтер-офицером в Бутырский пехотный полк. Он бежал из полка, за что был лишен дворянства и разжалован в рядовые.

Стихи Полежаева отличаются жизненной правдой, создавая трагический образ поэта, замученного ужасами солдатчины и деспотизмом самодержавия.

Подолинский, Андрей Иванович (1806—1886) рано приобрел литературную известность, вошел в круг лучших писателей, бывал на литературных собраниях у Дельвига, часто встречался с Пушкиным. Но быстро пришедшая литературная слава так же скоро оставила его, что объясняется оторванностью творчества поэта

от развития передовой русской литературы, вступившей на путь реализма.

Полонский Яков Петрович (1819—1898) — поэт и прозаик. Внутренний мир человека Полонский рисует психологически точно, мастерски передает сложную смену душевных состояний.

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт, прозаик и переводчик, член кружка Петрашевского. Плещеев и поэты-петрашевцы оказали большое влияние на развитие гражданской демократической поэзии второй половины XIX в. Поэзия Плещеева отличается гражданским пафосом, призывом в защиту угнетенных.

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) — поэт сложный и противоречивый, по преимуществу лирик, поэт большого и своеобразного дарования. Радость жизни, беспредельность человеческих чувств и страстей, героический эпос революции — основная тематика его поэтических произведений. Пастернак — мастер поэтического перевода.

Прокофьев Александр Андреевич (1900—1971) — поэт и переводчик, лауреат Государственной премии СССР. Отличительные черты поэзии Прокофьева — близость к народному слову, фольклору, яркая образность и эмоциональность.

Поженян Григорий Михайлович (родился в 1922 г.) — поэт. Участник Великой Отечественной войны. Главная его тема — тема моря, стойкости героев Черноморья, молодости, опаленной войной.

Прасолов Алексей Тимофеевич (1930—1972) — поэт. Для лирики Прасолова характерны тяготение к «вечным» вопросам бытия, пластичность образа, изобразительная емкость, метафоричность.

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — поэт-декабрист, глава Северного общества. 13 июля 1826 г. казнен на кронверке Петропавловской крепости.

Первое яркое произведение — сатира на Аракчеева «К временщику», вызвавшая восхищение у передовой молодежи. В характерной для революционного романтизма манере написаны «Думы» и поэма «Войнаровский».

Рождественский Всеволод Александрович (1895—1976) — поэт и переводчик. Участник Великой Отечественной войны. В поэтических сборниках Рождественского звучат воспоминания о гражданской войне, историческая тематика. В лирике Рождественского ощутимо влияние русской классической традиции.

Рыленков Николай Иванович (1909—1969) — поэт и прозаик. Участник Великой Отечественной войны. В лирике Рыленко-

ва запечатлено богатство русского пейзажа, создающего единый образ Родины. По форме его лирика тяготеет к классической и фольклорной традициям.

Ручьев Борис Александрович (1913—1973) — поэт. Для поэзии Ручьева характерны органическая взаимосвязь лирического и эпического начала, богатство ритмики, интонаций, близость к стихии народного творчества.

Рождественский Роберт Иванович (родился в 1932 г.) — по преимуществу поэт-оратор и публицист. В его поэзии находят отражение мужество, красота и романтика советского человека.

Решетов Алексей Леонидович — поэт. Автор нескольких сборников стихов, вышедших в Москве и Перми.

Рубцов Николай Михайлович (1936—1971) — поэт. Обостренное чувство Родины, неподдельный драматизм переживаний, удивительная емкость и выразительность слова в стихах Рубцова — свойства поэзии истинной, высокой.

Соллогуб Владимир Александрович (1814—1882) — беллетрист. Его стихотворное наследие невелико. Стихотворение «Серенада» стало любимой песней студентов Дерптского университета, где учился Соллогуб.

Случевский Константин Константинович (1837—1904) как поэт оригинален и самобытен. Его стихи, появившиеся в 1860 г. в «Современнике», вызвали горячую полемику. Характерные для его поэзии прозаизмы и угловатость наряду с трагическими настроениями делают его ранним предшественником декаденства.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — поэт и ученый, один из предшественников символизма.

Сологуб Федор Кузьмич (1863—1927) — поэт, прозаик, переводчик. Принадлежал к символистам «старшего» поколения.

Северянин Игорь (Лотарев Игорь Васильевич) (1887—1941) — поэт и переводчик. Примыкал к эгофутуристам и кубофутуристам, выступил с рядом формальных новшеств в поэзии. Поэзия последних лет отличается лиризмом, отказом от вычурности, напевностью.

Сельвинский Илья Львович (1899—1968) — поэт, прозаик, драматург, теоретик стиха. Участник Великой Отечественной войны. В ранних стихах ощущается влияние Блока и Брюсова. 20-е годы — годы поисков своего языка. Позднее поэт разрабатывает жанр исторической трагедии, занимается теорией стихосложения.

Сурков Алексей Александрович (родился в 1899 г.) — поэт. Участник гражданской и Отечественной войн. Фронтовые тетради Суркова — проникновенный лирический дневник поэта-солдата. Сурков известен и как поэт-песенник.

Светлов Михаил Аркадьевич (1903—1964) — один из первых комсомольцев России, один из первых комсомольских поэтов, воспевших комсомольскую романтику.

Саянов Виссарион Михайлович (1903—1959) — поэт и прозаик. Участник Великой Отечественной войны. Геронка гражданской войны, атмосфера социалистической стройки, картины социальной борьбы в Сибири — основные темы его творчества.

Смеляков Ярослав Васильевич (1913—1972) — известный советский поэт. Главные темы его творчества — труд, рабочий класс как строитель нового мира, вера в высокое назначение человека.

Смирнов Сергей Васильевич (родился в 1913 г.) — поэт. Участник Великой Отечественной войны. Его стихи проникнуты идеями гражданского долга, советского патриотизма. Известен и как поэт-сатирик.

Симонов Константин Михайлович (1915—1979) — поэт, прозаик, драматург, журналист и общественный деятель. Во время Великой Отечественной войны был военным корреспондентом. Фронтовая лирика Симонова — сердцевина его поэзии.

Соболь Марк Андреевич (родился в 1918 г.) — поэт и драматург. Участник Великой Отечественной войны. Главный герой поэзии Соболя — наш современник, прошедший боевой путь, возмужавший и повзрослевший.

Слуцкий Борис Абрамович (родился в 1919 г.) — поэт. В годы Великой Отечественной войны был политруком и военным корреспондентом. Главное в поэзии Слуцкого — тема времени, память о нем, поэтическое выражение народной жизни.

Самойлов Давид Самуилович (родился в 1920 г.) — поэт и переводчик. Участник Великой Отечественной войны. Самойлов — по преимуществу поэт-лирик. Его стихи проникнуты воспоминаниями о годах войны, раздумьями об историческом прошлом Родины, о долге и назначении искусства.

Солоухин Владимир Алексеевич (родился в 1924 г.) — поэт и прозаик. Основные темы творчества — родина, ее прошлое и настоящее, родная природа. Широтой интересов отличается публицистика Солоухина: зарубежные впечатления, проблемы художественного творчества, пути русского искусства.

Старшинов Николай Константинович (родился в 1924 г.) — поэт и переводчик. Участник Великой Отечественной войны. Поэзия Старшинова — мужественная лирика поколения, юность которого опалена войной.

Соколов Владимир Николаевич (родился в 1928 г.) — поэт и переводчик. Поэзию Соколова отличает пристальное внимание к внутреннему миру современника, к сложным душевным движениям (пейзажная, любовная лирика, о творчестве и мастерстве, исторические стихи).

Сухарев Дмитрий Антонович — поэт. Участник коллективного сборника «Общежитие» (1961). Стихи его привлекают простотой разговорной речи, песенным началом, добрым отношением к человеку.

Тютчев Федор Иванович (1803—1873) известен как оригинальный, талантливый поэт-мыслитель. Поэзия Тютчева — поэзия глубокой мысли, органически связанной с образами природы и душевного мира человека. Глубина содержания и совершенство мастерства поэзии Тютчева оправдывают высокую оценку сборника его стихов Фетом:

Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

Толстой Алексей Константинович (1817—1875) — поэт. Творчество его отличается жанровым разнообразием, глубиной раскрытия душевных переживаний, точностью изображений природы, сатирическим обличением самодержавия. Вместе с двоюродными братьями Жемчужниковыми в 50-е гг. создает образ Козьмы Пруткова.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), великий русский писатель, начал творческий путь как поэт. Поэтическая работа была этапом в литературной деятельности Тургенева, сыгравшим большую роль в уяснении творческой позиции писателя.

Тихонов Николай Семенович (1896—1979) — известный советский поэт и общественный деятель. Участник гражданской и Великой Отечественной войн. Тихонов — создатель советской героической баллады. Поэзия его интернациональна, гражданственна и лирична.

Тарковский Арсений Александрович (родился в 1907 г.) — поэт и переводчик. В годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом. Поэт утверждает неделимость мира, целостность духовной жизни человека, связанной с историей и современностью.

Твардовский Александр Трифонович (1910—1971) — известный советский поэт. Поэзия Твардовского глубоко народна по

содержанию и по форме. В ней отразилась жизнь новой колхозной деревни, новые социалистические отношения между людьми, суровая правда войны. В произведениях последних лет поэт философски осмысливает жизнь, роль народа в истории,

Уткин Иосиф Павлович (1903—1944) — один из первых комсомольских поэтов. Участник Великой Отечественной войны. Погиб, возвращаясь с фронта, в авиационной катастрофе. Высокая гражданственность стихов Уткина сочетается с мягким, гуманным отношением к человеку.

Фет Афанасий Афанасьевич (1820—1892) приобретает литературную известность с первых поэтических сборников. «Из живущих в Москве поэтов всех даровитее Фет», — писал Белинский в 1843 г. Фет разработал поэтические формы выражения неуловимых состояний души, способствовал обогащению поэзии новыми ритмами, интонационным разнообразием, расширявшими возможности поэтического изображения действительности.

Фофанов Константин Михайлович (1862—1911) — поэт сложный и противоречивый. С лучшими реалистическими традициями русской поэзии в его лирике сочетаются элементы символизма.

Федоров Василий Дмитриевич (родился в 1923 г.) — поэт и переводчик. Федоров развивается и как лирический, и как эпический поэт, природа в его стихах неотделима от человека и его труда.

Фатьянов Алексей Иванович (1919—1959) в основном известен как поэт-песенник. Особенно популярны песни, написанные Фатьяновым совместно с композитором В. Соловьевым-Седым.

Черный Саша (1880—1952) — поэт и прозаик. Его своеобразная сатирическая манера питалась традициями демократической сатиры 60-х гг. XIX в. Для Черного характерны органический синтез сатиры и лирики, обнаженно резкий стиль, нарочитый антиэстетизм, повлиявшие на формирование поэтики Маяковского.

Чекмарев Сергей Иванович (1910—1933) — поэт. После окончания института был отправлен на работу в Башкирию и погиб в возрасте двадцати трех лет от руки врага. В 1956 г. были обнародованы его стихи, дневники и письма.

Чивилихин Анатолий Тимофеевич (1915—1957) — поэт. В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом фронтовых газет. Стихам Чивилихина свойственны ясная образность, точность и сдержанность поэтического языка, лиричность и гражданственность.

Чухонцев Олег Григорьевич (родился в 1939 г.) — поэт и переводчик. Лирика Чухонцева отличается подлинностью пе-

реживания, она вбирает в себя живое чувство истории и природы.

Шубин Павел Николаевич (1914—1951) — поэт-фронтовик, военный корреспондент. Лучшие стихи написаны на войне и после войны.

Шефнер Вадим Сергеевич (родился в 1915 г.) — поэт и прозаик. Участник Великой Отечественной войны, обороны Ленинграда. Темы природы, верности, счастья соединены в его поэзии с памятью о войне.

Шкляревский Игорь Иванович (родился в 1938 г.) — поэт и прозаик. Темы стихов Шкляревского — послевоенное детство, родина, судьба современников.

Щербина Николай Федорович (1821—1869) широко печатался в петербургских журналах «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Сын отечества» и др. Поэзия Щерины, отличавшаяся бесспорным стихотворным мастерством, пользовалась в свое время большим, но непродолжительным успехом.

Щипачев Степан Петрович (родился в 1899 г.) — поэт. Участник гражданской войны, во время Великой Отечественной войны был военным корреспондентом. Поэзия Щипачева — поэзия раздумий и душевной сосредоточенности, поэзия сердца и души.

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — прозаик, поэт, переводчик, общественный деятель. Проза и публицистика Эренбурга широко известны, но и поэтическое наследие его велико.

Языков Николай Михайлович (1803—1846) отличался свободолобием и прогрессивным образом мысли. В стихах его, полных живого веселья и русской удачи, ярко раскрывался характер лирического героя, презирающего социальную ложь, и обнаруживалось высокое поэтическое мастерство. Пушкин ценил поэзию Языкова и говорил о своей близости к нему.

Якубович Петр Филиппович (1860—1911) — поэт и переводчик, мемуарист и литературный критик, участник народо-вольческого движения. Гражданская поэзия Якубовича отражает настроения революционного народничества в период его подъема и кризиса. В 1887 г. был приговорен к смертной казни, замененной восемью годами каторги.

Яшин Александр Яковлевич (1913—1968) — поэт и прозаик. Участник Великой Отечественной войны. Ранние стихи Яшина, светлые по настроению, ориентированы на поэтику северного фольклора. Со временем усиливается лирическое начало его стихов, происходит процесс роста личности лирического героя, появляется широта эмоционального диапазона.

СОДЕРЖАНИЕ

АПУХТИН А. Н.	135	ДОЛМАТОВСКИЙ Е. А.	324
АШЕНСКИЙ И. Ф.	141	ДУДИН М. А.	334
АСЕЕВ И. Н.	183	ДАВЫДОВ С. Д.	385
АНТОКОЛЬСКИЙ П. Г.	223	ДМИТРИЕВ О. М.	420
АЛТАУЗЕН Я. М.	284		
БАТЮШКОВ К. Н.	25	ЕРОШИН И. Е.	207
БАРАТЫНСКИЙ Е. А.	46	ЕСЕНИН С. А.	210
БЕНЕДИКТОВ В. Г.	69	ЕВТУШЕНКО Е. А.	405
БАЛЬМОНТ К. Д.	151	ЖУКОВСКИЙ В. А.	19
БУШИН И. А.	153	ЖЕМЧУЖНИКОВ А. М.	113
БРЮСОВ В. Я.	156	ЖАРОВ А. А.	261
БЛОК А. А.	161	ЖИГУЛИН А. В.	396
БЕЛЫЙ А.	169		
БАГРИЦКИЙ Э. Г.	208	ЗАБОЛОЦКИЙ Н. А.	247
БОКОВ В. Ф.	318	ЗАВАЛЬНЮК Л. А.	400
ВЯЗЕМСКИЙ П. А.	27	ИВНЕВ Р.	194
ВЕНЕВИТИНОВ Д. В.	63	ИСАКОВСКИЙ М. В.	233
ВОЛОШИН М. А.	158		
ВАСИЛЬЕВ П. Н.	290	КАРАМЗИН Н. М.	11
ВАНШЕНКИН К. Я.	389	КОЗЛОВ И. И.	16
ВИНОКУРОВ Е. М.	391	КОЛЬЦОВ А. В.	71
ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. А.	410	КУКОЛЬНИК Н. В.	77
		КЛЮЕВ Н. А.	180
ГРИБОЕДОВ А. С.	33	КИРСАНОВ С. И.	268
ГРЕБЕНКА Е. П.	79	КОРНИЛОВ Б. П.	274
ГРИГОРЬЕВ А. А.	114	КЕДРИН Д. Б.	277
ГОЛЕНИЩЕВ		КОВАЛЕВ Д. М.	331
КУТУЗОВ А. А.	137	КОЗЛОВСКИЙ Я. А.	362
ГОРОДЕЦКИЙ С. М.	174	КУЛЕМИН В. Л.	368
ГИТОВИЧ А. И.	287	КУНЯЕВ С. Ю.	404
ГОНЧАРОВ В. М.	355	КОСТРОВ В. А.	415
ГУДЗЕНКО С. П.	371	КУШНЕР А. С.	422
ГОРБОВСКИЙ Г. Я.	399	КУЗНЕЦОВ Ю. П.	427
ДЕРЖАВИН Г. Р.	9	ЛЕРМОНТОВ М. Ю.	82
ДАВЫДОВ Д. В.	21	ЛУГОВСКОЙ В. А.	241
ДЕЛЬВИГ А. А.	35	ЛУКОНИН М. К.	336
ДРАВЕРТ П. Л.	160	ЛЕВИТАНСКИЙ Ю. Д.	364

МЕРЗЛЯКОВ А. Ф.	14	СОЛОВЬЕВ В. С.	139
МЯТЛЕВ И. П.	34	СОЛОГУБ Ф. К.	148
МАПКОВ А. Н.	104	СЕВЕРЯНИН И. В.	178
МЕП Л. А.	121	СЕЛЬВИНСКИЙ И. Л.	228
МИХАИЛОВ М. Л.	131	СУРКОВ А. А.	231
МАРШАК С. Я.	182	СВЕТЛОВ М. А.	255
МАИДЕЛЬШТАМ О. Э.	198	САЯНОВ В. М.	259
МАЯКОВСКИЙ В. В.	201	СМЕЛЯКОВ Я. В.	300
МАРТЫНОВ Л. Н.	263	СМИРНОВ С. В.	316
МАРКОВ С. Н.	271	СИМОНОВ К. М.	325
МАКСИМОВ М. Д.	348	СОБОЛЬ М. А.	345
МЕЖИРОВ А. П.	375	СЛУЦКИЙ Б. А.	354
НЕКРАСОВ Н. А.	108	САМОЙЛОВ Д. С.	357
НИКИТИН И. С.	124	СОЛОУХИН В. А.	383
НАДСОН С. Я.	145	СТАРШИНОВ Н. К.	388
НАРОВЧАТОВ С. С.	349	СОКОЛОВ В. Н.	393
ОГАРЕВ Н. П.	80	СУХАРЕВ Д. А.	418
ОЛЬХОН А. С.	254	ТЮТЧЕВ Ф. И.	52
ОШАНИН Л. И.	299	ТОЛСТОЙ А. К.	91
ОЗЕРОВ Л. А.	322	ТУРГЕНЕВ И. С.	93
ОРЛОВ С. С.	360	ТИХОНОВ Н. С.	221
ОКУДЖАВА Б. Ш.	380	ТАРКОВСКИЙ А. А.	230
ПЛЕТНЕВ П. А.	30	ТВАРДОВСКИЙ А. Т.	289
ПУШКИН А. С.	36	УТКИН И. П.	249
ПОЛЕЖАЕВ А. И.	61	ФЕТ А. А.	100
ПОДОЛИНСКИЙ А. И.	67	ФОФАНОВ К. М.	147
ПОЛОНСКИЙ Я. П.	97	ФЕДОРОВ В. Д.	341
ПЛЕЩЕЕВ А. И.	128	ФАТЬЯНОВ А. И.	351
ПАСТЕРНАК Б. Л.	187	ЧЕРНЫЙ С.	172
ПРОКОФЬЕВ А. А.	235	ЧЕКМАРЕВ С. И.	295
ПОЖЕЯНИ Г. М.	373	ЧИВИЛИХИН А. Т.	333
ПРАСОЛОВ А. Т.	398	ЧУХОНЦЕВ О. Г.	425
РЫЛЕЕВ К. Ф.	31	ШУБИН П. Н.	319
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ В. А.	219	ШЕФНЕР В. С.	329
РЫЛЕНКОВ П. И.	285	ШКЛЯРЕВСКИЙ И. И.	424
РУЧЬЕВ Б. А.	312	ЩЕРБИНА Н. Ф.	106
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Р. И.	401	ЩИПАЧЕВ С. П.	232
РЕШЕТОВ А. Л.	403	ЭРЕНБУРГ И. Г.	196
РУБЦОВ Н. М.	416	ЯЗЫКОВ Н. М.	60
СОЛЛОГУБ В. А.	90	ЯКУБОВИЧ П. Ф.	142
СЛУЧЕВСКИЙ К. К.	133	ЯШИН А. Я.	305

Я ВСТРЕТИЛ ВАС...

Стихи

Редактор-составитель *Л. В. Иоффе*
Художник *Л. Я. Лобова*
Художественный редактор *Е. Г. Касьянов*
Технический редактор *С. Н. Асламова*
Корректоры *С. А. Рудых, Л. С. Пуляевская*

Сдано в набор 13.07.79. Подписано в печать 05.02.80. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Типографская №2. Малановская гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 21,92. Тираж 150 000 экз. Заказ 1704. НЕ 00326. Цена 2 руб. 20 коп.
Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного Комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Иркутск, ул. Горького, 36.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда», г. Иркутск, ул. Советская, 109.
ИБ 467

2 р. 20 к.

ИРКУТСК

1980

